

Юрий Жуков

РУССКИЕ И ЯПОНИЯ

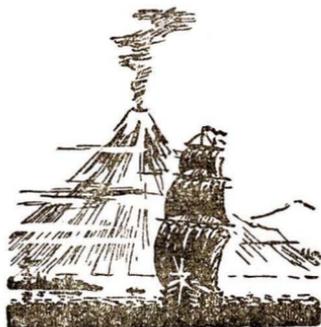

www.dmitryzhitenyov.com

Юрий Жуков

РУССКИЕ И ЯПОНИЯ

*Забывтые страницы
из истории
русских путешествий*

Издательство Главсевморпути
1 9 4 5

ОБЛОЖКА, ТИТУЛ,
ЗАСТАВКИ И КОНЦОВКИ
ХУД. В. С. ЖИТЕНЕВА .

КАК РУССКИЕ УЗНАЛИ ЯПОНИЮ

Разгромом японского милитаризма завершена вторая мировая война. «Эта победа имеет всемирно-историческое значение, как великая веха в прогрессивном развитии всего человечества», — говорит товарищ Сталин.

Японские империалисты всегда проявляли себя как кровавые захватчики. Невзирая на то, что национальному существованию Японии не угрожала ни одна держава, японские самурай лишь за последние пятьдесят лет провели восемь войн и спровоцировали сотни вооруженных конфликтов. В Азии и на Тихом океане нет ни одной миролюбивой нации, против которой Япония не поднимала бы оружия.

Особенно упорно стремились японцы к захвату наших дальневосточных земель. В обращении к народу по поводу окончания второй мировой войны товарищ Сталин подробно обрисовал эти попытки Японии:

«Следует отметить, что японские захватчики нанесли

ущерб не только нашим союзникам — Китаю, Соединенным Штатам Америки, Великобритании. Они нанесли серьезнейший ущерб также и нашей стране. Поэтому у нас есть еще свой особый счет к Японии.

Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 году во время русско-японской войны. Как известно, в феврале 1904 года, когда переговоры между Японией и Россией еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны, — напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура, чтобы вывести из строя несколько русских военных кораблей и создать, тем самым, выгодное положение для своего флота. И она действительно вывела из строя три первоклассных военных корабля России. Характерно, что через 37 лет после этого Япония в точности повторила этот вероломный прием в отношении Соединенных Штатов Америки, когда она в 1941 году напала на военно-морскую базу Соединенных Штатов Америки в Пирл-Харборе и вывела из строя ряд линейных кораблей этого государства. Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. Япония же воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на Востоке все выходы в океан — следовательно, также все выходы к портам советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток.

Но этим не исчерпываются захватнические действия Японии против нашей страны. В 1918 году, после установления советского строя в нашей стране, Япония, воспользовавшись враждебным тогда отношением к советской стране Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и опираясь на них, — вновь напала на нашу страну, оккупировала Дальний Восток и четыре года терзала наш народ, грабила советский Дальний Восток.

Но и это не все. В 1938 году Япония вновь напала на нашу страну в районе озера Хасан, около Владивостока, с целью окружить Владивосток, а в следующий год Япония повторила свое нападение уже в другом месте, в районе Монгольской Народной Республики, около Халхин-Гола, с целью прорваться на советскую территорию, перерезать

нашу Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать Дальний Восток от России».

Особая ненасытная жадность, коварство, агрессивность японского империализма являются результатом своеобразия путей исторического развития этой страны. Япония не знала ни буржуазной, ни демократической революции, которая очистила бы ее хотя бы в небольшой степени от феодальных пережитков и реакции. Заимствуя технический опыт стран Европы, насаждая у себя промышленность, правители Японии в то же время старательно оберегали свою страну от проникновения каких-либо демократических и гуманистических идей, воспитывали народ в духе безоговорочного подчинения императору и феодалам, в духе ненависти ко всему иностранному. Здесь, как нигде, нерушимо сохранилось средневековье, притом в самом мрачном и кровавом японском варианте. Империализм монархической Японии соединил в себе новейшие достижения капиталистической техники с чисто азиатской системой неслыханного зверства, коварства и разбоя.

Молодой и алчный японский империализм быстро рос и развивался в обстановке непрерывных захватнических войн, интервенции, беззастенчивых грабежей. Направление японской политики определялось военщиной, мечтавшей о мировом господстве.

Толкуя о «божественном происхождении расы Ямато», идеологи разбойничьего японского империализма систематически пропагандировали политику «крови и железа», как средство достижения захватнических целей. Они нередко ссылались на древность этой политики.

Еще в XVI веке феодал Хидэйоси, объединивший всю Японию и правивший ею в качестве самодержавного монарха, провозгласил самоуверенный разбойничий лозунг: «Пойду за море и, как цыновку, унесу подмышкой Китай». Широко распространенный в Японии миф о завоевательном походе в Корею императрицы Дзингу во II веке подогревал воинственность самураев. В 1591 году 140 000 японских солдат высадились в Корею и повели наступление против корейско-китайских войск. Вначале войска Хидэйоси одержали легкие победы, но затем были основательно биты на суше и на море. Тем не менее, японские историографы изображали этот поход как цепь блистательных успехов.

Установлено, что уже в те далекие времена японские феодалы не ограничивались планами подчинения Кореи и Китая, но готовились завоевать Формозу и Филиппины. Хидэёси проектировал создание большого флота, с помощью которого можно было бы осуществить эти дальние захватнические экспедиции.

В XVII веке феодалы из рода Токугава нагло «закрыли» Японию для иностранцев. Все попытки установить с Японией торговые и дипломатические связи неизменно оканчивались неудачей. Эта подчеркнутая враждебность несказанно поражала, в частности, русских государственных деятелей, которые еще два с половиной века назад, когда наши «землепроходцы» впервые вышли на тихоокеанское побережье, предприняли ряд мер, чтобы завязать сношения с таинственной, далекой островной страной. О Японии в те времена в Европе имелись лишь самые смутные и противоречивые известия.

Неоднократные попытки русских путешественников, мореплавателей, дипломатов установить добрососедские отношения и взаимопонимание с восточным соседом неизменно терпели крах. Посольства и торговые миссии, направлявшиеся в Японию, встречали крайне негостеприимный прием, а иногда попросту захватывались в плен..

Прошли века, а неизменно враждебное отношение властителей Японии к России сохранилось. История русско-японской войны 1904—1905 годов, японской интервенции 1918—1921 годов, конфликтов в районе озера Хасан и Халхин-Гола, бесчисленных пограничных столкновений убедительно свидетельствует о строгой преемственности японской политики по отношению к нашему народу, унаследованной японскими империалистами от феодалов средневековья.

Ныне агрессивный и алчный японский империализм разгромлен. Вступление верного своему союзническому долгу Советского Союза в войну послужило решающим ударом по Японии и ускорило окончание второй мировой войны. На Дальнем Востоке, как и на западе, наступает наконец, период мирного строительства. Тем важнее сейчас принять все меры к тому, чтобы окончательно обезвредить коварного японского хищника, предотвратить повторение агрессии.

В связи с этим своевременно и поучительно напомнить историю первых экспедиций русских в Японию, преследовавших мирные, дружественные цели. История эта, ныне:

полузабытая, представляет сейчас особый интерес, поскольку она проливает свет на некоторые особенности традиционного коварства японской дипломатии и политики.

Первыми европейцами, посетившими Японию, были португальские мореплаватели. Они побывали там в 1542 году. Вскоре в Японии поселились португальские и испанские католические священники-миссионеры. Японские власти (сьюгуны) жестокими мерами пресекли их попытки распространить свое влияние среди местного населения. С 1614 по 1638 год почти все христиане были истреблены. Сьюгуны строго следили за тем, чтобы связи с странами материка не возобновлялись.

Вести о далекой восточной стране все же проникали в Европу. Дошли они и до Москвы. В 1675 году, в тот самый год, когда русские «землепроходцы» пришли на берега Амура, из Москвы в Китай был направлен послом Николай Спафарий. Ему поручалось вести в Пекине — тогдашней столице Китая — переговоры о границе между Россией и Китаем на Амуре, о торговле с Китаем и одновременно проверить смутные известия о Японии. В памятной записке, врученной Спафарию, говорилось:

«За Китайским государством на востоце во окияне море от китайских рубежей верст с семьсот, лежит остров zelo велик, имянем Иапония. И в том острове большее богатство, нежели в Китайском государстве, обретается. руды серебряные и золотые и иные сокровища. И хотя обычай их и письмо тожде с китайским, однакожде они люди свирепи суть и того ради многих езуитов казнили, которые для проповедывания веры приезжали».*

Три года спустя, вернувшись в Москву, Спафарий написал две книги — о своем путешествии по Сибири до границ Китая и списание Китая**. В последней главе второй книги есть довольно сбивчивое описание «славного и великого острова Яппонского». Сведения о Японии Спафарий получил от иезуитов в Пекине. Кстати, и на географических картах того времени расположение Японских островов было весьма неточным.

* Цит. по Л. С. Берг, Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, Изд. Главсевморпути, Лгр. 1935, стр. 172.

** Вторая книга Н. Т. Спафария называлась «Описание первья части вселенная именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями». Впервые она была опубликована в 1910 году в Казани.

Прошло еще 20 лет, и в Москве были получены новые, на этот раз более достоверные известия о Японии. Русский казак Владимир Атласов, смелый путешественник и завоеватель, назначенный в 1695 году приказчиком на Анадырь, совершая поход по Камчатке, узнал, что у камчадалов на реке «Нане» есть пленник. Камчадалы называли его почему-то «русакон». Атласов приказал разыскать его и доставить к нему. Позднее он доносил, что «тот полоненик Узакинского государства, а то де государство под Индейским царством». Атласов доносил, что пленник «подобием кабы гречанин: сухощав, ус невелик, волосом черн». На самом же деле это был японец Денбей из города Осака на острове Нипон. Прожив два года среди русских, японец выучился говорить по-русски и рассказал свою историю*.

Родом он был из «Японского острова города Осака», т. е. из большого торгового города (второго по количеству населения после столицы) Осака, где отец его был купцом. Денбей тоже служил у одного торгового человека, был приказчиком. Он имел жену и двоих детей. Однажды зимою он был отправлен морем в город Ендю, т. е. Иеддо (Токио), «который стоит на взморье, расстоянием от Осака с 700 верст». Всего было 30 «бус», судов длиною по 15 сажень. На бусе Денбея было 15 человек экипажа. «А товары с ними были: пшено сорочинское (т. е. рис), да вино пшонное (т. е. рисовая водка, саки), да камки и китайки, бумага хлопчатая, сахар белой — мелкой, что мука, и леденец, да древо сандал, да железо для мены на шолк и на дощатое железо, и на полотна крапивные, и на золото и на серебро, для того что-де серебро и золото печатают только в двух городех — в Меаке и в Еиде, и владетель их в тех двух городех переезжая живет».

В море флотилию разнесло бурей, судно Денбея отнесло западным ветром на восток и носило ветром 28 недель; чтобы не погибнуть, пришлось срубить мачту вместе с парусами, причем потонуло два человека. «А в том судне была с ними пресная вода взята из Осака города, и той воды стало им на два месяца, а как воды не стало, тогда они пшено варили в вине, и то вино выпедея, подсычивали пшено сахаром, леденцом и понемногу питались». Когда ве-

* Полный текст «скаски» Денбея впервые опубликован Н. Н. Оглоблиным, нашедшим ее в Московском архиве министерства юстиции, в «Русской старине», окт., 1891 г., стр. 19—24.

гер утих, японцы по «матоснику» (компасу) убедились, что их унесло далеко в море. В море они нашли плавучее дерево, укрепили его вместо мачты, а паруса сшили из камки.

«И теми парусами принесло их к Курильской земле (видимо, речь идет о южной Камчатке), и они, увидя реку, пошли тою рекою вверх и дошли до курильского народу. И от тех курильских народов пришел к ним один человек, и он де, Денбей, с товарищи своими, хотя уведомитца, стали для познавания земель и языка писать на бумаге, и то письмо отдали тому курилу, чтоб он также по своему языку написал. И курил де тое бумагу положил в пазуху, потому что де камчадалские и курильские земли у народов никакого письма нет, — и пошел от них прочь. А на утро де пришло их в 4 лодках человек с 20, и, посмотря на них, пошли прочь. А в ночи де пришло их в 40 лодках человек с 200 и почали на судно по них Денбею с товарищи стрелять из луков и топорами каменными и косяжными судно их рубить и его, Денбея, из лука у левые руки по персту ранили. И они де, Денбей с товарищи, видя их многолюдство, стали из судна выносить камки и китайки, и железо, и отдавать им, чтобы их не убили. И курильские де люди те камки и китайки и железо у них взяли. А пшено и сахар нюхали и что запаху никакова оттого нет, також и вино, которого с ними было с 500 бочек, понюхав, бочки рассекли и пометали то пшено и сахар, и вино вылили в воду. А бочки оставили себе — класть рыбу, для того, что де в Курильской и Камчадалской земле никакой посуды у иноземцев нет. А рыбу кладут в ямы, а поверх покрывают деревьем и травою, и та рыба вся измыловет, и оне тое рыбу кладут в корыта и наливают водою и разогревают горячим камнем, да к тому прибавливают грибов-мухоморов, и то пьют; и гостей свою братью подчивают, и бывают оттого пьяни. А он де с товарищи Денбей того их питья пить не могли, а ели корение и рыбу, которая не больно залежалась».

На судне у Денбея было два ящика небольших японских золотых монет, «которые называют ичим». Курильцы взяли этих золотых «два ящика, пуда по два, и тех золотых они, камчадалские народы, не знают — роздали играть детям своим».

«Да и оне ж, курильские люди, двух человек из них, которые будучи на судне на море от великих слез ослепли, убили до смерти. А ево де, Денбея, взял один человек. и

свез на Камчатку реку. А товарищи ево 10 человек остались у тех курилов». До приезда Атласова Денбей прожил на реке Камчатке около года. Когда он научился немного понимать по-камчадалски, он от туземцев узнал, что к Курильской земле приходили люди на бусах и забрали десять его товарищей, «а их ли Японские или Китайские люди были, про то он не ведает».

«И как Володимер Отласов с казаками в Камчадалскую землю пришли, и он-де, Денбей, видя у них в ествах чистоту, приехал к ним, чтоб ево от голоду не покинули».

О Японии Денбей сообщил, между прочим, следующее: «А снег бывает у них в двух месяцах — в одном три дни, в другом два дни, как ветер будет с полунощную страну и того снегу нанесет малое число, толщиною на перст, и того ж дня стает, а морозов не бывает, только бывают ветры студеные три месяца. И дожди зимою и летом у них бывают. А большой день 12 часов, меньшей по 7 и по 8 часов, а среди лета солнце бывает над самым теменем и зело бывает жарко».

Последние данные для тогдашней Японии, обвинявшей острова Нипон, Сикоку и Киусиу и южную часть Иезо и простиравшейся от 30° до 42° с. ш., конечно, неверны. Родина Денбея, Осака, лежит под 35½° с. ш. Малоснежные зимы бывают только на восточных берегах, на западных же местами снеговой покров достигает 2 метров толщины.

«А в Японской-де земле владетель их или царь *, которому имя Кубо-Сама, да в подобие патриарха ** Дайро-Сама, да меньше того Дайра властью Кинчю-Сама *** живут во граде Миаке, а иное царь их переезжая живет в городе Енде».

«А скот у них быки, лошади, свинии, овцы, и тех скотов они не едят, а едят гусей, уток, кур русских, и индейских жаравлей, да по их языку птица кужаку — величиною с быка, перье белое, хвост черной, ноги красные, да рыбы большие сажени по две, кои живут в море, а в озере их живут караси, а в реках рыбы не бывают, потому что де вода зело тепла. Да в море ж ловят мелкую рыбу — подобна вологодским нельмушкам. Да ягоды, сладкие и кислые.

* То есть сьогун.

** То есть император.

*** Кинтю — по-японски дворец. Видимо, речь идет о придворной знати.

и яблока родятся, да пшено сорочинское, а иногда пшено сорочинское привозят из Китая к ним на продажу».

«А посуда де у них серебряная и медная и ценинная (фаянсовая). А ценинную посуду делают у них из морских раковин, толкут их намелко и мешаюг с глиною, и держат в земле многие годы, и из того те ценинные посуды делают». «А платье у них в Японской земле посят камчатные и китайчатые, а зимою стежное из бумаге». «А в их де земле пушечки есть маленькие — по аршину и по 1½ аршина, и порох есть же, а делают тот порох в их же земле». «А у воинов их японских оружие — мушкеты, копьа, сабли. А начальные люди носят по 2 сабли». «А как царь их гулять куды на судах ездит, — пушечки и пищали на суды с собой для потехи берет. А торговым людям того Японского острова пушек и мушкетов и пищалей с собой брать у них заказано, только в домех пищали и пушки торговые люди держат». «А около городов их стены каменные из большого дикого камня; стены толщиною аршин по шти, в вышину сажен по десяти. А дома у них делают: ставят деревянные столбы высокие, столб от столба по аршину и землю с водою, разбивая и примешивая к ней сена, меж тех столбов кладут толщиною в аршин и в полтора, слоями, а меж слоев кладут железо и веревками утягивают и убивают накрепко. Также и божницы делают, и покрывают те дома и божницы железом, а иные медью, а иные серебром и золотом. А у царя де их и у патриарха дома и начальная божница покрыта золотом».

«Да он же, Денбей, сказал: вера де у них с китайцы одна — поклоняются идолом, которых у них золотых, и серебряных, и медных, и железных, и деревяных многое число, разными образцы. И он, Денбей, описательные книги Японского острова на цесарском языке, в лицах, смотря сказал: города де Японского царства Миако, Осака, Ендо, как оне стоят в лицах в той книге — написаны сходны. И идолы человеческими и змеиными и зверскими и иными разными вображеньями, которым оне поклоняются и вместо богов почитают, и божницы и иное строение, что в той книге в лицах написано — в их земле есть против той книги сходно».

«А про господа бога, создателя неба и земля, он, Денбей, спрашиван: в него они веруют ли и где ево исповедают? — И против того он сказал: создатель де неба и земля живет год на земле, а год на небеси, только де они ево не

знают, а своих де богов называют они разными имяны: Амидаками, Токи, Хачимам и т. д.

Денбея спрашивали также о представителях других религий в Японии, на что он ответил: «Еизуитов и попов немецких в городех японских нет, а есть ли де или нет в Нагасаке городе — того он не ведает. И креста христова у них нет же, и иных никаких вер они, японцы, не принимают и быть иным верам не велят».

«А в иные де земли они, японцы не ходят, а в Японскую де землю приходят к ним кораблями немцы, с сукнами и с иными товары в город Нагасаки, и в том городе многие немцы домами живут, а в иные города Японские земли немец и никого чужеземцов торговать не пускают, а для чего — про то он не ведает».

«А в их Японской земле считают оне в году по 12-ти, а в ином году по 13-ти месяцев, а в месяцах по 4 недели, а в месяце по 28-ми, а в иных по 29-ти дней. А год почисляется у них зимою».

«А деньги у них медные называют *жени* (зени), подобны русским медным денешкам округлостью и толщиною, да серебряные деньги, которые называют у них *гин*, весом блиско московского золотника, а такую копейку привез к Москве Володимир Отласов. А медных денег на серебряную копейку дают по 50-ти. Да у них же есть золотые, шириною против ефимка, толщиною против московской медной деньги, которые называют у них *кованы* (кобан), а за тот золотой серебряных их денег дают по 40 копеек. А иные золотые большие — шириною вершка в два, которые называют *убан* (ообан), а дают за них по 4 кована. А иные золотые есть меньше, которые, называют *ичим*. (итимай), за которые дают серебряных по 10 копеек».

«А родится де у них золото, серебро и делают камки и китайки, а жемчугу и каменя дорогова у них нет, потому что де у них жемчугу и каменя никто не носит».

«Скаска» была собственноручно подписана Денбеем японски.

В конце 1701 года Денбей был доставлен в Москву и 8 января 1702 года в селе Преображенском его принял Петр.

Петр очень заинтересовался сведениями о Японии. Он приказал учить Денбея говорить и писать по-русски, «а как он русскому языку и грамоте навькнет, и ему, Денбею,

дать в научение из русских ребят человека 3 или 4 — учить их японскому языку и грамоте».

Так была основана школа переводчиков с японского языка. (Школа эта просуществовала более 100 лет.) По всем Камчатским острогам было дано знать, чтобы всех занесенных бурей японцев доставлять в эту школу. В 1711 году в Петербург был доставлен японец Санима с разбившегося у Камчатки корабля. Его назначили помощником к Денбею. 18 лет спустя были доставлены еще два японца. Их крестили и дали им фамилии: Шульц и Поморцев. Сохранился указ Сената от 18 июля 1739 года, по которому учителю японского языка Поморцеву устанавливалось жалование в 100 рублей в год, а ученикам «из солдатских детей» Шенаныкину и Феневу довольствие наравне с армейскими солдатами. К ним было назначено еще 3 ученика.

Рассказы японцев, попавших в Москву и Петербург, и сообщения Атласова вызвали огромный интерес в русских правительственных кругах. Петр I предписал Сибирскому приказу собирать от Японии самые подробные сведения. Сибирский приказ отправил «на разведку Японского царства» экспедицию во главе с «бывалым человеком» Козыревским, одним из тех авантюристов, какими был богат XVIII век*. Козыревский участвовал в 1711 году в убийстве Владимира Атласова и двух приказчиков и был послан в эту экспедицию в искупление своей вины.

В 1713 году Козыревский побывал на Курильской гряде, описал ее, но в Японию не попал. Он донес в Сибирский приказ лишь о том, что на 6-й Курильский остров приезжают японцы для торговли с курильцами, доставляют железные и чугунные котлы, лаковую и деревянную посуду, шелк, сабли и ножи. Сообщил он также, что 15-й от Камчатки остров называется Матсмай, что на нем есть японские города, а за этим островом лежит главный остров Японии.

* В газете «Северная Пчела» от 4 ноября 1844 года был опубликован любопытный архивный документ, проливающий свет на цели этой «разведки». Козыревскому было предписано, чтобы он «Особливо, как возможно, о Японском государстве проведал, какими путями ко оному проезд бызает, какое имеют ружье и битву и к воинскому делу искусны ли, и будут ли они с Российскими людьми дружбу иметь и торги водить, как и у китайцев и что им из Сибири годно, о чем всем он в вышеупомянутых и следующих годах отчасти сам через частые путешествования в оной земле и хождения по тамошнему великому морю — океану, отчасти же также через отправленных служителей наитщательнее и подлиннейше известился бы».

Не дожидаясь возвращения Козыревского, Петр послал вторую экспедицию. Она состояла из двух человек. В 1714 году их посадили на лодку и направили вдоль берега Охотского моря разыскивать путь в Японию. И эта экспедиция успехом не увенчалась.

Два года спустя двое петербургских купцов просили у Петра разрешить торговлю с Японией и Ост-Индией. Купцы предполагали плыть северным путем из Архангельска, потом подняться вверх по Оби, добраться реками до Байкала, оттуда по Селенге, Ингоде, Шилке и Амуру спуститься к Восточному океану. Купеческая затея была одобрена генерал-майором Брюсом. Брюс запросил у сибирского губернатора сведения о возможности плавания по Амуру, но производить изыскания было некому, и дело заглохло.

Еще три года спустя Петр I возобновил попытки установить связи с Японией. Он послал в Сибирь с собственной секретной инструкцией двух геодезистов, воспитанников морской академии — Ивана Евреинова и Федора Лужина, поручив им исследовать Курильские острова и собрать подробные сведения о Японии.

Целый год Евреинов и Лужин добирались до Охотска — первого русского морского порта на Тихом океане, основанного в 1651 году; в Охотске было тогда не больше десятка домов. Начальнику порта, между прочим, была дана Сибирским приказом специальная инструкция: «если к Камчатским берегам будут занесены японцы, то, не грабя и не озлобляя их, надлежит отвозить в Японию, по прежнему в их жилище и тем подать причину дружбы и искать способа к свободному торгу».

Отважные моряки взяли старую «лодию», на которой за 4 года до этого архангельский мореход Треска (посланный на Восток Петром же) совершил первое морское путешествие на Камчатку, взяли с собой морехода Мошкова, матроса Буша (пленного шведа) и кормщика Березина и в сентябре вышли в море. Они добрались до Камчатки, перезимовали там и 22 мая 1721 года ушли обследовать Курильские острова. У 5-го острова их утлая «лодия» попала в шторм. Свежий ветер порвал паруса. Моряки бросили якорь. На третьи сутки оба каната лопнули. Целую неделю «лодию» носило по морю и, наконец, прибило ко 2-му Курильскому острову. Вместо якоря мореходы употребили небольшую пилку и наковальню. Когда они поднимали их, лопнул последний канат. Кое-как мореходы с рваным парусом

сом дошли до Большерецка. Здесь они изготовили деревянные якоря, оковали их железными сковородами, которые были на «лодии», и добрались в Охотск.

В 1722 году в Казани, по пути к войскам, отправляющимся в персидский поход, Петр разговаривал с Евреинвым. Геодезист доложил Петру о результатах своего похода и вручил карту, на которой были нанесены шестнадцать Курильских островов*.

У Петра зрели все более широкие планы развития торговых отношений Российской державы. Его серьезно интересовали Америка и Ост-Индия. Русские послы завязали торговые переговоры с Испанией. Было известно, что испанцы обладают богатыми колониями в Америке, и Петру хотелось вступить в непосредственные торговые связи с американскими колониями Испании. Одновременно он лелеял планы больших торговых экспедиций в Японию и Индию.

25 июня 1724 года Коллегия иностранных дел, совместно с представителями Коммерц-коллегии, рассматривала список товаров, которые можно было бы получить из Испании. Среди них фигурировал список «товаров американских». В списке этом было немало заманчивых предметов: «золото — пистолями из Мексики и Перу», серебро — «ефимки в Индии деланные и слитки из Мексики и Перу», жемчуг, изумруд, «кин-кин — пригоден в лекарство», «кокао и банил — употребляются для дела шекулата» и др.

То была пора, когда русские корабли с товарами снаряжались во все концы света с задачей «зачать и продолжать всяческим образом» торговлю, а «потом помалу компанию собирать», как предписывал Петр.

Камнем преткновения на пути расширения торговых связей России с ее восточными соседями, в частности, с Японией, была чрезвычайная слабость географических познаний того времени. Очертания Японии были известны чрезвычайно плохо. На севере Японии картографы изображали «остров Матемай», к востоку от него большой «остров Штатов», а еще восточнее — мифическую «Землю Гамы». Навка того времени не знала очертаний северного побережья Сибири, не было известно, соединяются ли материки Азии и Америки или между ними есть пролив, где лежит западное побережье Северной Америки.

* Записки Русского географического общества, 1849 г., кн. III, Бэр, Заслуги Петра Великого по части распространения географических знаний.

Взвесив все это, Петр I решил предпринять экспедицию небывалых по тому времени масштабов. Во главе ее он поставил капитана Витуса Беринга, по происхождению датчанина, 20 лет служившего в русском флоте. Петр знал Беринга как опытного морехода и исследователя: в 1703 году этот капитан совершил труднейший по тем временам морской вояж из Европы в Ост-Индию. Незадолго до своей смерти, 23 декабря 1724 года Петр вызвал Витуса Беринга и обстоятельно беседовал с ним. Берингу поручалось в первую очередь искать, где Азия «сошлась с Америкой», обследовать страны, лежащие на Восточном океане, предпринять новые попытки установить связи с Японией.

Только 6 февраля 1725 года, уже после смерти Петра, Беринг со своими спутниками выехал на восток. Спустя полтора года, он добрался до Охотска. Долгие пять лет продолжалась экспедиция. С превеликими трудностями Беринг построил на Камчатке бот «Святой Гавриил». Дважды он выходил на нем в море. В 1728 году ему удалось достичь 67° 19' северной широты. В 1729 году плавание было менее удачным — Берингу пришлось вскоре вернуться из-за сильных туманов.

Попутно Беринг исследовал Камчатку. Он привез с собой на Камчатку рожь и овес, которые были там посеяны. Ему удалось собрать некоторые сведения о Чукотке, Курильских островах. В Якутске к Берингу приходил Козыревский со своими чертежами. Он развивал перед ним планы путешествия в Японию, но осторожный Беринг счел их мало обоснованными и отказал Козыревскому в просьбе принять его в экспедицию. В то же время, на основе собранных им сведений, Беринг утвердился в мысли о том, что проникнуть в Японию можно и должно. По возвращении из экспедиции в апреле 1730 года, он указывал в своих «предложениях» Адмиралтейств-коллегии:

«Не без пользы бы было, чтобы Охотский или Камчатский водной проход до устья Амура и даже до японских островов выведать; понеже надежду имею, что тамо нарочитые места находить и с теми некоторые торги установить; тако же ...и с японцами торг завести, чего б не к малой прибыли Российской империи впредь могло оказаться».*

* Экспедиция Беринга. Сборник документов. Гл. архивное управление НКВД СССР, М., 1941, стр. 27.

Сенат, Академия наук, Адмиралтейств-коллегия проявили большое внимание к этому предложению. Пришло время в полной мере осуществить гениальный замысел Петра. Было решено снова послать Беринга на Тихий океан с еще более обширной экспедицией. Ей поручалось открывать новые земли, острова, уточнять морскую карту, описывать береговую линию от устья Оби до Тихого океана, изучать местное население. В состав экспедиции включалась академическая группа, состоящая из виднейших историков, ботаников, физиков, астрономов, этнографов того времени. На этот раз одному из отрядов экспедиции прямо поручалось установление связи с Японией.

В инструкции, данной капитану-командору Берингу из Адмиралтейств-коллегии 28 февраля 1733 года, указывается:

*«...ради обсервации и изыскания пути до Японии построить на Камчатке реке один бот с палубою и две дубель-шлюпки о 24-х веслах каждую, с палубою, и, построя и вооружа, следовать в показанной воляж капитану Шпанберху. Буде же оставшей от прежней экспедиции бот найдется в таком состоянии, что на оном в воляж ити будет можно и безопасно, то вновь показанного боту не делать, токмо построить к прежнему вышепомянутые шлюпки, о чем ему, Шпанберху, в каком ту экспедицию действительно отправлении иметь, доволная инструкция учинена и сообщается вам при сем».**

Самому Шпанбергу было предписано установить дружественные отношения с японцами. При этом в инструкциях указывалось, что японцы враждебно относятся к европейцам и ведут себя коварно. Поэтому ему предлагалось проявлять особую бдительность:

*«В ту бытность при самых берегах японских или их владения при островах отнюдь много не мешкать и никакому обидеживанию к мешкоте не верить, дабы не могли, удержав обманом, собрать своих судов и атаковать, не отговорясь какими нуждами, отходить назад, покамест действительно и основательно обо всех об них разведано будет, также при тех первых случаях опасных себя вести от всякого их обмана, как у них обыкновенно: чего силю не смогут, то лестию и обнадеживанием подождь, в свои руки берут и за мудрость обман ставят»**.*

* Экспедиция Беринга. Сборник документов, Гл. архивное управление НКВД, СССР, М. 1941 г., стр. 165.

** Там же, стр. 182.

Так было положено начало попыткам установить связи с Японией. Что же дали эти попытки? Как были встречены посланцы России в Японии? Об этом нам и хотелось бы рассказать в предлагаемых вниманию читателей записках о первых русских экспедициях в Японию.

МИССИЯ БЕРИНГА

После долгой и серьезной подготовки вторая экспедиция Витуса Беринга в марте 1733 года покинула Петербург. Помимо старых соратников Беринга — Чирикова и Шпанберга — в ее состав были зачислены* мореходы В. Вальтон, П. Лассиниус, С. Ваксель, А. Эзельберх и другие. Всего в экспедиции участвовало 303 человека. По ухабистым, грязным трактам России тянулись длинные обозы. Экспедиция двигалась на восток в кибитках четырьмя партиями. Впереди с группой из 10 человек скакал Шпанберг. Ему было поручено заготавливать в пути провиант и припасы. Сам Беринг оставил Петербург 18 апреля 1733 года. Ему уже не суждено было вернуться в столицу...

Только 14 июля экспедиция добралась в Казань. В декабре Беринг приехал в Тобольск, в то время главный центр Сибири. К июлю 1734 года он добрался до Иркутска, а в октябре прибыл в Якутск, назначенный главной базой экспедиции. В Якутск свозили необходимые припасы, лес

для строительства кораблей, морские снасти. Близ Якутска на реке Тамге был сооружен специально для нужд экспедиции небольшой железодельный завод. Нужно представить себе Дальний Восток того времени, обширнейший, безлюдный и пустынный край, без сколько-нибудь пригодных путей сообщения, без каких-либо средств связи, чтобы понять, какие колоссальные трудности стояли перед Берингом и его спутниками. Им надо было самим строить корабли, надо было за тысячи верст везти доски, смолу, пеньку, железо, уголь, краски, пушки, порох, соль, сухари, масло, крупу, горох.

В отчете, составленном 18 апреля 1741 года, Беринг жаловался:

«...от Сибирской губернской канцелярии, сколько понадобится железа, велено отпускать из Иркутского присутствия с новозазедных железных заводов от комисара Бурцова, а комисар Бурцов... отзывался, к делу де мореходных судов железа чистого имеца к отпуску токмо 300 пуд.; ежели де он удовлетован будет от Иркутской провинциальной канцелярии кузнецами, и он де, Бурцов, во экспедицию надлежащая потребности железа отпралять будет. И оное наличное число 300 пуд железа... принято, да ис Таболска 200 пуд... всего припавлено к Якуцку 500 пуд; точию толикого числа железа на все подлежащая суда весьма мало было, а довольствовались с построенного вновь при Якуцку железного завода... да и вышепомянутое принятое от комисара Бурцова железо негодно было, из которого хотя и держано при строении в Якуцку 2 морских судов, токмо уже по самой нужде; тако ж и ни правянская суда, строенныя при Майской пристани, несколько употреблялось, и всего ис того железа издержано было толко 115 пуд. 25 фунтов, а достальное 184 пуда 15 фунтов за тою негодностию отослано от капитана-командора в Якуцкую воеводскую канцелярию в 735 году сентября 12 числа».*

Деятельность экспедиции все более расширялась. Она пополнялась новыми людьми. В ее состав были включены многие из местных ссыльных, служилых людей, крестьян. Общее число участников достигло 2000 человек. Они трудились много и напряженно, готовя небывалые по тем временам морские походы.

Блоки для кораблей мореходы везли из Петербурга, якоря тащили из Екатеринбургa, пеньку закупали в Томске,

* Там же, стр. 193.

пушки в Тобольске. Необычайно дорого обходилась перевозка провианта, в частности хлеба.

Особенно труден был путь из Якутска в Охотск. Участники экспедиции поднимались вверх по течению рек, переваливали через горы, шли по дремучим лесам и, наконец, снова спускались по быстрым горным рекам к океану.

Охотск был тогда одним из самых унылых углов русского Востока. На каменистом берегу у самого моря, при впадении реки Охоты в океан, стояло несколько убогих хижин. Ни деревца, ни травинки. Угрюмые, измощенные поселенцы, жившие рыбным промыслом, вечно ссорились друг с другом и проклинали свою судьбу.

Начальником Охотского порта за 6 лет до описываемых событий был назначен Скорняков-Писарев, одна из любопытнейших фигур Петровского времени. Когда-то Скорняков-Писарев блестяще начал свою карьеру. Он был близок к Петру, в 1718 году принимал участие в суде над сторонниками первой жены Петра Евдокии Лопухиной, которая была насильственно пострижена в одном из монастырей Суздаля. Три года спустя он уже числился в документах, как «господин генерал-майор и лейб-гвардии майор, от бомбардир капитан-поручик и Академии (морской) президент». Для своего времени это был весьма образованный человек. Известно, что им был издан сборник чертежей по механике под названием «Практика художества статического или механического»*. Но впоследствии, когда Меньшикова постигла опала, пресеклась и карьера Скорнякова-Писарева. Его сослали в Жиганск на Лене. Оттуда он и был назначен в Охотск. Крушение карьеры морально разрушило Скорнякова-Писарева. Он опустился, стал пить. Человек неуживчивый, обидчивый, с болезненным самолюбием, Скорняков-Писарев завел склоки с якутским воеводой Жадовским. Уже в 1732 году его хотели снять с поста начальника Охотского порта, но подобрать замену для руководства этим отдаленным портом было трудно, и его оставили.

Перед Скорняковым-Писаревым были поставлены обширные задачи. Как подчеркивал Беринг в своем письме в Сибирский приказ 11 января 1738 года, жалуюсь на начальника порта, последнему были предоставлены неограниченные права с тем, «.. чтоб он то место людьми умножил и хлеб за-

* Пекарский, Наука и литература при Петре Великом», т. II, СПб, 1862.

вел и пристань с малою судовой верфью, тако ж несколько морских судов для перевозу на Камчатку и оттуда к Охоцку казенной мяжкой рухляди (мехов — Ю. Ж.) и купецких людей с товарами и для других потреб сделал, дабы то, яко новое место, с добрым порятком к ползе и прибыли государственной приведено было»*.

Предполагалось, что Писареа переселит в Охотск около 300 охотников из служилых людей, расчистит дороги от Якутска к Охотску, организует строительство флота на Тихом океане. Ничего этого сделано не было. Участники экспедиции Беринга вынуждены были все делать собственными силами.

4 июля 1735 года Шпанберг заложил в Охотске бригантину, а 21 октября дубель-шлюпку. Строительство затянулось на два года. Постоянные трения, склоки, огромные материальные трудности и лишения осложняли положение. Шпанберг, человек грубый и заносчивый, восстановил против себя других участников экспедиции. Он плохо знал русский язык и не скрывал своего пренебрежения ко всему русскому. В архиве экспедиции сохранился любопытный документ — записка, адресованная Чириковым Шпанбергу:

*«Благородный г. флота капитан. Сего ноября в 12 день (1742 г.) при письме вашем с семи указов е. и. в., посланных из Государственной адмиралтейской коллегии к г. капитану-командору Берингу копии за вашею рукою я получил, по которым исполнение чинить я не без опасения, понеже ваше благородие русского письма читать не очень довольны, и в письмах ваших видны были весьма нужные слова и не в подлежащую силу и неправо написаны, о чем вы сами известны, то может быть, что в вышеписанных присланных ко мне от вас в семи копиях нечто также не исправно — с уронкою или лишнее написано, чего вы за недовольствием читать русского письма и не усмотрите, и от того может произойти и по указам некоторое неисполнение или излишнее что...»**.*

7 июля 1737 года бригантина, названная «Архангел Михаил», наконец, была спущена на воду. Вслед за ней сошла на воду дубель-шлюпка «Надежда». Это были утлые суденышки, но сколько трудов стоило их построить! Кроме того, был восстановлен бот «Гавриил», на котором за 9 лет до того ходил в свой первый поход Беринг.

* Экспедиция Беринга, стр. 214.

** Там же, стр. 382.

В сентябре в Охотск из Якутска, главной базы экспедиции, прибыли Беринг, Чириков и лейтенант Валтон. При осмотре построенные суда их не удовлетворили. На совещании командного состава 17 сентября было записано: «суда команды его, Шпанберха, плотничною и кузнешною работами по ходу еще не исправны». Время было уже позднее. К тому же в Охотск еще не удалось перебросить из Якутска достаточное количество провианта и снаряжения. Скрепя сердце, Беринг решил отложить поход в Японию еще на год. Он рассчитывал за зиму полностью снарядить экспедицию. Одновременно было решено начать сооружение еще двух пакетботов для похода в Америку.

Осень и зима 1737/38 года в Охотске были особенно трудные. Обострились разногласия между Берингом и Скорняковым-Писаревым. Возмущенный беспорядками, царившими в Охотске, Беринг написал рапорт в Сибирский приказ о том, что «...никакой пользы от одного его, Писарева, поселения не будет, да и впредь ожидать нечего, кроме того, что служилыя люди, живучи на таком пустом месте, претерпеть будут голод и великую нужду»*.

Скорняков-Писарев, в свою очередь, настроил донос на Беринга, в котором заявил, что от экспедиции «никакова приращения интереса не учинено, да и впредь не надеется быть, кроме великих государственных казенных убытков»**.

Маленький Охотск разбился на два враждебных лагеря. Все это нервировало Беринга, мешало ему работать, но он старался сделать все для того, чтобы экспедиция была полностью снаряжена. В ущерб строительству пакетботов, Беринг 12 ноября снял всех людей со стройки и отправил на перевозку провианта и материалов из Якутска в Охотск.

В жгучие морозы, в пургу, днем и ночью десятки моряков, строителей, работников экспедиции, ташили на себе нарты с грузом, по 5 пудов на каждой. За зиму каждому из них пришлось совершить по 17 рейсов протяжением в 70 верст от Юдомского креста до Уратского плотбища. Здесь, в верховьях реки Урат сколачивались плоты, на которых с весенним половодьем моряки должны были сплавить грузы в Охотск.

Нельзя без волнения читать рапорт Беринга в Адмиралтейскую коллегию, в котором описываются трудности, пережитые участниками экспедиции в эту зиму:

* Там же, стр. 215—216.

** Там же, стр. 83.

«...люди были чрез всю зиму у перевозки провианта и матриалов от Креста до плотбища и перевозили вышеупоминаемой приплавленной весь провиант и матриалы на нартах, от которой работы весьма люди утруждены, тако ж платьем и обувью обносились. И при такой тяжелой и многогрудной работе, за неизменением харчу, и указанного месячного провианта недоставало... И в таковой нужде весьма люди исхудали и от великой стужи инья служители познобили руки и ноги, тако ж и за неизменением харчового запаса и от великой трудности многия такия есть едва ходят, к тому ж наги и боси... И весьма жалосно смотреть на людей, ибо все платьем и обувью обносились, а помощи учинить никаккой не можно и купить ничего негде, понеже оное — пустое место и купецких людей не имеетца, а хотя бы купецкия люди и были, тошю купить служителям платья и обуви не на что, ибо на нынешней год денежного жалования за неприсылкою денежной казны и по отпуск сего репорта не получали... ежели и вперед присылатца будет жалованье с таким же продолжением, как и ныне, то всемерно и на море выттить будет не с кем, понеже ныне лутчево матроза от худости и от наготы признать не можно, что он матроз, а покажет яко бы самой вяцей невольник...»*.

Наконец, суровая и долгая зима окончилась. Сошел снег, зазеленела тайга. 3 июня исхудавшие, обтрепанные, обросшие косматыми бородами участники экспедиции с энтузиазмом приветствовали спустившихся по реке Охоте моряков под командованием лейтенанта Вальтона. 36 мелких судов, груженных провиантом и материалами, прибыли в Охотск. В пути «от безмерной быстрой воды и от носящих по той реке карчь и лду» было потоплено 4 судна. Остальные дошли благополучно. Вальтон доставил около 3000 пудов муки, около 900 пудов круп, 140 пудов коровьего масла, 138 ведер вина, 46 пудов соли. Немедленно из этих запасов всем участникам экспедиции было выдано на июнь «хлебное жалование». Почти все оставшиеся запасы были погружены на корабли капитана Шпанберга.

Беринг заботливо *инструктировал Шпанберга. Он очень досадовал, что из Петербурга так и не доставили обещанную карту, составленную астрономом Делилем, членом Петербургской академии наук. По памяти Беринг восстановил очертания этой карты, рассказал Шпанбергу, в каком направлении надо искать Японию. По совету Беринга Шпан-

* Там же, стр. 223—225.

берг захватил с собою старого опытного морехода Треску, прожившего в Охотске 15 лет.

16 июля Беринг прибыл на бригантину «Архангел Михаил» в сопровождении всех офицеров экспедиции. В судовом журнале в этот день было записано: «Господин капитан-командор и все офицеры кушали хлебы за здоровье ее императорского величества, того ради палили из 5 пушек двухфунтовых». После прощального банкета Шпанберг и его спутники закончили последние приготовления к походу и 18 июля 1738 года «Архангел Михаил», «Надежда» и «Гавриил» подняли паруса и ушли на юг, отсалютовав Охотску залпом все из тех же пяти двухфунтовых пушек.

Шпанберг держал свой флаг на бригантине с экипажем в 63 человека. «Надежда» шла под командованием лейтенанта Вальтона, а «Гавриил» — под командованием Шельтинга. На обоих этих кораблях было по 44 человека команды.

Корабли экспедиции в начале июля прибыли в Большерецк на Камчатке, где пополнили запасы провианта, и оттуда отправились на поиски Японии. Они двигались «от Камчатского южного угла... до 45-го градуса». «Надежда» и «Гавриил» в пути отстали от «Михаила». Шпанберг, идя вдоль Курильской гряды, нанес на карту 32 острова (больше, чем их числится сейчас!). Дойдя до острова Уруи, Шпанберг обогнул его и решил вернуться, так как испытывал недостаток провизии и не нашел хороших якорных стоянок. Остров Уруп он назвал Ольховым. Ни к одному из островов Шпанберг не причалил, объяснив это в своем отчете тем, что «на тех островах имеются берега каменные и утесы великие и крутые, а между ими течение и волнение моря великое».

17 августа Шпанберг вернулся в Большерецк и решил здесь зимовать. Шельтинг вернулся в Большерецк еще раньше — 7 августа. Дольше других находился в плавании лейтенант Вальтон. Он вернулся неделю спустя после Шпанберга и объявил, что ему удалось спуститься вдоль Курильской гряды до 43° северной широты. На этой параллели находится японский остров Хоккайдо, но берегов его Вальтон не увидел. Вальтон нанес на карту двадцать шесть Курильских островов.

Таким образом, первый поход Шпанберга на поиски Японии увенчался только частичным успехом. После зимовки в Большерецке Шпанберг решил повторить попытку достиг-

нуть берегов таинственной островной страны, к берегам которой на протяжении уже нескольких десятилетий русские мореходы никак не могли проникнуть.

На этот раз Шпанберг значительно раньше ушел в плавание. Его корабль поднял якоря 21 мая 1739 года. Шпанберг присоединил к своей экспедиции построенный на Камчатке шлюп «Большерецк» под командованием боцмана Эрта. Подойдя к Курильским островам, Шпанберг взял трех курильцев, надеясь использовать их в качестве переводчиков при встрече с японцами, и 1 июня ушел на юго-восток. Корабли пересекли местоположение мифической Земли Гамы, убедились в том, что такой земли не существует, и затем повернули на юго-запад.

14 июня, когда корабли находились на широте $39^{\circ} 20'$, лейтенант Вальтон, командовавший в это время ботом «Гавриил», отделился от Шпанберга. В своем рапорте на имя Шпанберга Вальтон объяснял это так:

«Того ж июня 14 числа по полудни.., повредило у нас на боту фока фал и кливер вал блоки, и как мы оные блоки персправляли, и в тех часах наш бот, хоть имел самой малой ход, и к тому ж настало время ночное, а ваше высокоблагородие пошел вперед, понеже с теми судами и был к ветру выше. А мы, исправя те блоки, и пошли для сыскания вашего высокоблагородия на $W + W$, но сыскать не могли, и для того определил я иметь нашему боту курс $W + W \frac{1}{2} Z$ до японского берега, чтоб втуне времена не произошло, надеяся на то, что ваше высокоблагородие сыскать там».*

Некоторые исследователи полагают, что Вальтон умышленно отделился от Шпанберга, объясняя это теми разногласиями, какие существовали среди участников экспедиции из-за неуживчивого характера Шпанберга. Так или иначе, но дальнейшее плавание Вальтон совершал самостоятельно и, надо сказать, что плавание это было довольно успешно...

Тем временем Шпанберг с тремя судами продолжал идти на юго-запад. Среди участников экспедиции царило приподнятое взволнованное настроение. Вот-вот должна была открыться загадка неведомых японских островов. Они должны были быть где-то совсем близко.

Наконец, 16 июня 1739 года под широтой 39° моряки увидели вдали полоску земли. Япония! Весть эта мигом облетела экипаж.

* Там же, стр. 394.

Медленно лавируя, Шпанберг осторожно приближался к японской земле. Это было северо-восточное побережье острова Хондо. Двигаясь на юг, Шпанберг осматривал берега. Моряки, привыкшие к суровой природе Охотского побережья и Камчатки, были поражены открывшимися им видами. На берегах зеленела роскошная растительность, повсюду раскинулись многолюдные селения. Моряки увидели, что жители Японии встревожены появлением иноземных кораблей: по ночам на холмах горели сигнальные огни; у берегов виднелось множество японских судов. Памятуя инструкцию, Шпанберг проявлял большую осторожность, опасаясь внезапного нападения.

Чтобы получше рассмотреть берега Японии, проверить глубину моря у берегов и строение грунта, Шпанберг послал на разведку шлюп «Большереецк» под командованием Эрта. Эрт подошел к японским берегам на расстояние не далее двух верст. Причалить он не посмел, так как из залива вышло около 30 японских судов, из которых одно направилось прямо к «Большереецку».

18 июня подул попутный ветер и Шпанберг, идя курсом зюйд-вест и зюйд-зюйд-вест, прошел вдоль берегов Японии около 150 верст. Впоследствии в донесении он указывал, что видел «подле тех берегов малых японских судов много число, а на берегу видел четыре великия деревни строения каменного, кругом того жилья усеяно хлебом, места по тем берегам каменистыя и на тех камнях растет великий лес, а какой — того признать было невозможно»*.

20 июня Шпанберг заметил 19 японских судов, на каждом из которых было по 10 и больше людей. Видимо, суда эти были предназначены для охраны побережья от появившихся иностранных кораблей. Опасаясь нападения японцев, Шпанберг отошел от японского побережья. Через день он снова рискнул приблизиться к берегу. Спустившись до широты около 37°, Шпанберг подвел свои корабли на расстояние не более версты от побережья и стал на якорь. Тотчас же с берега направились к нашим кораблям лодки с рыбаками. Рыбаки предлагали русским морякам камбалу. Наши моряки приветливо встретили их, угостили вином. Шпанберг приказал расцветить корабли флагами и гюйсами, чтобы больше заинтересовать японцев. И действительно, приток посетителей увеличился. Японцы привезли на корабли рис.

* Там же, стр. 179—180.

соленые огурцы, редис, табак. Шпанберг щедро расплачивался за продукты подарками. Японцы учтиво принимали их, раскланиваясь и прижимая руки к груди. К великой досаде Шпанберга, курильцы, взятые им в качестве переводчиков, сговориться с японцами не могли, поэтому пришлось ограничиться разговором при помощи жестов.

Участники экспедиции предлагали японцам товары, японцы платили за них четырехугольными золотыми монетами. Больше всего японцам нравились русские сукна, суконное платье, синий стеклянный бисер. Постепенно около русских кораблей собралось 79 японских судов. Это были остроносые лодки с плоской кормой и с палубой длиной около 24 футов. У некоторых из них было по два руля. Моряки заметили, что японцы пользовались железными четырехрогими якорями. Их поразило, что на японских судах вместо железных гвоздей и скоб употреблялись медные. Японцы гребли стоя. Были и другого типа суда — более крупные, так называемые бусы, острые как спереди, так и сзади. Эти суда были знакомы русским. Они ходили в далекое плавание и нередко попадали даже на Камчатку.

К борту бригантины, наконец, подошла большая лодка, на которой находились, помимо команды, четыре важных японца, судя по платью и другим признакам, высокопоставленные лица. Шпанберг пригласил их к себе в каюту. При входе в каюту японцы поклонились Шпанбергу до земли, подняв руки вверх и сложив их вместе. Они стояли на коленях, держа руки над головой, до тех пор, пока Шпанберг не принудил их встать. Шпанберг предложил гостям водки и разных угощений. Потом он вынес японцам морскую карту и глобус. Японцы пальцами показали по карте и глобусу, где находятся их острова. При прощании они снова поклонились Шпанбергу до земли, высказывая свою благодарность за прием.

Наружность своих гостей Шпанберг в донесении описал так:

«Оные Японцы росту среднего и малого, платье у них много схоже с Татарским; ходят босые, штанов и портков никаких не имеют; с полуголовы по лбу волосы стрижены и подклеены клеем, назад завязываются кустиком, который торчит кверху; шляпы у них великие, травяные, плоские; носят те шляпы, подвязав себе под бороду а у которых шляп нет, те головы подвязывают платками; вместо епанеч имеют воцанки, сделанные из бумаги.

А телом оные японцы некоторые из-бела, а более смуглых, глаза малые, волосы черныи, бороду брют».*

Постепенно вокруг русских кораблей на лодках собралось до 900 японцев. Опасаясь враждебных действий японцев, Шпанберг приказал в тот же день сняться с якоря, не выходя на берег, и пошел обратно к Курильским островам.

3 июля на широте 44,⁰⁵ русские моряки увидели группу южных Курильских островов, покрытых богатой растительностью. Один из них Шпанберг назвал Фигурным, другой — Островом Трех Сестер, третий — Цитронным. Постояв у этих островов и оглядевшись, Шпанберг решил послать для осмотра и описания острова Фигурный своего штурмана. Вернувшись на корабль, штурман доложил, что на берегу найдено пять «барабар», как звали тогда хижины туземцев, но людей в них не застали, так как они убежали вверх по реке. Моряки наши видели на берегу одну собаку и одну чернобурую лисицу. В «барабарах» моряки нашли много домашних вещей — чашек, ткацких станков, травяных одежд, которыми жители острова Фигурный покрывались от дождя. С собою они ничего не взяли, чтобы не обидеть островитян.

Подняв якорь, Шпанберг пошел на запад. 7 июля увидел он низменный гладкий остров, поросший только травой. Этот остров Шпанберг назвал Зеленым. Он послал на берег геодезиста, который нанес его на карту.

На другой день корабль подошел к острову, который «по тамошнему называется Нуцыам»**. Здесь моряки обнаружили селение. Из этого селения к бригантине подошла байдара. На ней было человек 5 курильцев (айнов). Они сообщили Шпанбергу, что жители Нуцыама приглашают его на берег. Шпанберг послал к айнам мичмана и двенадцать солдат. Айны рассказали через переводчиков, что возле их острова есть еще двенадцать островов, на которых живет множество людей, никому не подвластных и что только один остров — Матсмай*** — находится под властью «японского хана».

Пользуясь полученными сведениями, Шпанберг направился к острову Матсмай и подошел к нему 24 июля. Здесь

* Цит. по Л. К. Берг, Открытие Камчатки и экспедиция Беринга, стр. 192.

** «Экспедиция Беринга», стр. 178.

*** На современных картах остров Матсмай называется Хоккайдо.

моряки увидели множество японских судов. Шпанберг послал на берег шлюпку, но моряки никого на острове не встретили. В это время поднялась непогода и шлюпке было приказано вернуться к судну.

В командах кораблей много было больных и поэтому Шпанберг решил повернуть назад. 29 августа он пришел в Охотск.

Где же был все эти дни бот «Гавриил», которым командовал лейтенант Вальтон? Как выяснилось впоследствии, он подошел к берегам Японии в тот же день, что и Шпанберг — 16 июня 1739 года. Идя вдоль берегов острова Хондо, Вальтон увидел на другой день 39 японских судов без флагов. На каждом из них было по одному прямому парусу из синей китайчатой ткани с белыми полосами. Следуя за ними, Вальтон пытался отыскать японскую гавань, но эти суда вскоре разделились и разошлись по деревням.

Тогда Вальтон бросил якорь, и 19 июня к нему подошло японское судно, на котором было 18 человек. Сговориться с ними Вальтон не мог, «только имели между собою рассуждения руками», как он потом докладывал в своем рапорте. Вальтон решил, что японцы зовут его на берег. Он приказал спустить на воду ялбот и дал задание штурману Казимерову с квартирмейстером Черкашениным съездить с шестью солдатами на берег и привезти свежей воды. Казимеров захватил с собою несколько вещей в подарок, чтобы дружески обойтись с японцами.

Гребцы сели на весла, и ялбот стал приближаться к земле. Навстречу ему сразу отвалило от берега около 150 японских лолок. В каждой из них сидело по пятнадцати и больше японцев в длинных китайчатых платьях, «а гребцы были все наги, только стыд их завязан», — добавлял в своем рапорте Вальтон. Японские лодки окружили ялбот Казимерова и шли подле него так близко, что гребцы с трудом управлялись веслами. На берегу столпилось множество людей. Все кланялись приезжим.

Японцы помогли русским солдатам наполнить бочки свежей водой. Оставив у шлюпки двух солдат для караула, Казимеров с остальными отправился в японский город. Хозяин лома, возле которого наливали воду в бочку, пригласил Казимерова в гости, учтиво ввел в свои покои, усадил и угостил вином из фарфоровых чашек, виноградом, яблоками, померанцами и редькой в сахаре. В другом доме

русского штурмана приняли так же учтиво и угостили вареным «сорочинским пшеном» (рисом).

Обоих хозяев Казимеров отдалил бисером и другими подарками. Штурман успел заметить, что во дворах у японцев много лошадей, коров, кур. В лавках продавались бумажные товары. В городе было около 1500 домов — деревянных и каменных. Они растянулись вдоль берега версты на три.

На берегу Казимеров увидел двух военных, вооруженных саблями. Один японец имел при себе две сабли. Казимеров решил не медлить больше ни часу, быстро вернулся к ялботу и отвалил прочь от берега. За ним поспешил на судне какой-то знатный японец; его провожали от берега более 100 судов, а на каждом судне было человек по пятнадцать японцев. Оружия при них не было, но в каждой лодке лежало много камней, весом около фунта каждый.

Знатный японец в шелковом платье взошел на борт «Гавриила». Вальтон принял его вежливо, предложил угощение. Немного спустя, Вальтон заметил, что вокруг бота собирается все больше и больше японских судов. Он решил побыстрее уйти от берега. Перед отплытием он сделал один выстрел из пушки в качестве салюта.

21 июня у берегов Японии Вальтону встретились еще два японских корабля. Вальтон жестами показал японцам, что ему нужны дрова и вода. Японцы доставили ему и то и другое. За это Вальтон отдал им иглами и бисером. Японцы взяли бот Вальтона на буксир и начали тянуть его к берегу. Но тут встретилось судно, на котором было 15 японцев при саблях. Они начали сердито кричать на японцев, буксировавших русский бот, и жестами показывали Вальтону, чтобы он убирался прочь. Видимо, вести о появлении русских судов уже дошли до правящих кругов Японии и они выслали вооруженный патруль, для того чтобы отогнать гостей из «мохнатой страны», как называли японцы Россию.

На другой день Вальтон предпринял еще одну попытку разузнать о жизни японцев. Он подошел к другому островку и бросил якорь на глубине 12 сажень. К берегу был выслан ялбот. Поллекарь Дягилев, съехав на берег, набрал разных трав. Он рассказал, что видел на острове японцев в белом холстинном платье, бурых и каурых лошадей, черных коров. Дягилев захватил с собой с острова ветви орехового дерева, сосновую ветку и две жемчужные раковины,

которые он подобрал на берегу. На другой день поднялось сильное волнение и повторить высадку не удалось. Из трав и сосновых шишек, привезенных с берега, подлекарь варил «декок» для больных членов команды.

24 июня Вальтон решил повернуть к берегам родины. Он держался восточнее, выискивая, нет ли еще какой-нибудь земли в той стороне. Никаких земель он не нашел и направился к Охотску.

Официальные японские источники подтверждают, что русские корабли в июне 1739 года побывали у берегов Японии*. Поскольку общение с иностранцами японцам было строго запрещено, чиновники, доносившие об этом визите, всячески избегали сообщать о том, что жители прибрежных городов гостеприимно встретили русских. В официальном донесении указано, например, что 19 июня 1739 года в двух рю от берега против деревни Амацу-Мура уезда Нагаса-гоори провинции Ава остановился иностранный корабль (это был бот Вальтона). С этого судна, — указывается в донесении, — прибыло на берег 8 человек. Они имели с собою боченок для воды, носили постоянно сапоги. Пришельцы спросили, где колодец, и начерпали себе воды. Они положили 17 нанизанных камней (бусы) и еще 7 штук отдельных камней и удалились с молчаливыми поклонами. Потом они посидели у рыбака Таробее, что вблизи колодца, придвинули к себе бывший в доме табак и немного покурили (японец, доносивший об этом эпизоде, опасаясь как бы его односельчане не пострадали за гостеприимство, оказанное русским, искажал действительность: на самом деле, как указано в донесении Казимерова, японский рыбак сам угощал его фруктами и редькой в сахаре).

Далее в донесении указывается, что местное начальство, узнав о появлении русских, явилось на берег в тот момент, когда русские уже садились в лодку. «За ними гнались по следам, но их большое судно уже подняло якорь и ушло, держа курс на юг» — писал автор донесения.

Вальтон вернулся в Охотск неделей раньше Шпанберга — 22 августа.

Шпанберг и Вальтон рассказали командору о своих наблюдениях. Беринг не был удовлетворен результатами этого похода: Шпанберг действовал слишком осторожно и

* Л. С. Берг, Открытие Камчатки и экспедиция Беринга, стр. 197.

ограничился лишь самыми беглыми наблюдениями. Он даже не попытался вступить в переговоры с японцами. Все же экспедиция эта принесла существенную пользу: русские мореходы открыли, наконец, путь в Японию, нанесли, хотя приблизительно, на карту японские острова, установили, что Земля Гамы не существует. Все это создавало предпосылки для новых попыток установить связи с далекой замкнутой страной.

В Петербурге донесение, присланное Шпанбергом, вызвало сенсацию. Предполагалось, что довольно быстро удастся завязать торговлю с Японией. Однако вскоре в Петербург прибыл очередной донос враждовавшего с Берингом Скорнякова-Писарева. Он сообщал, что якобы Шпанберг и Вальтон вовсе не достигли Японии, а побывали только у берегов Кореи. Сомнения, вызванные этим доносом, были рассеяны лишь семь лет спустя.

В 1742 году Шпанберг и Шельтинг предприняли еще одну попытку проникнуть в Японию. Попытка эта оказалась неудачной. Шпанберг, спустившись до $39^{\circ},5$ северной широты, повернул обратно. Шельтинг, разлучившись в пути со своим начальником, дошел до $38^{\circ},5$ северной широты, но затем также повернул обратно к Курильским островам. Организация торговых сношений с Японией затягивалась. Прошло несколько десятилетий, пока была предпринята новая экспедиция в Японию.

РЕЙС „ЕКАТЕРИНЫ“

Это было 6 августа 1783 года.

Над морем Беринга бушевал свирепый шторм. Огромные, косматые от пены волны с ужасающим ревом дробились об угрюмые скалы крохотного острова Амчит, брошенного природой в самое негостеприимное место земного шара.

Амчит считался у навигаторов необитаемым. Они старательно обходили опасные скалы. Но в это туманное утро на высоком утесе можно было разглядеть кучку людей, — грязных, обросших волосами, закутанных в обрывки звериных шкур. Сырой зловещий ветер безжалостно хлестал их градом. Это были русские промышленники, потерпевшие крушение два года назад. Никто не хотел уходить в жалкий сарайчик, сделанный из обломков разбитого бота. Впервые за два года на горизонте появился парус, и люди тешили себя надеждой, что судно подойдет к Амчиту.

— Сюда. Крест святой, сюда... — хрипло проговорил широкоплечий чернородый казак и перекрестился высохшей от истощения рукой.

— Да что ж им, ум затмило? — с сомнением сказал другой, поглядывая вниз, где бешено клубилась пена и с грохотом раскалывались камни.

Неизвестное судно, однако, все быстрее приближалось к берегу. Пленники необитаемого острова с ужасом увидели, что неведомые мореходы потеряли власть над своим кораблем и он плыл по воде шторма — без руля, с оборванными снастями, с полузатопленным корпусом.

— Пресвятая владычица, — снова перекрестился чернородый казак, — никак там ребятишки?..

На палубе терпящего бедствие судна суетились маленькие тщедушные фигурки в каких-то странных длиннополых платьях. Взрослых не было видно.

— А ну, айда книзу..

Кутаясь в свои звериные шкуры, казаки проворно спустились к каменистой гряде, у которой кипел прибой. Это было как нельзя более своевременно. Сквозь свист и рев моря донесся ужасающий треск дерева, жалостно заскрежетал о камни металл, и в хаосе брызг и пены мелькнул накренившийся корабль. В воду сыпались какие-то малорослые люди. Их подхватывали волны и с размаху били о камни. Уже несколько десятков трупов выбросило на берег моря. Только девятых моряков удалось спасти. Это были какие-то чужие люди, совсем непохожие ни на русских, ни на айнов, которых казаки прозвали «мохнатыми курильцами». Усталые, мокрые жители Амчита с удивлением разглядывали неожиданных гостей.

— Хороши ребятишки, — весело говорил один из казаков, посмеиваясь над своим богобоязненным товарищем, принявшим моряков за ребят, — однако, у этого морщин побольше твоего будет. Вот это деток господь послал...

Маленький морщинистый человечек с черными усиками и раскосыми глазами злобно глянул на бородатых великанов и проворно залопотал что-то. Остальные спасенные моряки тесно жались друг к другу, зябко кутаясь в свои мокрые бумажные халаты. В их маленьких глазках застыл безотчетный страх.

— Может, гречанья?.. — мягко выговорил один из казаков.

— Сказал... Откуда здесь быть гречанину? Японы это — вот кто! У нас в Якутске такие самые жили. Их принесло лет сорок тому, — возразил старый, видавший виды промышленник. — Доведется и этих к воеводе гнать. Был самый строгий указ — ежели японов при случае выловят — не бить, а доставлять всех как есть по начальству...

Маленький морщинистый человек снова что-то сердито залопотал, показывая на свое накренившееся судно и топяя ногой.

— Ладно, мил человек, обойдется, — сказал ему старик. — На смерть в воду ни одна крещеная душа не полезет...

...Прошло 5 лет. После долгих приключений русские промышленники, построившие из обломков двух разбитых судов ботик, добрались до берегов Камчатки. Они привезли с собою и девятерых японцев, спасенных ими.

В городе Нижне-Камчатске японцев встретили гостеприимно. Отсюда их направили в Иркутск, уже тогда являвшийся крупнейшим русским центром на Востоке. Этот город, лежавший на торговых путях, привлекал к себе людей с Востока и с Запада. Здесь бойко шла торговля. Отсюда устремлялись на Север и на Восток экспедиции промышленников и купцов. Население и богатства города росли с каждым годом. В описываемый нами период здесь насчитывалось уже 20 000 жителей. В городе было 12 церквей, несколько училищ, библиотека, кабинет редкостей и театр, банки, лечебницы.

Иркутск тогда называли сибирским Петербургом. Энергичный купец Шелехов, проживавший в Иркутске, неутомимо работал над расширением торговых связей с восточными соседями России. Он уже основал факторию на острове Кадьяк близ берегов Америки и сам неоднократно пускался в плавание по бурным северным морям, закладывая основы будущей Русско-Американской компании. В Иркутске жили естествовед Карамышев и весьма начитанный граф Мантейфель, здесь гостили многие иностранные исследователи. Тут базировалась экспедиция Иосифа Биллингса, одного из первых русских моряков, исследовавших северное побережье Азии и Америки и Тихий океан. Продолжая дело, начатое Берингом, экспедиция Биллингса в течение 8 лет работала в северной части Тихого океана. Ее участники открыли около 20 островов, произвели подробную съемку

американского побережья, осмотрели всю группу Алеутских островов, описали Чукотку.

Огромные богатства Востока, открытые в последнее десятилетие, вызывали все больший приток в эти края купцов, промышленников, энергичных, предприимчивых людей, искателей доходов и новых земель. К этому времени были заведены некоторые торговые связи с жителями Курильских островов, открытых и описанных русскими моряками. Сибирские власти стали заботиться о более прочном закреплении этих островов за Россией. В связи с этим вновь возрос интерес к Японии. Во-первых, и власти и купечество были заинтересованы в том, чтобы завести с нею торговые отношения, а во-вторых, они стремились собрать о Японии как можно больше сведений на случай возможных со стороны Японии покушений на Курильские острова.

Главный командир Камчатки Бем примерно за 10 лет до описываемых событий предложил построить на острове Уруп укрепление, попытаться завести там хлебопашество и создать небольшую русскую колонию. В 1775 году Бем уговорил якутского купца Лебедева-Ласточкина взять это дело на себя. Лебедев-Ласточкин пригласил в компаньоны Шелехова. Во главе экспедиции был поставлен сибирский дворянин Антипин, знавший японский язык и навигационное дело. В помощь ему были даны штурманский ученик Путинцев, «ученик японского языка» Очередин, который был, однако, как указывали современники, «слаб рассудком», боцман, 3 матроса, 45 рабочих, лекарь, секретарь, капрал. В распоряжение Антипина было предоставлено вооруженное артиллерией судно «Николай»*.

Инструкция, врученная Антипину, гласила:

1. Под смертной казнью не обижать диких.

2. На месте зимовки судна на 18-м или другом острове построить возвышенную крепость и ходить всегда вооруженными.

3. По установлении дружественных отношений на 18-м или 19-м островах, отправиться на 20-й, 21-й и 22-й острова. Но до установления порядка не ходить в скорости до японского острова Матсмая и не доводить себя до гибели.

4. При свидании с японцами поступать учтиво, ласково, благопристойно и объявить им, что пришли для заведения

* Полонский, Курилы. «Записки Географического общества по отделу этнографии», IV, 1871.

с ними, как с соседями, дружественных сношений. При склонении же на обоюдный торг и заключении договора взять от японцев письменное по этому предмету объяснение.

5. Разведать об обширности Японии, о числе городов, укреплений и войске, а также о вере, нравах, обычаях и торговле.

6. Путищеву земли и острова класть на карты, а если у мохнатых или японцев есть собственные карты, то стараться их достать или скопировать.

7. Мохнатых курильцев пригласить в подданство, обнажив их защитой от притеснения соседей.

Антипину было предложено организовать на острове Уруп пробные посевы ржи, пшеницы, проса, овса, ячменя и конопли.

Бот «Николай» отправился в путь 24 июня 1775 года, но плавание его было неудачным: у острова Уруп бот разбился. На выручку команде были посланы байдары, на которых участников экспедиции вывезли на материк.

В последующие годы экспедиция была возобновлена. В распоряжение Лебедева-Ласточкина был предоставлен на три года бригантин «Наталия». На этот раз с Антипиным отправился в плавание в качестве переводчика иркутский подсадский Шабалин.

Русские мореходы и купцы несколько раз встречали японцев, пытались завести с ними торговые связи, но японцы упорно от этого уклонялись. Наконец 5 сентября 1779 года двое японских чиновников, встретившие Антипина, передали ему запрещение не только торговать на острове Матсмае, но и ходить на Курильские острова Итуруп и Кунашир.

— В будущем переплывать море и приходить сюда совершенно бесполезно, — заявили японцы.

Все же внешне обращение японцев с русскими было весьма любезным. Антипин и Шабалин обменялись с японцами подарками и вернулись на остров Уруп, где они решили прожить до лета. В январе 1780 года на Урупe начались землетрясения большой силы. Одно из самых сильных землетрясений разразилось 18 июня, когда море отошло от берега, а потом ринулось на него двенадцатиметровым валом. Волной смело имущество экспедиции, сорвало судно с якорей и выбросило его на берег на расстоянии 400 метров от воды. Антипин оставил на Урупe Шабалина и ушел на байдаре к берегам Камчатки за помощью. На остров он уже не вернулся. После долгих ожиданий Шабалин в

мае 1782 года также направился на четырех байдарках к Камчатке, сняв с острова всех своих людей.

На этом история русской колонии на острове Уруп прервалась.

И вот, когда волею судьбы к русским берегам занесло новую группу японцев, в Иркутске опять заговорили о том, что пора, наконец, установить нормальные сношения с этой таинственной, далекой страной, столь упорно отказывающейся от общения с внешним миром.

Особый интерес к японским гостям проявил иркутский ученый Кирилл Лаксман, числившийся «минералогическим путешественником при императорском кабинете». Этот сорокасемилетний исследователь был одним из интереснейших людей своего времени. Современники называли его природным поэтом ученого мира. Всю жизнь он путешествовал по необъятным просторам России, вел широкую исследовательскую деятельность. Он был и на Алтае, и на берегах Белого моря, и в Молдавии, и на Волге, и в районе Байкала, и в Нерчинске, и на берегах далекого негостеприимного Вилюя, и в Охотске. Уже к 33 годам он был произведен в ординарные академики и назначен в Петербурге профессором экономики и химии.

С 1784 года Кирилл Лаксман жил в Иркутске, избрав этот город как удобную исходную точку для научных экспедиций по Дальнему Востоку. При своем доме он устроил сад с оранжереями, в котором жители Иркутска любовались многими растениями, посаженными частью для красоты, а частью для изучения и акклиматизации. Здесь росли и почти неизвестный в то время на востоке картофель, и вишня, и яблоня, и персиковое дерево.

Будучи человеком практическим, Лаксман вместе с предпримчивым иркутским купцом Барановым построил на реке Талце в 40 верстах выше Иркутска, недалеко от Ангары стеклянный завод, на котором употреблялись для плавки стекла из песка и кварца глауберова соль из Англи, Баргузина и Селенгинска. Технология стеклянного производства была разработана самим Лаксманом. Сибирь ощущала большую нужду в стекле — по всей Сибири было не более 6 стекольных заводов — и завод работал бойко. Компания Лаксмана — Александр Андреевич Баранов впоследствии прославился как один из крупнейших деятелей Русско-Американской компании и основатель русской колонии Ситха в Новом Свете.

Сын Кирилла Лаксмана, юный поручик Адам Лаксман, служил исправником в отдаленном поселении Гижинске, расположенном при впадении реки Гижиги в северо-западный залив Охотского моря, где Камчатка соединяется с материком Азии. В этом далеком уголке, от которого до Иркутска было 5 500 верст, в ту пору были разбросаны лишь жалкие лачуги казаков, несших здесь государеву службу. Все же эта небольшая колония в тех угрюмых, пустынных краях являлась важным стратегическим и торговым центром. Здесь был центральный пункт управления и торговли с коряками и чукчами, которые меняли меха и китовый ус на железо, муку, табак и водку. Молодой исправник, снабженный отцом всеми необходимыми инструментами для исследований, совершал дальние и рискованные экспедиции в кожаной байдарке с тремя казаками, выгребая веслами по 50—70 верст в день. Причаливая к берегам, он собирал образцы минералов, руд, растительности, изучал жизнь коряков. В одном из писем он сообщил отцу о своих опытах огородничества:

«Из присланных сюда огородных семян только кресс может созреть, капуста никогда не кочанится; корневые овощи удобнее всего. Полученные от вас семена картофеля я посадил прошлым летом, и до будущей весны сберегаю клубни, достигшие величины в горошину...»

Кирилл Лаксман и его сын лелеяли планы новых больших экспедиций в неизведанные края. И когда ученый узнал о том, что в Иркутск доставлена группа японцев, потерпевших кораблекрушение у острова Амчит, он пригласил старшего из них — купца Кодая — к себе в гости.

Маленький морщинистый человек, спасенный от смерти русскими промышленниками, пришел к Лаксману в сопровождении пожилого казака Туголукова — учителя иркутской школы японского языка*.

— Господин профессор, купец Кодай просит вас принять выражение его искреннего восхищения вашими неописуемыми добродетелями... — казак усмехнулся и снисходительно посмотрел на японца, который без умолку говорил что-то,

* Школа переводчиков с японского языка к этому времени уже была переведена в Иркутск. К описываемому нами моменту японцев-преподавателей в школе не было и руководство обучением было возложено на «старшего ученика» — казака Туголукова, который хорошо владел японским языком.

низко кланяясь химику. Переводить все его комплименты Туголуков не считал нужным.

— А... это тот самый, который с Амчита? — профессор встал и ответил поклоном на приветствие купца.

— Замучил он меня, ваше превосходительство, — широко улыбнулся казак, — те остальные смиренные, сидят тихо. Известное дело команда — народ подневольный. А этому все покажи, да Расскажи. А сейчас вот вожу его по всем властям с визитами. Очень уж въедливый!

Туголуков прислушался к болтовне купца.

— Ну, теперь к делу перешел...

Кодай витиевато излагал историю своего спасения. Его судно, груженое рисом, потерпело аварию и много месяцев носилось по Охотскому и Беринговому морям, пока его не разбило штормом у острова Амчит. Он очень благодарен русским, которые спасли его и слуг от верной гибели, хотя (здесь в голосе японца прозвучали злые нотки) эти люди могли бы почтительнее обращаться с ним. Они не бросились спасать его погибающее имущество, хотя он приказал это сделать. Однако (здесь голос японца опять стал медовым), он чувствительно благодарит власти Великой Мохнатой Страны, которые внушили своим рабам страх и уважение перед сынами Восходящего Солнца. Русские, построив ботик из обломков двух разбитых судов, лучшие места предложили японцам...

Ученый поморщился и перебил купца, обращаясь к Туголукову:

— Скажи ему, что страх тут не при чем. Великодушные и гостеприимство — сии добродетели всегда украшали русских.

Кодай опять начал кланяться и говорить учтивости. После долгих предисловий он, наконец, намекнул на цель своего визита: ему хотелось бы побывать в русской столице. Бедный японский торговец был бы счастлив, если бы ему удалось посмотреть главный город благородного русского царства, которое столь широко распространило свои познания, что даже язык его страны хорошо известен здесь...

Профессор задумался. Он вспомнил неудачи Лебедева-Ласточкина и спросил у Кодая:

— Простите, достопочтенный коммерсант, но разве неверны слова законов ваших, кои запрещают вам знакомиться с русскими? И не покарает ли вас за сие отступление бог ваш?

Японец издал тонкий шипящий звук и заулыбался. Тугодуков пояснил, что это шипение означает самую высокую степень почтительности, и начал переводить длинный и запутанный ответ, из коего явствовало, что Кодай не нарушает святого закона, поскольку самим богам было угодно занести в Великую Мохнатую Страну бедного японского торговца.

Разговор продолжался еще очень долго. Японец проявлял огромное любопытство ко всему, что касалось России. Он спрашивал о самых различных вещах: есть ли у Лаксмана дети, где они учились, из чего сделано платье профессора, каких животных, птиц и рыб едят русские, чем и кто торгует в Петербурге, сколько пушек на дворе у русской царицы, какое жалование получает Лаксман, сколько кораблей у русских на Восточном океане, сколько раз в день ходят русские в церковь, много ли солдат в Иркутске и Якутске, умеют ли русские печатать книги?

Когда же Лаксман пробовал расспрашивать купца о Японии, тот становился нем, как рыба, или же гозорил, что вопросы ему непонятны.

Сведения о Японии все еще крайне скупо просачивались в Европу. Побывать там удалось лишь ученому Кемпферу, опубликовавшему свои наблюдения в 1727 году, и шведу Тунбергу, которому в 1775—1776 годах удалось проникнуть даже в столицу Японии. К тому времени описание своей поездки Тунберг еще не опубликовал.

Раздумывая над историей сношений Японии с внешним миром, Лаксман все больше приходил к мысли воспользоваться тем, что судьба занесла в Россию японцев, потерпевших кораблекрушение, как поводом для организации экспедиции в Японию. Он написал донесение в Петербургскую академию, приложив к нему «очень подробную» карту Японии, составленную «рожденным в Японии иркутским купцом Дайко-Куковда»*.

Известие о том, что в Иркутске находятся японцы, потерпевшие кораблекрушение у берегов Алеутских островов, заинтересовало правительственные круги. Императрица Екатерина II приказала доставить японцев в Петербург. Лаксману было поручено их сопровождать.

И вот Лаксман и Кодай поскакали на лошадях в далекий Петербург. Спутники Кодая — японцы Синцо, Конга и

* В. Лагус, Эрик Лаксман. Его жизнь, путешествия, исследования и переписка. Петербург, 1890.

Исо-киго — выпросили у власти разрешение добраться вслед за ним в Петербург с попутным транспортом ревеня, который шел из Кяхты. Остальные японцы остались в Иркутске. Двоим из них — Созию и Шинзо на родине жилось, видимо, не сладко, и они изъявили желание остаться навсегда в России. Их крестили. Созий и Шинзо стали Федором Ситниковым и Николаем Колотыгиним.

Прибыв в Петербург, Лаксман через влиятельного статс-секретаря графа Безбородко передал Екатерине проект экспедиции. Он познакомил японца Кодая с некоторыми правительственными чиновниками. Идея Лаксмана была одобрена. 13 сентября 1791 года Екатерина II подписала указ на имя иркутского и колыванского генерал-губернатора Ивана Алферьевича Пиля «о установлении торговых сношений с Япониею». В указе говорилось:

«Вам известно, каким образом японские купцы, по разбитии мореходного их судна, спаслись на Алеутской острове, и сначала тамошними промышленниками признаны, а потом доставлены в Иркутск, где и содержаны были некоторое время на казенном иждивении. Случай возвращения сих японцев в их отечество открывает надежду завести с оным торговые связи, тем паче, что никакому Европейскому народу нет столько удобностей к тому, как Российскому, в рассуждении ближайшего по морю расстояния и самого соседства».*

Указом было предписано снарядить в Охотском порту казенное судно и отвезти на нем в Японию спасшихся от кораблекрушения японцев.

Сопровождать японцев было поручено сыну ученого — поручику Адаму Лаксману. Екатерина особ оговорила в указе, чтобы командир корабля «был из природных Российских», но не англичанин и не голландец. Выбор пал на штурмана Григория Ловцова. Генерал-губернатору было предписано:

«При сем обратном отправлении японцев вы должны будете отозваться открытым листом к Японскому правительству с приветствием и с описанием всего происшествия, как они в Российской области привезены были и каким пользовались здесь приращением, что с нашей стороны тем охотнее на оное поступлено, чем желательнее было всегда здесь иметь сношения и торговые связи с Японским государством, уверяя, что у нас всем подданным япон-

* Полное собрание законов. Том XXIII.

ским, приходящим к портам и пределам нашим, всевозможные пособия и ласки оказываемы будут».

Для большего еще «обласкания Японского правительства» Екатерина приказала употребить из казны до 2 000 рублей на покупку разных товаров в подарок японцам.

Указом Екатерины японцу Кодаяо были пожалованы 150 червонцев, золотая медаль и золотые часы. Трем купцам, возвращающимся вместе с ним, было подарено по 50 червонцев каждому и по серебряной медали. Двое японцев, принявших православие и оставшихся в Иркутске, получили по 200 рублей каждый.

В начале 1792 года Кирилл Лаксман и японец Кодай вернулись в Иркутск. Началась подготовка к экспедиции. По совету Екатерины Лаксман уговорил двух иркутских купцов, в том числе Шабалина, примкнуть к экспедиции и взять с собою отборные товары для менового торга. 19 мая генерал-губернатор подписал инструкцию Адаму Лаксману, и ученый вместе с японцами пустился в дальний путь по самым ненаселенным и непроходимым местам.

Лишь 1 августа маленький караван Кирилла Лаксмана достиг Охотска. Здесь ученого уже ждал сын, отправившийся в Охотск из Гижинска еще 20 мая, согласно полученному им предписанию. В распоряжение экспедиции был предоставлен дряхлый галиот «Екатерина», которым пользовался еще Креницин в 1768 году, во время своей неудачной экспедиции к Ледовитому океану. На этой же «Екатерине» компаньон Лаксмана Баранов совершил переезд к берегам Америки.

С огромным трудом Адам Лаксман и Григорий Ловцов подобрали экипаж корабля. Он состоял из двадцати матросов и четырех солдат: на всякий случай «Екатерина» была вооружена. В качестве пассажиров на галиоте шли японцы Кодай, Синцо, Конга и Исо-кигэ, купцы, чертежники карт, переводчик Туголукэв. Всего экспедиция насчитывала около 40 человек.

Наконец, все было готово к отплытию. 13 сентября 1792 года «Екатерина» подняла паруса и покинула Охотский рейд. В письме к известному ученому XVII века Палласу Кирилл Лаксман написал:

«13 сентября 1792 года сын мой Адам покинул Охотский рейд.. В августе 1793 года, если все кончится благополучно, он вернется назад и может быть привезет с собою некоторые редкие

вещи и интересные сведения. Кодай и прочие некрещеные японцы расстались со мною, выражая свою благодарность: они плакали, как дети. Я со своей стороны, не жалея и собственных средств, сделал, что мог, для удовлетворения этих островитян».*

Путь был долог и опасен. Утлая бригантина долго лавировала меж каменными рифами и островками, не нанесенными на карту, боролась с быстрыми течениями, резкими и порывистыми ветрами. Кодай и его спутники с ироническими усмешками следили за действиями русских мореходов. Но Григорий Ловцов показал себя прекрасным мастером навигационных наук. Через месяц и шесть дней после выхода из Охотска он отдал якорь в бухте Немуро на севере острова Матсмай.

На берегу виднелись странные домики, покрытые соломенными циновками. В стороне стояли юрты айнов — «мохнатых курильцев», с которыми русские были знакомы по Курильским островам. Айны высыпали толпой на берег, приветствуя русских. Японцы стояли в стороне, выжидая оглядывая русский корабль. Поручик Адам Лаксман надел парадный мундир, натянул на голову обсыпанный пудрой парик с косичкой, прицепил шпагу и съехал на берег, захватив с собой Туголуква.

Японцы отказались разговаривать с русским послом и пояснили, что для этого требуется разрешение от высшего начальства, которое проживает в городе Матсмай. Лаксман вернулся на корабль, сердито посмотрел на подобострастного Кодая, который все время с затаенным любопытством наблюдал за ним, и заперся в каюте.

Молодой офицер серьезно опасался, что его первая дипломатическая миссия потерпит неудачу.

Достав бумагу, чернила и очинив гусиное перо, Лаксман задумался. Как писать дипломатическое послание властителям этой варварской земли, если неизвестно даже, кто и как ею управляет? Поручик подумал-подумал и, отчаявшись, вывел:

— Великого Нифонского государства, Его Теньзин-Кубосского Величества Матсмайской губернии Главнокомандующему Шимано-Комисаму...

Дальше все пошло более или менее гладко:

* В. Лагус. Эрик Лаксман. Его жизнь, путешествия, исследования и переписка, стр. 250.

*«Мы приехали как исполнители человеколюбивых российских узаконений, повелевающих оказывать всем странствующим всевозможное покровительство и вспоможение, употребляя все силы для лучшего истребления из памяти их страха и нужды, коими одолеваемы были. Повелено нам подданных Великого Нифонского государства Кодая со товарищи возвратить в их отечество, дабы они могли видеться со своими родственниками и с соотчичами. Направляется наше посольство к Главному правительству вашему для доставления оно́го государства подданных' с подробнейшим списанием о их приключениях и обо всем прочем по соседственной смежности. Просим известить ваше главное правительство о нашем туда шествии, дабы нам, как соседственным союзникам, без всякого препятствия безвозвратный вход иметь повелено было, не считая нас за противоборствующих и нечестивых противников...» **

Туголуков старательно перевел письмо на японский язык, и послание Лаксмана вместе с переводом было передано японцам для отправки в Матсмай.

Поручик предполагал получить ответ через несколько дней и поэтому пытался разузнать у Кодая, как далеко находится столица и как пройти туда на корабле. Кодай вежливо улыбался и, не отвечая на вопросы, советовал готовиться к зимовке.

Поручик удивлялся: неужели японцы настолько черствы, что не хотят ускорить свидание Кодая и его товарищей с родными, которых они не видели уже 9 лет? Но дни шли, а ответа на письмо Лаксмана все еще не было. Японцы внимательно следили за поведением русских и не спешили с ответом. Насколько позволяли подозрительные взгляды японцев, Лаксман предпринимал короткие экскурсии, изучая природу неизведанной страны. Собранные им коллекции впоследствии были отправлены в Академию наук.

Торговля русским была запрещена. Предусмотрительный Ловцов запасся достаточным количеством съестных припасов, но все же продолжительное и бездеятельное пребывание в Немуро пагубно отразилось на здоровье экипажа. Началась цынга. От цынги умерли один из матросов и один из привезенных на родину японцев **.

* «Северный Архив», 1822 г., № 3.

** Путешественник, побывавший в Японии впоследствии, рассказывал, как о характерной черте японцев, о том, что они тайно скопиро-

Наконец, 12 декабря из Матсмая явился разряженный, как павлин, чиновник. Рассыпаясь в любезностях, он сообщил:

— Наш начальник послал ваше письмо в нашу столицу. Он велел мне находиться здесь для охраны россиян от курильцев и для вспомоществования в могущих приключиться нуждах...

Теперь нужно было дожидаться ответа из самой японской столицы, которая, видимо, была довольно далеко отсюда. Пока что японский чиновник повадился ходить на корабль чуть ли не ежедневно. Всякий раз он неизменно осведомлялся о состоянии здоровья всех членов экипажа и потом часами расспрашивал Лаксмана и Ловцова о России. Однажды он как бы мимоходом ловко скопировал карту похода «Екатерины», которую ему показал простодушный штурман. Потом явилась целая гурьба японцев и необычайно быстро сняла эскизы с некоторых деталей корабля. Лаксману все это очень не нравилось, но он не хотел обострять отношений с японцами и, крепя сердце, терпел их назойливость.

Наконец, в последних числах декабря, в Немуро явились два чиновника из столицы. Лаксман повеселел, думая, что теперь уже волокита кончилась. Но столичные чиновники сделали вид, что им очень надоели казенные дела и что им хочется прежде всего повеселиться со своими славными гостями. Они почти ежедневно являлись с визитами на корабль, приглашали русских к себе и усиленно расспрашивали их о России. Когда подошел февраль, чиновники заявили Лаксману, что теперь наступает японский новый год и по их обычаю нужно целый месяц праздновать. Один из них принес поручику письмо, в котором было что-то написано аккуратными японскими иероглифами. Туголуков перевел:

— Прошлый год вы были здоровы и счастливы. Желаю, чтобы нынешний год вы насладились здоровьем и имели счастье и во всем успех. А я вас, как прежде, так и ныне почитаю и прошу не забывать.

Кланяясь и улыбаясь, чиновник упрашивал Лаксмана посетить пир, который в честь Нового года японские друзья

вали надгробную надпись, сделанную Ловцовым, и 20 лет спустя заставляли приезжавших к ним русских читать эту надпись, чтобы удостовериться в их национальности...

устраи́вают для русских гостей. Пир был очень скучным. Японцы по обыкновению изощрялись в любезностях и комплиментах. Стоило Лаксману заговорить о деле, как поток любезностей усиливался. Добиться вразумительного ответа от столичных чиновников поручику так и не удалось.

29 марта чиновники уехали так же неожиданно, как и приехали. Кодай и его спутники попрежнему жили на русском корабле.

Прошел еще месяц. Наступила весна. На берегу цвели деревья. Лаксман был взбешен — полгода потеряно совершенно напрасно. Наконец, утром 29 апреля на берегу слышался какой-то шум. Ловцов и Лаксман выскочили на палубу. К заливу приближалась важная процессия. Несколько разряженных чиновников шли в сопровождении свиты из 60 японцев и 50 айнов. Наконец-то! Теперь будет получен ответ...

Чиновники явились на корабль и церемонно раскланялись. Потом старший из них сказал:

— Удостойте нас взаимным посещением и вам будет дано необходимое пояснение.

Лаксман, Ловцов и Туголуков не заставили себя долго ждать. Чиновники встретили их чрезвычайно гостеприимно, поили чаем и вином, кормили, но о деле не говорили ни слова. Когда Лаксман уже потерял всякое терпение, старший чиновник встал и торжественно провозгласил:

— Император прислал в Матсмай для ответа на ваше письмо двух чиновников пятой степени, которые туда уже прибыли. Они послали к вам от себя нас троих и четырех матсмайских чиновников, чтобы вы шли в Матсмай с нами сухим путем, — там вам будет дан ответ...

Ловцов и Лаксман переглянулись. Приглашение это не обещало ничего хорошего. Здесь на корабле, среди своих, они чувствовали себя уверенно. В случае необходимости русские могли бы защищаться. А что станет с кораблем, если они его оставят? Им предлагают идти в глубь чужой страны «в сопровождении посольства», то-есть фактически под конвоем. Японцы могут сыграть с русскими очень плохую шутку.

Командир «Екатерины» и посол наотрез отказались покинуть корабль и идти в Матсмай пешком. Японцы сделали огорченные лица и сказали, что они должны донести об этом своему начальству...

Переговоры тянулись долго. Только в июле 1793 года бригантина «Екатерина» прибыла в порт Хакодате, сопровождаемая эскадрой конвоировавших ее японских судов. Здесь посланцы России также были встречены с показной вежливостью, но повсюду натыкались на глухое, враждебное отношение. Русским запрещено было ездить по городу. Матросам не позволялось даже стирать свое белье на берегу.

16 июля, наконец, русский посол Адам Лаксман и командир бригантин Григорий Ловцов были допущены в расположенный неподалеку отсюда город Матсмай.

Представители великого государства, оказавшие Японии дружескую услугу и доставившие на родину потерпевших крушение японских граждан, были введены в г. Матсмай как пленники. Впереди шли два матсмайских чиновника. За ними шел вооруженный караул. Далее следовали Лаксман, Ловцов и Туголуков и несколько других участников экспедиции. За ним двигались... 450 японцев, пеших и конных. На последнем участке пути к ним примкнули еще 600 человек. В Матсмае русского посла поместили в доме, который охраняли 60 солдат с ружьями. Солдаты держали в руках зажатые фитили.

Через час к Лаксману явились два чиновника. Они любезно раскланялись и один из них заявил:

— Согласно обычаям нашей страны, вы должны явиться к чиновникам пятой степени босиком и излагать им свое дело лежа на боку или стоя на коленях.

Лаксман вспылил и заявил японцам, что он не холоп; а посол великой державы. Японцы, не повышая голоса, с теми же любезными улыбками повторили свое требование и добавили, что законы их страны неизменны. Спор продолжался несколько часов. Лаксман все же настоял на своем. Японцы отказались от своих унижительных требований.

Переговоры длились девять дней, перемежаясь пирами. Японцы вели себя крайне неприступно, обнаруживая странную смесь добродушия и большого лукавства. Уже на первом совещании они вернули Лаксману его письмо, объявив, что перевод этого письма на японский язык сделан плохо. К следующему совещанию Туголуков с помощью японских переводчиков улучшил стилистическую обработку перевода. Тогда чиновники придумали новую уловку: они

заявили, что не могут принять письма, так как оно не адресовано им лично. Как ни доказывали Лаксман и Ловцов, что они не могли знать имен всех японских чиновников, — их речи не возымели никакого результата. Они добились лишь того, что японские уполномоченные разрешили прочитать это письмо им вслух. Таким образом, до сведения японцев официально было доведено, что русское правительство желает заключить дружественный и торговый союз с японцами...

Наконец переговоры пришли к концу. Лаксмана ввели в просторный зал. Четырнадцать чиновников, одетых в шелковые мантии и лакированные каски, встретили посла с обычным навязчивым гостеприимством. Лаксмана усадили к лакированному столику и долго потчевали чаем, неустanno повторяя комплименты.

Когда процедура чаепития закончилась, Лаксману объявили:

— Сегодня переговоров не будет, а вы приглашены были сюда для получения бумаги...

Чиновники передали послу тонкий свиток, испещренный иероглифами и, беспрестанно кланяясь, вышли из зала.

— Ну, что там, Туголуков? — нетерпеливо спросил поручик у переводчика.

На лице у Туголукова, который читал японское послание, сначала появилось недоумение, потом раздражение и злоба.

— Читай же...

Туголуков, волнуясь, начал читать. Посол пришел в ярость — японские чиновники пятой степени, не пожелавшие говорить с русским послом, писали ему:

«Всякое иностранной земли судно, приходящее в японскую землю, должно, по японскому закону, взять в плен или пальбою принудить в море удалиться. Это издавна закон сей страны, который и теперь не отменен, хотя вы и привезли спасшихся людей земли нашей.

Людей, не терпимых законом, не возвращают. И если придет судно земли, связи с нами не имеющей, то судно изломают, а людей, удержав, не возвращают. Однако вы издалика привезли спасшихся людей земли нашей. За труд сей в благодарность и по незнанию вами закона мы сохранны возвращаем вас с тем, что опять сюда не приходили.

Хотя вы и привезли на языке нашем написанную бумагу, достоинства владельца вашего нам непонятны, земли вашей язык и азбука неизвестны, степени чинов и почитания не знаем, потому величать вас и приличную почесть сделать невозможно и для того письменное сношение не можно делать.

Итти в Эддо * позволить вам трудно. Если бы вы усиленно в сие место отправиться думали, то во всех гаванях приказано строго остановить такое предприятие силой. Если вы всему вышеописанному не верите, то мы вас теперь же возьмем и поступим по законам нашим, тогда хотя и раскаетесь, то будет поздно».

Лаксман был вне себя от гнева.

Григорий Ловцов, усмехаясь, взял его об руку:

— Успокойтесь, господин посол. Баталию мы всегда успеем учинить. Допрещ сего надлежит нам закончить дипломатику...

Туголуков продолжал перевод:

— ...Привезенных вами людей велено вам сдать государственным особам. Но, как мы здесь находимся, то нам сдать их или в столице — все равно. Если не хотите сдать нам привезенных вами людей, то мы силой не возьмем их. Непривезенных же, за болезнью, двух японцев, если после и привезут в Матсмай, то их не примут. Дело сие хорошенько вразумите себе...

Подписали: Большие чиновники

Исикава Сюген

Мураками Дайкаку

и печати свои приложили **.

— Ну, вот, теперь все.

Посол взял у Туголукова ноту и свернул в трубку. За русскими, повидимому, наблюдали. Как только Туголуков закончил перевод, в комнату опять вошли 14 чиновников в касках и мантиях. Низко кланяясь и приседая, они учтиво шипели и что-то лопотали. Потом они открыли одну из бумажных стен и показали на груду мешков, сложенных в саду.

* Эддо (Иезо, Иеддо) — как называлась столица Японии Токио в XVIII и начале XIX вв.

** «Северный Архив», 1826 год, часть 22. «Образцы японской дипломатики».

Туголуков перевел.

— Его величество император японский жалует храбрым русским морякам 100 кулей сорочинского пшена...

Лаксман спешил с отъездом. Однако прошло еще несколько дней, пока выражения учтивости и любезности японских дипломатов и военных были закончены. При отъезде Лаксману вручили подарки от японского императора: три сабли, уложенные в ящике, 20 ящичков листового табака, несколько ящичков японской бумаги, фаянсовые чашки, а также письменное разрешение на приход одного русского корабля в Нагасаки — если русские хотят продолжать переговоры с Японией.

Попытки русских установить торговые отношения с японцами полностью провалились и на этот раз: японцы не позволили Шабалину даже выставить свой товар. «Это стоило бы нам жизни», — заявили японские чиновники.

Встречая отказ на все свои предложения, Лаксман решил, что пришло время сдать потерпевших крушение японцев и вернуться на родину. Передача эта совершилась в Матсмае 23 июля на прощальной конференции. Никаких церемоний при этом не было. Кодай и его спутники не выразили русским благодарности. Как сообщали впоследствии путешественники, которым довелось побывать в Японии, судьба их оказалась довольно печальной: заподозрев Кодая и его спутника в том, что они стали русскими шпионами, японские власти учредили над ними строгий надзор. Им было запрещено даже отправиться к своим семьям.

24 июля вечером Лаксман со своими спутниками покинул Матсмай и направился в Хакодате. 11 августа бригантин «Екатерина» покинул рейд японского порта. Ловцов приказал на прощанье почтить японцев орудийным салютом. Грохот залпа потряс тихий городок. Японские воины, до того бряцавшие своими допотопными ружьями с фитилями, разбежались во все стороны.

Бригантин, распустив паруса, уходил в море. Вдруг Ловцов заметил сзади японский парусник, который пытался догнать «Екатерину»... Он приказал убавить ход. Парусник приблизился и японский чиновник спросил Ловцова:

— Для чего русские стреляют из пушек?

Ловцов небрежно сказал Туголукову:

— Переведи: в культурных государствах сей салют означает знак почтения.

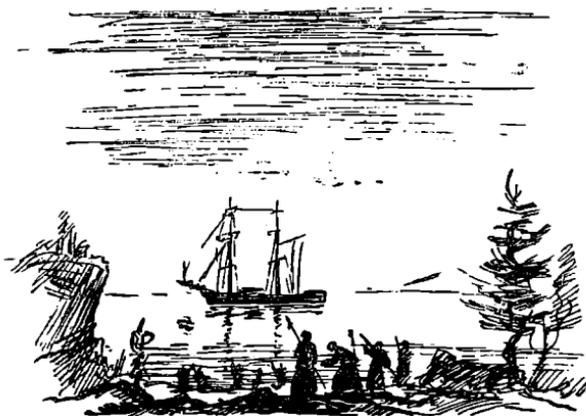
Японец покачал головой:

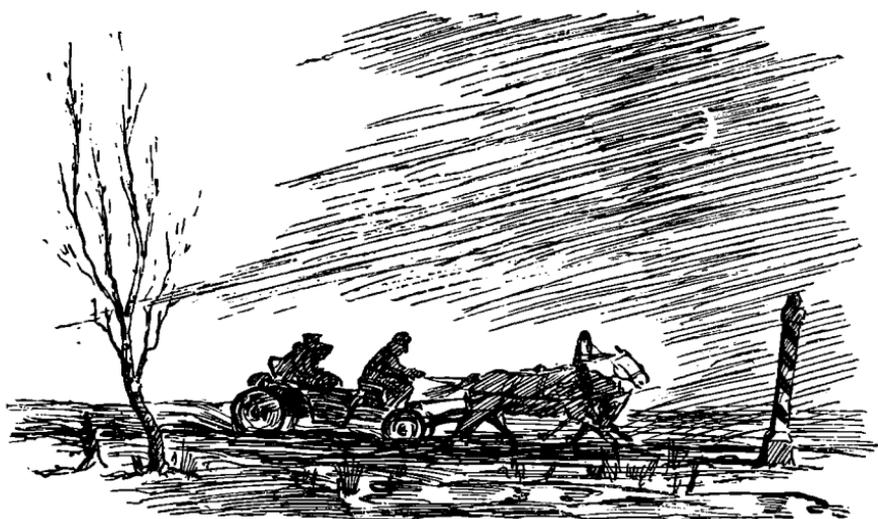
— Наш начальник просил передать вам, что им этот знак очень не нравится...

Ловцов пожал плечами и громко скомандовал:

— Полные паруса. Отпустить рифы.

Через мгновение японский парусник остался далеко позади. Легкий бригантин стремительно скользил по морю, залитому ослепительным июльским солнцем.. В голубоватой дымке таяли берега чужой земли. Русские моряки спешили на родину.

ХВОСТОВ И ДАВЫДОВ

Поздним апрельским вечером 1802 года за рогатку Санкт-Петербурга выехала, грохоча по последним камням булыжной мостовой, перекладная телега. Два юноши в форме морских офицеров что-то кричали, смеясь, толпе провожавших их друзей. Вслед им неслись прощальные приветствия:

— Прощайте, ребята.

— Прощай, Хвостов! Счастливого пути, Давыдов!.. Пишите с дороги...

Потом все смолкло, и телега затерялась в ночном мраке.

До самой Ижоры путники ехали тихо. Младший из них, по виду совсем еще мальчик, тихо плакал. Старший утешал его. Впрочем, он и сам был очень взволнован. Впервые в жизни молодые друзья отправлялись в столь далекое путешествие.

Произошло все это неожиданно. Вскоре по возвращении с морских батальи́й с французами и голландцами, двадцати-

шестилетний лейтенант Николай Хвостов был приглашен к знатному и богатому петербургскому вельможе — камергеру Резанову, который находился в зените своей славы. Резанов возглавлял Российско-Американскую компанию, принятую под покровительство царского престола.

Приглашение к знатному вельможе льстило молодому лейтенанту. Камергер встретил его очень радушно. Он знал толк в людях и уже давно приметил Хвостова, храброго, хотя и не родовитого офицера, который еще четырнадцатилетним мальчиком заслужил золотую медаль в шведской кампании 1790 года, когда он плавал гардемаринном.

Резанов усадил лейтенанта в кресло и завел с ним доверительный разговор о русских колониях в Америке. Он говорил о неслыханных богатствах тех далеких мест, об исключительных возможностях для приложения молодых талантов в американской стороне и жаловался на недостаток людей. А дел у компании много.

Камергер достал из секретного ящичка своего бюро гербовую бумагу с императорской печатью и начал читать:

... — И отдать той компании пользоваться всеми промыслами и заведениями на северо-западном берегу Америки от 55 градусов северной широты до Берингова пролива и далее, а также на островах Алеутских, Курильских и других и всем тем, что доньше в недрах земли было отыскано или впредь отыщется без всякого со стороны других на то притязания. И отдать той компании право делать открытия не только выше 55 градуса, но и далее к югу, и занимать открываемую землю в Российское владение, заводить поселения и укрепления, производить мореплавание по всем окрестным водам и иметь торговлю со всеми около лежащими державами и нанимать всяких свободных людей...

Молодой лейтенант слушал камергера, затаив дыхание. Его пылкое воображение рисовало яркие картины романтических приключений в далеких неизвестных странах. Всею душой он уже стремился в эти края. Камергер встал и, пытливо глядя на Николая Хвостова, сказал:

— Правлению нашей компании, наслышавшись о вашем искусстве и отважности, было бы угодно иметь вас у себя на службе, дабы вы провели корабли наши, идущие из Охотска в Америку.

Лейтенант, не раздумывая ни минуты, дал согласие, выпросив лишь разрешение съездить на пять дней в деревню проститься с родителями. В тот же день он отправился

к своему закадычному другу, семнадцатилетнему мичману Гавриле Давыдову и предложил ему сопутствовать в дальнем путешествии. К вечеру оба они уже подписали контракт, — и вот уже начат далекий путь к восточной окраине России...

Мичман Давыдов обладал острым и примечательным умом. Он приобрел большие знания в математических и словесных науках, за что уже в 14 лет был произведен в офицеры. Однако по молодости своих лет он уступал в твердости и мужестве своему старшему другу, и сейчас его старший товарищ добродушно подтрунивал над своим впечатлительным спутником, часто сморкавшимся и утиравшим слезы.

Только в Ижорах Давыдов успокоился и записал в своем дневнике:

*«Я не могу точно описать беспорядка мыслей моих. Покуда суетливость и сборы в дорогу занимали меня, по тех пор приятная о путешествии мысль, казалось, ничем другим не была разрушаема. Но когда остались мы двое... и стремление колес напомнило нам, что путь сей уже начался, тогда сердце мое стеснилось. С одной стороны меня огорчало, что я прощаюсь с друзьями своими, прощаюсь на весьма долгое, может быть, время; иду туда, где лишен буду всех удовольствий и удобств жизни; иду, не сказавшись родным, кои, конечно, огорчены будут сим моим предприятием — тысячи других сим подобных мыслей расстраивали мою голову и удручали сердце мое печалью. С другой стороны воображение совершить столь далекий путь, увидеть много необыкновенных вещей, побывать в местах, в которых редкому быть случится; приобрести новые познания и, может быть, сделать себе в мореплавателях некоторое имя — все сие возбуждало во мне любопытство... Сии мечтания попеременно наполняли мою золову, так что я иногда смеялся, иногда плакал и в таком состоянии духа доехал до Ижор».**

Смятение души семнадцатилетнего мичмана не трудно понять, если вспомнить, какой путь предстояло совершить молодым друзьям. В те далекие годы все нужнейшее для русских колоний в Америке доставлялось сухим путем через Якутск и Охотск. Более 4000 лошадей употреблялось ежегодно для этой цели. Путь пролегал через дремучие ле-

* «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. С предисловием вице-адмирала Шишкова», СПб, 1810.

са и болота, через высокие горы и широкие реки. Канаты, доставляемые из России в колонии, приходилось рубить на куски по 7—8 сажений, вычитать их частями на лошадях, а в Охотске снова сплестать воедино. Якоря перевозили также кусками, потом их скрывали вместе. Часто караваны подвергались нападениям разбойников. Нередко люди, направлявшиеся в такой далекий путь, погибали, не достигнув цели своего путешествия.

Нужно было изыскивать какие-то новые транспортные способы. И вот в то самое время, когда молодые друзья Хвостов и Давыдов спешили на перекладных к берегам океана, в Петербурге готовилось грандиознейшее предприятие.

Храбрый и бывалый капитан-лейтенант Иван Крузенштерн три года обивал пороги департаментов, настойчиво предлагая свой проект, который все считали несбыточным. Он доказывал, что русские моряки способны водить свои корабли вокруг света, доставляя таким образом все необходимое для процветания восточной окраины.

Новый коммерц-министр граф Румянцев в конце концов одобрил идею Крузенштерна. В июле 1802 года капитана вытребовали из Ревеля, где он находился. Ему объявили, что государю было угодно принять проект экспедиции и что Ивану Крузенштерну поручено исполнить свой план. Для кругосветного плавания были выделены парусные корабли «Нева» и «Надежда».

Всезедающий и хитрый камергер Резанов решил использовать этот рейс не только в коммерческих, но и в дипломатических целях. Его давно беспокоила конкуренция японских купцов, которые попрежнему шныряли у русских берегов на своих легких брусах. Больше того, он знал, что японцы начали забирать себе земли, искони считавшиеся русскими. Они все чаще наведывались на Курильские острова, пытались обосноваться на Сахалине.

Малоисследованный Сахалин с годами все больше привлекал к себе внимание ученых, купцов и политиков. Он все еще оставался «ничьей» землей, хотя почти весь мир был уже разделен между державами. Обширная богатая земля эта, заброшенная в дальнем углу океана, ждала своих исследователей. Даже приблизительные очертания Сахалина были гадательны — на разных картах он изображался по-разному. Больше того, географы еще не знали, является ли Сахалин островом или полуостровом.

Название Сахалин происходило от китайского «Сахалин анга-хельта», что значит «Черные горы в устье реки». Термин этот можно было толковать различно, и многие исследователи сходились на том, что речь идет о земле, непосредственно примыкающей к материку у устья Амура, именовавшегося монголами «Сахалян-ула», что означало «Черная река».

Первым услышал о Сахалине Василий Поярков, открывший Амур. К концу XVII века в русских сказаниях было записано, что «есть остров великой, а живут на том острове многие иноземцы гильяцкие народы».

Европейские мореплаватели редко заходили в эти края. Первый случайно натолкнулся на берег Сахалина голландец Герриц де-Фриз, посланный в 1646 году генерал-губернатором Ван-Дименом на поиски легендарных земель Генизма и Кенизма, якобы баснословно богатых золотом и серебром. Судя по описанию и карте де-Фриза, можно предполагать, что он побывал в заливе Анива и на мысе Терпения. Однако сам он ошибочно полагал, что открытая им земля является продолжением японского острова Иезо. Сильные бури, туманы, угроза наступившей зимы заставили голландского морехода уйти на юг, не доведя до конца обследования открытого им берега.

На карте француза Сансона, изданной четыре года спустя после карты де-Фриза, между Азией и Северной Америкой был показан широкий пролив «д'Аньян» — Сахалин на ней вовсе отсутствовал. В книге Витсена «Север и восток Татарии», изданной в 60-х годах XVII века, можно найти отдаленное упоминание об этом острове. Сахалин здесь назван островом Гильят.

Под современным названием Сахалин впервые был упомянут в Европе лишь в 1735 году французским географом д'Анвилем, который пользовался при составлении своей карты трудами иезуитов, обосновавшихся при дворе китайского богдыхана. По поручению богдыхана иезуиты обследовали восточный берег Азии и добыли сведения о Сахалине. Сведения эти были весьма неточны.

Беринг в числе прочих проблем поставил перед собой задачу исследовать эту таинственную землю. Но и лейтенанту Шельтингу, которого он послал к острову в 1742 году, не удалось внести сколько-нибудь существенные уточнения в карту Сахалина. Подойдя к восточному берегу

острова у $50^{\circ}10'$ северной широты, он продвинулся на юг до $45^{\circ}34'$, т. е. почти до самого пролива, отделяющего Сахалин от Хоккайдо (названного впоследствии проливом Лаперуза). Но сильные туманы помешали Шельтингу пройти через пролив. Он принял его за залив, а маячившие вдали горы Хоккайдо ему показались продолжением горных хребтов Сахалина...

В серьезную ошибку впал и знаменитый французский мореплаватель Лаперуз, посетивший берега Сахалина в 1787 году. Двигаясь на север вдоль восточного берега острова и видя, что глубины все время уменьшаются, он решил, что Сахалин является не островом, а полуостровом. Лаперузу посчастливилось сделать ценное открытие: в небольшой бухте, которую он назвал именем командира второго фрегата экспедиции де-Лонгля, были подобраны куски каменного угля. Оказалось, что этот далекий остров богат минеральным топливом, которое тогда уже приобретало огромную ценность.

Лаперуз побывал и на берегах Приморья. Он был потрясен богатствами, открывшимися его взору. В своих записках отважный капитан красочно живописал высокие хребты, покрытые рощами гигантских дубов, серебристые реки, в водах которых отражались плакучие ивы, высокие сосны, первобытные клены. Он восторгался исполинскими яблонями, обремененными спелыми плодами, которых никогда не касалась рука человека, пестрым ковром из ароматных роз, ландышей и лилий. Он поражался несказанному плодородию почвы, которой никогда не касался плуг.

Спустя три года Лаперуз погиб при крушении у Соломоновых островов. Его восторженные описания были забыты. Далекий благодатный край остался все таким же неизученным. Лишь девять лет спустя сюда заглянул англичанин Броутон. Он попытался пройти из бухты де-Кастри в реку Амур и Охотское море Татарским проливом, но попал на мелководье и вернулся ни с чем, присоединившись к ошибочному утверждению Лаперуза, что Сахалин — не остров, а полуостров.

Тем временем русские пионеры колонизации восточных земель упорно и самоотверженно делали свое дело. Основав фактории на Аляске и в Калифорнии, утвердившись на Курильских островах, русские успешно торговали с туземным населением, промышляли зверя, вели рыбную ловлю, пытались завести земледелие и скотоводство. Вопрос о

Сахалине и Приморье приобретал все большее значение, и Резанов с Крузенштерном решили в конце кругосветного плавания провести серьезное обследование этой восточной земли.

Резанов полагал также совершенно необходимым воспользоваться благоприятной возможностью для того, чтобы возобновить попытки установить, урегулировать и ввести в законные рамки сношения с Японией.

В петербургских кругах еще свежи были воспоминания о неудаче посольства Адама Лаксмана. Однако камергер Резанов решил еще раз попытаться мирным путем уладить взаимоотношения с японцами, воспользовавшись выданным Адаму Лаксману разрешением на приход одного русского судна в порт Нагасаки. Резанов доказывал Александру I, что многие обстоятельства повредили успеху посольства Лаксмана. Во-первых, грамота японскому императору была написана не от самой императрицы, а от сибирского ее наместника. Во-вторых, Лаксман и Ловцов пришли не в Нагасаки — единственный порт, определенный для иностранных кораблей, а остановились в гавани Хакодате.

— Сии два обстоятельства крайне огорчили высокомерного монарха, — говорил Резанов. Сверх того, Лаксман был человек малоспособный к уловкам, которые могли бы приобрести доверенность от державы завидливой и подозрительной. Ежели мы снарядим посольство на кругосветных кораблях, которые обойдут весь земной шар, и уполномочим его говорить от лица императора, мы получим иной результат...

Александр I некоторое время колебался, но, наконец, согласился с предложением камергера и назначил его своим посланником в Японию.

6 июля 1803 года царь приехал на корабле, внимательно осмотрел «Надежду» и «Неву». В разговоре с Крузенштерном он посоветовал ему избрать команду из английских матросов, выразив опасение, что русские моряки не доведут корабли на восток, но Крузенштерн гордо ответил:

— Я не знаю лучших моряков, нежели русские. Я пойду вокруг света только с русскими моряками..

Он объявил на флоте набор охотников итти вокруг света. Желających оказалось множество. Он отбирал людей очень строго и скрупулезно хорошо слаженную команду. Тем временем из Иркутска в Кронштадт доставили японцев.

спасенных при кораблекрушении в 1793 году, через год после путешествия Лаксмана. Резанов решил вернуть и этих японцев на родину, чтобы еще раз показать миролюбивое отношение России к Японии.

В конце июля тяжело нагруженные товарами корабли «Надежда» и «Нева» вышли в море, держа курс на запад.

К этому времени молодые друзья Хвостов и Давыдов успели добраться до океана и начать работу. Их встретили с большой радостью: в Охотске не было опытных и образованных мореходов, плавание из Охотска к берегам Америки считалось делом невероятной трудности. Дрянные суденышки водили полуграмотные промышленники, которые плохо разбирались в навигации. Из Охотска в Америку они тащились обычно два-три года, останавливаясь на зимовке у Алеутских островов.

Хвостову и Давыдову показали углый кораблик «Святая Елисавета», строившийся в Охотске. Молодые мореходы покачали головами. Кое-как сколоченный из сырого дерева, бот вряд ли мог выдержать океанское плавание. Работники Охотского порта сами не советовали выходить в море на «Святой Елисавете» до весны. Но Хвостов сказал, что он не намерен зря проживать казенные деньги в Охотске, и приказал готовиться к плаванью. Через несколько дней он отчалил от берега и 1 ноября 1802 года, после бурного и опасного рейса, молодые мореходы благополучно ввели свое суденышко в гавань острова Кадьяк, где находилось правление русских колоний в Северной Америке.

Весть о том, что Хвостов и Давыдов за два месяца привели бот в Америку, чрезвычайно поразила и обрадовала всех промышленников. Встретивши «Святую Елисавету», правитель колонии сказал, что уже пять лет на Кадьяк не приходило ни одно судно. Промышленники испытывали огромную нужду в продовольствии и товарах. В складах накопилось до 16 тысяч шкур морских выдр и много других ценных мехов. Их некому было вывезти.

Всю зиму молодые друзья провели в скитаньях по островам, жадно интересуясь новыми, неизведанными землями. Летом они благополучно привели в Охотск свой бот, нагруженный драгоценной пушниной, которая была оценена в два миллиона рублей. «Святую Елисавету» поставили на зимовку.

Хвостов и Давыдов не привыкли бездельничать. Поэтому они решили съездить в Петербург и по пути посмотреть

сибирские города. Поистине неистощима была любознательность этих молодых людей.

В Петербурге Хвостов и Давыдов прожили всего два месяца. Хвостов съездил к своим бедствующим родителям, отдал им 800 рублей, заработанных за год труднейшей, опаснейшей работы, и в мае 1804 года друзья снова пустились в далекий путь.

В сырой туманный день 5 июня 1805 года на рейде Петропавловска-Камчатского появился корабль «Надежда». Иван Крузенштерн, еще год назад благополучно закончивший свое кругосветное плавание, целую зиму провел в японском порту Нагасаки. В Петропавловске с нетерпением ждали гостей. Все интересовались результатами затянувшихся дипломатических переговоров камергера Резанова.

Хвостов и Давыдов, случайно находившиеся со своим новым кораблем «Марией» в Петропавловске, поспешили повидаться с посланником, вспомнив свои петербургские встречи с ним. Хвостов не узнал самоуверенного и властного вельможу. Он сильно осунулся, позеленел, стал нервным и желчным. Не решившись его беспокоить, друзья отправились к Ивану Крузенштерну, который в это время командовал разгрузкой «Надежды». На берег свозили мешки с солью. Отважный кругосветный мореход с отвращением ткнул пальцем:

— Милость монарха... Лаксмана рисом одарил, а нас солью...

Оказывается, и на этот раз переговоры ни к чему не привели. Японские чиновники обошлись с посланником Александра I не лучше, чем с поручиком Лаксманом, невзирая на огромную разницу в их чинах и званиях. Резанов полгода пробыл на положении военнопленного и не добился никаких дипломатических успехов. Крузенштерн как-то вечером показал молодым друзьям свой дневник, который он вел во время путешествия. Вот что было в нем записано:

«Время пребывания нашего в Нагасаки по справедливости назвать можно совершенным невольничеством, коему подлежал столько же посланник, сколько и последний матроз нашего корабля. Японцы тотчас отобрали у нас весь порох и все ружья, даже и офицерские охотничьи, из коих некоторые были очень дорогие. После четырехмесячной просьбы позволено было, наконец, выдать офицерам ружья для чищения, но и то поодиночке. Они оказались, не быв долго чищены, совершенно испорченными.

*Мы не могли не только съезжать на берег, но и не имели даже позволения ездить на гребных судах своих около корабля. Шестинедельные переговоры могли только склонить японцев назначить на ближайшем берегу для прогулки нашей место, к чему убеждены они были болезнью посланника. Место сие находилось на самом краю берега. Оно огородили они высоким забором из морского тростника. Вся длина его — 100 шагов, а ширина 49. С двух сторон стража наблюдала строгое хранение пределов. Все украшение сего места состояло в одном дереве. Никакая травка не зеленела на голых камнях целого пространства...» **

Капитан обстоятельно описал в своем дневнике все подробности полугодового пребывания русских в Нагасаки. И на этот раз повторились те же издевательства, которыми в свое время подвергся Лаксман.

Едва «Надежда» бросила якорь 3 октября 1804 года перед Нагасаки, русскому послу пришлось ознакомиться с японскими нравами. Из гавани к кораблю подошла лодка, чтобы узнать его флаг. В день прибытия Резанов предъявил документ, выданный Лаксману японцами, и потребовал впустить «Надежду» в гавань. Но японцы не спешили с этим. Они сняли копию с документа и запросили Резанова — почему лишь теперь, двенадцать лет спустя, русские воспользовались данным им разрешением притти для возобновления переговоров.

Камергер ответил, что он привез письмо от самого русского императора, которое он должен вручить государю Японии, а также доставил четырех японцев, спасенных при кораблекрушении.

Впустив «Надежду» в гавань, японцы отвели Резанову хижину на берегу, в которой он был вынужден жить в течение нескольких месяцев на положении пленника. Переговоры тянулись медленно и нудно. Вначале японский губернатор затребовал у Резанова подлинник разрешения, выданного Лаксману 12 лет назад японскими сановниками. Потом он потребовал, чтобы русский посол отдал ему письмо императора. Резанов наотрез отказался сделать это, заявив, что письмо это он может вручить только самому государю. Губернатору он вручил копию письма. Японские чиновники не замедлили заявить, что они не понимают того, что написано, так как у переписчика дурной почерк.

* Крузенштерн, Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах. СПб, 1810.

Японский губернатор отказался принять привезенных на «Надежде» японцев. Один из них пытался покончить с собой, отчаявшись в том, что соотечественники когда-либо согласятся принять их на берег...

Шесть месяцев прожил русский посол в своей хижине на положении узника. Наконец, его пригласили на торжественную аудиенцию, куда ему было приказано притти босиком и без шпаги. Здесь японцы объявили Резанову, что отныне русским кораблям навечно запрещается посещать Японию. Если же и впредь японцев будет заносить ветром к русским берегам, то, — заявили сановники, — их следует передавать для отправки в Японию голландцам.

Хвостов и Давыдов были очень взволнованы всеми этими сведениями. То, что описывал Крузенштерн, было обидно и оскорбительно. Как смели японцы подвергать такому поруганию честь русского флага, который был пронесен над всеми океанами вокруг земного шара? Впрочем, ничего иного нельзя было ожидать от этих коварных и вероломных людей. За два года Хвостов и Давыдов немало наслышались о бесчинствах японских промышленников и чиновников, творимых ими на островах Охотского и Берингова морей. До сих пор они пользовались безнаказанностью. Не пора ли проучить их? Хвостов стал расспрашивать Ивана Крузенштерна о воинской силе японской державы. Командир сказал:

— Припоминаю я одного японского офицера, которого видели мы на обратном пути к северной оконечности земли Ессо. Было это в половине мая. Хоть эта земля лежит в малой широте, но во многих местах еще лежал глубокий снег и не видно было никакой зелени. Однако, после шестимесячного заключения мы рады были и такой земле. Приняв нас местные жители с большим радушием. Но тут вдруг является японский офицер и представляет нам, что он крайне утрашен за нашу судьбу. Просит нас немедленно удалиться, — как скоро узнают-де о нашем здесь пребывании в Матсмае, то прибудет вдруг многочисленный флот, от которого не можем мы ждать ни малейшей пощады. Для придания угрозам своим большей силы повторяет он многократно слово «бум-бум» и, надувая обе щеки, пыхает чрезвычайно. Его угрозы и страшные телодвижения были столь странны, что мы с большой трудностью удерживались от смеха...

Крузенштерн улыбнулся, сделал паузу и заключил:

— Сколько ни грозен был сей офицер, никакого вреда японцы нам не причинили. Впрочем, хотя японцы и не военный народ, однако ж число их, в сравнении с нашими людьми, здесь не может иметь никакой соразмерности. Посему обращаться с ними надлежит с должной осмотрительностью...

У Хвостова были свои понятия об осмотрительности и потому он эти слова пропустил мимо ушей. В его пылком уме уже зрел план операции, которая должна была показать японским правителям, что они играют с огнем. Но кто даст ему необходимые полномочия?

Вечером камергер пригласил обоих молодых моряков. Он заботливо расспрашивал их о службе, интересовался их успехами, потчевал японским чаем и рассказывал забавные анекдоты из жизни японцев. Так, он говорил, что одним из наиболее ходких и дорогих товаров Японии является амбра, добываемая из кашалотов.

— Амбра — главная вещь в малой аптеке, которую имеет при себе всякий богач, — говорил камергер, — японцы употребляют ее для возбуждения любострастия. В сем деле они превосходят самих турок. Даже на Сахалине я видел у купцов книги с соблазнительными картинками, которые должны составлять главное, а может быть и единственное чтение японцев. Нельзя же думать, чтобы оные были привезены из Матсмая для продажи айнам...

Мичман Давыдов пылко сказал:

— Как же мы можем терпеть, чтобы эти грязные развратники захватывали наши земли и попирали достоинство русского флага?

Камергер проницательно глянул на взволнованного мичмана и продолжал болтать о всякой всячине, не отвечая на прямой вопрос. Но в глазах хитрого дипломата светилось тайное удовлетворение — он нашел то, что искал.

На другой день Резанов объявил, что он до отъезда в Россию должен побывать в колониях и для сей цели вверяется мореходному искусству Хвостова и Давыдова. 15 июня «Мария» подняла паруса и вышла в море, держа курс на Кадьяк. На протяжении всего плавания камергер внимательно изучал своих молодых путников и изредка намекал им, что они могли бы оказать большую услугу родине. Хвостов и Давыдов уже догадывались, о чем идет речь, хотя осторожный дипломат не посвящал их в детали задуманного плана.

Только в августе 1805 года камергер пригласил к себе молодых офицеров и сообщил, какая трудная и ответственная задача возлагается на них.

— Милостивые государи, — торжественно начал Резанов. — Вы достаточно наслышаны о мерзком издевательстве, учиненном японскими властями над посольством его величества. Покидая японскую землю, я заявил их чиновникам именем государства Российского: «Русскому императору не трудно привести Японию в правила, каких требует уважение к его лицу. Русское правительство желает, чтобы японцы не простирали свои владения далее северной оконечности Матсмая». Однако же на возвратном пути к Камчатке видели мы, как нахально захватывают японские офицеры и купцы северные земли. Иван Федорович Крузенштерн наверно сказывал вам о том, что видели мы на Курилах и на Сахалине. В бухте Анива на Сахалине нашли мы две японских фактории, заведенные совсем недавно. Дома офицеров, а особенно амбары, были совсем новы, некоторые еще и сейчас не окончены. Японские офицеры и купцы повергли там в невольничество человек до 400 мохнатых курильцев. Они заставляют их служить себе и чинят безмерные издевательства. Если оставить их без наказания, то дойдет очередь и до наших русских тунгусов, откочевавших на Сахалин еще сто лет назад. Нам надлежит теперь найти средства, чтобы внушить японцам вящее уважение к русскому флагу и дать им почувствовать, что во вражде и несогласии с нами подвергнутся они великой опасности от силы нашего оружия...

И Резанов тут же вручил Хвостову письменную инструкцию о подготовке вооруженной экспедиции. Было решено отправить в поход два корабля. У американского корабельщика Вульфа Резанов приобрел небольшой бриг «Юнону». Кроме того, здесь же на острове Кадьяк промышленники смастерили крохотный тендер, которому дали соответствующее его малой надежности имя «Авось». Хвостов принял командование над «Юноной», Давыдову же поручили тендер «Авось».

Экспедиция была назначена на весну 1806 года. Однако обстоятельства сложились так, что ее пришлось отложить: крайний недостаток хлеба в американских колониях вызвал голод, и Резанов с Хвостовым вынуждены были отправиться в поисках продовольствия на юг, где, по слухам, испанские колонисты успешно применили земледелие. «Юнона»

совершила трудное и длительное плавание в Калифорнию. Испанцы радушно приняли русских гостей и охотно поделились с ними своими запасами. В июле тяжело нагруженный зерном бриг вошел в Ново-Архангельский порт на острове Кадьяк, и обитатели колонии были спасены от голодной смерти.

Наконец, 25 июля 1806 года «Юнона» и «Авось» подняли паруса и отправились в экспедицию. «Авось» взял курс к берегам Сахалина, а «Юнона» пошла в Охотск. Хитрый дипломат Резанов, не желая принимать на себя всю ответственность за военную экспедицию, предпринятую им без ведома Петербурга, заявил, что он спешит в столицу. В Охотске он покинул борт брига и уехал на запад.

Пока Хвостов заходил в Охотск, уже надвинулась суровая осень, которая в этих краях сопровождается бурными штормами. Как на беду выяснилось, что на «Юноне», выдержавшей подряд два трудных плавания, треснула фок-мачта. Весь корпус корабля был расшатан, но Хвостов, человек дисциплинированный и храбрый, не хотел откладывать исполнение приказа. Отказавшись от ремонта, он вышел в море и направился прямо к Сахалину.

Весь Охотск провожал отважных моряков. В церкви служили молебны, моля бога о спасении плавающих и путешествующих. Почти все жители порта, люди бывалые и опытные, были уверены в том, что бриг и его команда обречены на гибель. Однако молодой мореход, которому только что исполнилось 30 лет, был уверен в своих силах и вел свой бриг навстречу бурям.

Ранним утром 6 октября 1806 года «Юнона», обогнув Сахалин, вошла в далекую бухту Анива, которую Хвостов до этого знал лишь по описанию Крузенштерна и Резанова. Команда брига высыпала на палубу и с любопытством осматривала незнакомые места.

Даже такому искусному мореходу, как Крузенштерн, не удалось довести до конца решение векового спора о том, чем же является эта земля — островом или полуостровом.

Вначале судьба как будто бы покровительствовала отважному капитану. Ему удалось пройти от острова Матсмай (Хоккайдо) через пролив Лаперуза к мысу Крильон на Сахалине. Поднявшись вдоль западного берега Анивского залива до бухты Лососей, он в 1805 году водрузил здесь русский флаг. Затем, обогнув мыс Анива и открытый

голландцами мыс Тонин, он попытался войти в залив Терпения, но был вынужден вернуться и уйти на Камчатку, так как встретил здесь огромное скопление льда.

Через месяц, в конце июня, Крузенштерн повторил попытку подойти к берегам Сахалина. На этот раз ему удалось подойти к мысу Терпения. Отсюда он направился вдоль восточного берега Сахалина к северу, внимательно изучая и описывая побережье. Крузенштерн нанес на карту, в частности, Тюлений остров, мысы Белингсгаузена, Рымник, Ратманова, Делиль-де-ля Кройер, Бутен, Песчаный, Клокачева, Левенштерна, Елизаветы и Марии.

Обогнув остров с севера, Крузенштерн начал спускаться Татарским проливом на юг, продолжая опись побережья. Казалось бы, загадка Сахалина должна была разрешиться со дня на день — Крузенштерн находился на правильном пути, и погода ему благоприятствовала. Но вскоре его корабль вышел на то же злополучное мелководье, которое смутило Броутона. Крузенштерн несколько раз направлял в разные концы шлюпки, пытаясь нащупать фарватер, но неизменно терпел неудачу. Пройти на юг не удалось, и Крузенштерн вернулся на Камчатку в полной уверенности, что Лаперуз и Броутон были правы и что Сахалин — не остров, а полуостров...

И вот молодой мореход Хвостов подвел свое угловое судно к берегу этой таинственной, неизведанной земли, растянувшейся на 900 километров.

На западном берегу залива высились большие горы, вершины которых уже были покрыты снегом. Огромные утесы подступали к самому морю. У берега кипели буруны. Осторожно лавируя, Хвостов вел «Юнону» все дальше в глубь залива.

«Авось» нигде не было видно. Очевидно, Давыдов ушел в Петропавловск, не дождавшись Хвостова. Было бы безумием оставаться здесь в такое позднее время с крохотным суденышком, вполне оправдывавшим свое название.

Хвостов решил в одиночку выполнить возложенное на него задание.

В глубине залива лейтенант увидел удобную бухту, в которую впадала какая-то река. По обеим берегам реки стояли новые большие дома и амбары. В стороне стояли жалкие хижины из древесной коры, крытые соломой. Возле них толпились айны в рваных лохмотьях.

Хвостов приказал спустить шлюпку и отправился с группой своих спутников на берег. Несколько японских офицеров с саблями и купцов встретили русских враждебными криками, предлагая немедленно покинуть остров.

Хвостов через переводчика объяснил японцам, что он приехал расследовать, почему японцы вторглись на чужую землю и издеваются над природными жителями Сахалина. Отстранив рукой уцепившегося за него офицера, лейтенант смело шагнул к толпе айнов, которые выжидающе поглядывали то на японцев, то на русских.

Перед Хвостовым стояли, дрожа от страха, запуганные айны, потерявшие всякий человеческий облик. На многих были видны ужасные незаживавшие раны. Худые, изможденные лица были закрыты длинными грязными волосами. Одеты айны были в рваные тюленьи кожи. Один из спутников Хвостова, который часто бывал на Курильских островах, немного понимал речь айнов. Он, как мог, успокоил их и сказал, что русские не сделают им вреда.

Лейтенант вошел в один из шалашей. Тяжелый запах гниющих остатков рыбы ударил ему в нос. Посредине теплого очага. Вокруг него ползали грязные ребятишки. Их облизывали большие мохнатые собаки. В глубине прятались, закрывая лица, женщины. Хвостов успел заметить, что рты и брови их раскрашены синей краской.

Выйдя на свежий воздух, командир «Юноны» спросил через переводчика, кто у айнов старший. Вопрос этот вызвал смятение. Айны быстро и все сразу взволнованно заговорили. Видимо они опасались, что русские люди убьют их главу. Потом из толпы вышел длиннородый старик и трижды погладил себя обеими руками по лицу и груди, немного наклоняя при этом голову и пристально глядя в глаза Хвостову.

— Возьми четверых помощников и идем со мной — командовал лейтенант.

Старик потоптался на месте, но потом решился, вызвал из толпы четырех самых сильных айнов и боязливо побрел вместе с ними за Хвостовым. Хвостов подошел к японским офицерам, которые злобно наблюдали за его действиями.

— А ну, господа хорошие, покажите свои амбары.

Толстый купец, одетый в нарядный дорогой халат, тонко тонко взвизгнул, услышав от переводчика, чего хочет русский. Он долго кричал, размахивая руками, и грозился.

Тогда Хвостов приказал матросам самим открыть склады и пошел к ним, взяв за руку испуганного старика айна.

В больших амбарах были аккуратно уложены штабеля мешков с рисом, стояли большие бочки с японской водкой — саке, высились огромные груды сушеной, вяленой и копченой рыбы.

Хвостов вспомнил рассказы Крузенштерна о том, как издевались японские надсмотрщики над айнами, которые от зари до глубокой ночи ловили и обрабатывали рыбу для японцев и почти ничего за это не получали. Осмелевший старик что-то заговорил, показывая на груды сушеной рыбы. Переводчик сказал:

— Говорит, что это самая безделица, — то, что осталось от улова. 12 кораблей с рыбой ушло в Японию.

— Спроси у него, — а что они получили за это от японских купцов?

Старик удивленно замигал глазами. Этот вопрос ему был непонятен. Айны были довольны уже тем, что им разрешили воспользоваться частью улова для себя. В другой фактории японцы забрали у айнов все, что те добыли, и еще избili, когда они захотели взять немного рыбы себе.

Японский купец все время перебивал старика, набрасываясь на него с кулаками. Хвостов приказал матросам взять его за руки. Японские офицеры были уже обезоружены и находились под стражей.

Айны, сверкая глазами, смотрели на все происходящее со смешанным чувством удивления, ужаса и восхищения. Японский купец был здесь царем и богом. Ему ничего не стоило отрубить головы десятку айнов, если ему покажется, что они ропшут на него. И вот является откуда-то этот рослый светлолицый человек и владычеству толстого бога приходит конец.

Хвостов торжественно сказал старику, показывая на все богатства, лежавшие в амбаре:

— Теперь все это ваше. В вознаграждение трудов своих делите это добро между собой. А сейчас соберите сюда весь свой народ.

Промышленнику, который объяснялся со стариком на ломаном курильском языке, пришлось немало потрудиться, пока тот понял все сказанное ему и отпраздновал за людьми.

Обозленным японцам Хвостов строго объявил, что купцы и офицеры, совершавшие незаконные дела на чужой земле, должны быть наказаны. Он возьмет их с собой в Петро-

павловск и там их поступки будут разобраны по закону. Прочие же японцы, которые к военному и торговому званию не принадлежат, остаются свободными и могут уйти в другую факторию. Пусть идут и извещают прочих японских разбойников: приходил-де российского императорского флота лейтенант и кавалер Николай Александрович Хвостов и велел всем вам убраться отсюда на свои острова. А если останутся, — придет-де опять весной и поступит с охальниками по всей строгости закона.

Японцы с ужасом смотрели на сердитого лейтенанта и кивали головами:

— Никола Сандрееч, Никола Сандрееч...

Наконец айны собрались. Хвостов подошел к ним и дружелюбно похлопал по плечу старика, который немного присанился, начиная осознавать свое преимущество перед остальными. Все же время от времени он попрежнему опасно озирался на кучку японцев, стоящих в стороне. Хвостов сказал айнам короткую речь о том, чтобы они отныне не боялись японских злодеев и всегда встречали их, как врагов. Он принимает их под свое покровительство и обещает защищать. Все японские запасы и все их добро, найденное подлостью и принуждением, он отдает айнам задаром, чтобы помнили они русскую милость.

Айны сначала нерешительно потоптались на месте, а потом бросились к амбарам и начали растаскивать мешки с рисом и бочки с рыбой по своим шалашам. Толстый японский купец плевался и злобно визжал, размахивая кулаками. Впрочем достаточно было Хвостову взглянуть на него, чтобы он затих.

«Юнона» простояла в бухте Анива шесть дней. Все эти дни не прекращалось паломничество айнов к берегу. Они приходили издалека, чтобы посмотреть на корабль, который привез им доброго начальника. Многие приносили в подарок русским мореходам звериные шкуры, трубки искусной работы, свежую рыбу. Моряки усиленно работали, готовя свой корабль к трудному зимнему походу в Петропавловск.

Наконец, 12 октября все было готово. Хвостов пригласил в последний раз на «Юнону» старика, избранного старшиною, и группу наиболее уважаемых айнов. Решив документально оформить проделанную им операцию, он взял большой лист гербовой бумаги и аккуратно вывел:

«1806 года октября 12/24 Российский фрегат «Юнона» под начальством флота лейтенанта Хвостова, в знак принятия острова Сахалина и жителей оного под Всемилостивейшее покровительство Российского Императора Александра Первого старшине селения на западном берегу губы Анива пожаловал...»

Хвостов задумался и обвел взором свою каюту. Чтобы ему такое пожаловать? Что-нибудь из одежды? Износится... Эту бумагу? Нет, к ней надо добавить что-нибудь посоліднее. А, куда ни шло!.. Лейтенант сорвал с груди одну из медалей и спешно дописал:

«...пожаловал серебряную медаль на владимирской ленте. Всякое другое приходящее судно, как российское, так и иностранное, просим старшину сего принимать за российского подданного.

Российского флота лейтенант Хвостов.

У сего приложена герба фамилии моей печать».

Хвостов приложил к листу печать со своими инициалами, пририсовал внизу изображения военно-морского и национального флагов Российской империи и вручил этот лист старику. Потом он приколот ему к халату из тюленьей кожи медаль и дружески простился с айнами. В бухте он оставил десант из пяти матросов, которым приказал блюсти порядок.

В Петропавловск Хвостов добрался в начале зимы, когда в Авачинской губе уже плавал лед. Его радостно встретил Давыдов, который, как оказалось, уже несколько месяцев чинил свой утлый тендер. В Петропавловск он едва добрался. «Авось» был полуразбит, и люди на нем жестоко страдали от болезней.

Зиму друзья употребили на подготовку к новой экспедиции. Корабли были отремонтированы, команды обучены военному делу. Хвостов отправил морскому министру донесение о проделанной им операции. Четверо японцев, привезенных с Сахалина, содержались в полном достатке. Хвостов решил, что полугодичное пребывание их в плену является достаточным возмездием за их преступление, и решил вернуть японцев на родину.

4 мая 1807 года, когда Авачинская губа была еще открыта льдом, моряки «Юноны» и «Авось» прорубили канал и вышли в море. Они решили на этот раз осмотреть и описать острова Курильской гряды. Поэтому «Юнона» и

«Авось» разделились и шли по обе стороны гряды — справа и слева.

На берегах, к которым приставали шлюпки моряков, их тостеприимно встречали курильцы (айны). Многие из них знали русский язык, носили на шее кресты или иконки, зашитые в кожаные мешочки, и имели русские имена и фамилии. На острове Расшуа курильцы показали морякам покровительственную грамоту, выданную им от имени иркутского губернатора в царствование Екатерины II. Курильцы вели оживленную торговлю с русскими промышленниками и довольно часто бывали на Камчатке. Они заявили, что считают себя подданными России.

Еще в 1730 году Василий Шестаков с небольшим отрядом произвел опись пяти Курильских островов. 36 лет спустя на острове Уруп было основано первое русское зимовье. Тогда же охотский подштурман Афанасий Очередин доходил «до самого Матсмая». Отважные русские промышленники, зимовавшие на Урупе, били морских бобров, вели торги с курильцами и вывозили пушнину в далекий Якутск...

22 мая «Юнона» и «Авось» добрались до острова Итуруп и вошли в губу Найбо. Курильцы предупреждали Хвостова, что здесь недавно обосновались японцы. Захватив японцев врасплох, Хвостов взял четырех купцов в плен, раздал рыбу и соль курильцам, переименовал губу Найбо в «Доброе начало» и немедленно двинулся к другой фактории японцев, расположенной на этом же острове. Эта фактория была превращена японцами в крепость, и здесь молодых русских моряков ждало суровое испытание.

24 мая «Юнона» и «Авось» медленно входили в бухту, окруженную горами. Стояло тихое утро. В подзорную трубу Хвостов увидел редуты. Оттуда грозно торчали жерла орудий. На берегу все замерло в ожидании боя.

Сильно укрепленная позиция японцев не смутила Хвостова. «Юнона» и «Авось» медленно приближались к берегу. Японские батареи окутались тучами черного дыма. Раздался грохот, и ядра с шипением упали в воду, вздымая фонтаны воды.

Залп повторился. На берегу возникло какое-то движение. Осмелевшая японская пехота занимала новые позиции ближе к воде. Теперь к грохоту артиллерии добавилось жужжание пуль.

Русские моряки, набранные из опытных стрелков-промышленников, которые били белку в глаз и встречались

один на один с медведем, берегли порох и не спешили стрелять. Кто на шлюпках, кто в брод, по шею в воде, спешили они к берегу. И только здесь, устроившись поудобнее, моряки начали вести редкий, но расчетливый огонь.

Берег огласился воплями раненых. Но японцев было значительно больше, чем русских. На маленьких суденьшках команды были очень немногочисленны. Поэтому русским почти не удавалось продвинуться вперед.

Бой длился уже два часа. Люди устали. Хотелось пить. В воздухе стоял несмолкаемый грохот артиллерийской канонады. Горсточка русских успела занять лишь узкую полосу земли за камнями у самого моря. Положение их было критическое, — к японцам подходили подкрепления. Здесь же каждый человек от командиров до юнг был на счету.

Хвостов понимал, что ближайшие минуты решат исход всей экспедиции. Он бесстрашно выскочил из-за камней и, всклокоченный, в расстегнутом сюртуке, закопченный пороховым дымом, с криком:

— Коли басурмана! Ура!.. — первый бросился вперед.

Весь отряд матросов ринулся на японцев. Маленькие фигурки начали перебегать к фактории, растерянно стреляя в воздух.

Русские уже захватили крайний амбар и укрепились в нем, превратив его в блокгауз. Но в это время у них иссякли патроны. На землю спускалась ночь. Японцы, занявшие новую, более удобную позицию, продолжали вести огонь. Русские не досчитывались в своих рядах уже многих. Хвостов не хотел рисковать новыми потерями и потому отложил продолжение операции до утра, пока удастся доставить с кораблей боеприпасы.

К полуночи японцы перестали стрелять. Русские не спали, опасаясь коварного нападения. Едва забрезжил рассвет, моряки выслали разведку. Велико было удивление разведчиков, когда они нашли японские позиции пустыми. Ни в фактории, ни на редутах не было ни одного японца. Пушки, ядра, порох, ружья — все было брошено. Японцы бежали настолько поспешно, что не успели спасти свое снаряжение.

Хвостов подсчитал трофеи: два больших единорога, три мортиры, две пищали...

Русские долго искали курильцев, чтобы раздать им японское добро, но не нашли их. Видимо, испуганные канона-

дой, курильцы ушли в глубь острова. Не желая задерживаться, Хвостов сжег десять японских складов с товарами и вышел в море*.

Чтобы пополнить убыль в рядах экипажей «Юноны» и «Авось», Хвостов и Давыдов решили зайти к острову Уруп. Хвостов вспомнил, что на этом острове еще 12 лет назад основатель Российско-Американской компании Шелихов высадил 30 семейств промышленников под начальством помещанина Звездочетова. Они должны были завести здесь огороды, пашни, начать бобровый промысел. Часть семейств несколько лет назад вернулась на Камчатку, остальные же оставались на острове. Хвостов рассчитывал на их помощь.

К берегам Урупа корабли подошли 27 мая. На берегу было безлюдно. Моряки удивились: почему земляки их не встречают? Ведь сюда уж несколько лет не заходил ни один корабль. Хвостов поспешил на берег. Вдали виднелись какие-то полуразрушенные строения. Рядом с ними — провалившиеся могилы с дряхлыми крестами. Нигде ни души. Даже бывалым морякам стало не по себе.

— Ав! Крещеная душа, откликнись!..

Только эхо ответило на зов. Хвостов вошел в один из полуразвалившихся домиков. На ветхой деревянной лавке лежали кости человеческого скелета. Рядом лежала доска, на которой были нацарапаны какие-то слова. Хвостов с трудом прочел:

«До февраля 1803 года жили благополучно. Но с этого времени стали умирать. Первый умер Звездочетов...»

На этом надпись обрывалась.

Хвостов обнажил голову и несколько минут стоял молча. Затем он приказал предать останки неизвестного промышленника земле, и корабли продолжали свой путь.

Посоветовавшись с Давыдовым, Хвостов решил во что бы то ни стало завершить всю операцию, невзирая на значительную убыль в людях. «Юнона» и «Авось» смело направились в залив Анива на остров Сахалин. Русские моряки рассчитывали, что благодарные айны поддержат их в случае столкновения с японцами. Однако эта помощь не потребовалась, так как события сложились значительно благоприятнее, чем можно было ожидать.

* Как выяснилось впоследствии, начальник японского гарнизона Тода Матадаю, проигравший сражение, покончил с собой, сделав: хакари. Его советник Таката Риссаи бежал с острова.

11 июня корабли отдали якоря в заливе Анива. На берегу собралась огромная толпа айнов, которые держали в руках ивовые палочки с расщепленными концами — в знак любви и дружбы. Японцев нигде не было видно. Старик с медалью на владимирской ленте подошел к Хвостову, гордо выпятив грудь, и почтительно его приветствовал. Потом он сказал, что японцы не появлялись здесь с прошлого года и витиевато поблагодарил русских за то, что они не забывают бедных айнов.

Хвостов и Давыдов поспешили обследовать остальные селения, где Крузенштерн несколько лет назад видел японцев. И здесь они нашли заброшенные склады и пустые дома. Экспедиция русских моряков на двух крохотных суденышках так устрасила захватчиков, что они поспешили убраться во-свояси. Хвостов забрал в одной из брошенных факторий чугунные котлы, которые высоко ценились в Охотске, сжег брошенные постройки и дружески простился с айнами.

Экспедиция была закончена с честью. Сахалин и Курильские острова были освобождены от захватчиков. Теперь оставалось вернуть в Японию все еще находившихся на борту «Юноны» четырех японцев, взятых в плен в прошлом году на Сахалине, и четырех купцов из бухты «Доброе начало». Хвостов не хотел везти их в Охотск. И он смело взял курс на юг к берегам Японии, хотя этот новый шаг был чреват еще большими опасностями, нежели вся экспедиция.

На третий день плавания Давыдов заметил впереди четыре судна, державших курс на север. Он дал сигнал «Юноне» и смело пошел на перерез незнакомым кораблям. «Юнона» поспешила вслед за «Авось». Четыре корабля остановились. На палубах суетились японцы.

— Куда держите путь? — спросил Хвостов.

Японцы отказались отвечать. Тогда на борту «Юноны» изготовили к бою пушки, захваченные в японской крепости на острове Итуруп. Японцы приобрели дар речи и ответили, что они направляются в свои колонии на северных островах. Хвостов распорядился немедленно свезти всех японцев на «Юнону». На палубе небольшого судна стало тесно.

— Слаба у вас память, милостивые государи! — строго сказал Хвостов. — Посол его величества, камергер Резанов предупреждал ваши власти, что русскому правительству нежелательно видеть распространение японских владений

дальше северной оконечности Матсмая. Я в прошлом году любезно просил вас об этом. Что ж, придется вам теперь возвращаться домой без кораблей.

После того как с японских кораблей сняли все оружие и порох, их подожгли. «Юнона» и «Авось» благополучно продолжали свой путь и вскоре бросили якоря у берегов Японии.

Высадив на берег всех японцев, Хвостов объявил им:

— Во вражде и несогласии с нами подвергаетесь вы опасности от силы нашего оружия. В приязни же и согласии можете быть спокойны и ожидать знатных для себя выгод. Ежели вступите вы с нами в мирные и торговые обязательства, будет от того вашей стране великая польза. Так о сем предмете и поясните своим начальникам...

Уничтожив на берегу четыре военных казармы и несколько складов, Хвостов и Давыдов сочли свою миссию выполненной и 16 июля прибыли в Охотск. Они выгрузили на берег пищаль, две пушки, три мортиры, 58 ружей и другие трофеи.

Отважные моряки ждали радушной встречи. Они вышли победителями из труднейшей операции. Но получилось совсем иначе. Алчный и тупой чиновник Бухарин, командовавший в 1807 году Охотским портом, рассчитывал, что Хвостов и Давыдов привезут груды награбленного золота. Он надеялся нажиться на этой операции, думая, что русские моряки замарают свои руки мародерством.

Узнав же, что храбрые моряки предпочли раздать имущество захватчиков их рабам, Бухарин взбеленился. Он посадил Хвостова и Давыдова под арест, отобрав у них все, вплоть до одежды и обуви. Их не кормили, держали в изолированных холодных одиночных камерах. Бухарин объявил всем жителям Охотска, что Хвостов и Давыдов — государственные преступники и что экспедиция их была самовольной и незаконной. Камергер Резанов умер на обратном пути в столицу. Поэтому молодым морякам было трудно доказать, что они действовали в строгом соответствии с указаниями представителя правительства.

Поступок Бухарина вызвал всеобщее негодование. Моряки Охотского порта тайно связались с заключенными, подкупили стражу и помогли Хвостову и Давыдову бежать. Им дали два ружья и мешок сухарей.

Бежать!.. Легко сказать. Охотск отделен от ближайшего к нему города Якутска тысячами километров тайги, гор

и болот. Хвостов и Давыдов были истощены двухмесячным тюремным заключением. Приближалась зима. Гибель отважных моряков казалась неизбежной. И все же у них хватило сил добрести до Якутска.

Но мстительный Бухарин уже подготовил новую ловушку. Он поспешил послать властям Якутска тайное письмо:

— Задержать беглых злодеев и осмотреть — нет ли с ними золота...

Измученных, едва живых моряков снова хватают и сажают в тюрьму. Только вмешательство министерства морских дел изменило судьбу храбрых моряков, которым правители восточной окраины России заплатили черной неблагодарностью за их подвиг.

Хвостов и Давыдов нужны были министерству для новых баталей: в это время уже началась война с Швецией за Финляндию, и главнокомандующий финляндской армией граф Буксгевден требовал от министра морских дел Чичагова, чтобы ему прислали этих двух храбрых офицеров.

Не успев оправиться от пережитых потрясений, мужественные моряки Хвостов и Давыдов ринулись в новые битвы.

ТРИ ГОДА В ЯПОНСКОМ ПЛЕНУ

На море спускалась темная южная ночь. Последние лучи солнца скользнули по парусам красивого легкокрылого шлюпа и резная русская надпись «Диана» засверкала золотом на борту. Высокие горы на берегу неведомого залива окутались синеватой дымкой. За длинной песчаной косой смутно виделся поселок, раскинувшийся у самого берега.

— Обождем до утра, Петр Иванович. Нерозен час перепугаем на смерть супостатов, а?..

Суровое лицо командира «Дианы», 35-летнего капитан-лейтенанта Василия Головнина* всегда озарялось друже-

* Не одно место на географической карте мира названо именем этого отважного мореплавателя: в Беринговом проливе на американском берегу расположен залив Головнина; на Новой Земле высится гора Головнина; острова Райкок и Матуа далекой Курильской гряды разделяет пролив Головнина; наконец, близ мыса Лисбурна, этой крайней оконечности бывшей Русской Америки, имеется мыс Головнина.

Русские географы достойно оценили труды своего славного сооте-

ской улыбкой, когда он загваривал со своим товарищем и помощником Петром Рикордом. Их дружба завязалась и окрепла много лет назад, когда оба они, совсем молодые моряки, были посланы на выучку в британский флот, к знаменитому Нельсону. С тех пор они не расставались, деля пополам радости и горести военных битв и далеких походов.

Рикорд кивнул головой и деловито отдал приказ:

— На якорь становиться, паруса долой...

Приказ, как всегда, был исполнен молниеносно. Небольшая команда шлюпа приобрела прекрасную выучку за эти пять лет. С тех пор как «Диана» покинула кронштадтский рейд, уходя в кругосветное плавание, она беспрерывно находилась в движении. Сейчас Головнин заканчивал выполнение последнего поручения — опись Курильских островов, и все моряки предвкушали радость близкой встречи с родными. От острова Кунашир «Диана» должна была отправиться прямо в Охотск.

Капитан и его помощник любовались бархатным небом, на котором зажглись крупные звезды.

чественника — моряка, воина и исследователя, навеки запечатлев его имя на географических картах. Они как бы выполнили его завет — воздавать должное подлинным открывателям новых земель, а не сновным вельможам.

В век подхалимства и утонченной придворной лести Головнин откровенно писал: «Если бы нынешнему мореплавателю удалось сделать такие открытия, какие сделали Беринг и Чириков, то не токмо все мысы, острова и заливы американские получили бы фамилии князей и графов, но даже и по голым камням рассадил бы он всех министров и всю знать; и комплименты свои обнародовал бы, по всему свету. Ванкувер тысяче островов, мысов и проч., кои он видел, раздал имена всех знатных в Англии и знакомых своих, напоследок, не зная, как остальные назвать, стал им давать имена иностранных посланников в Лондоне, тогда бывших.

Беринг же, напротив того, открыв прекраснейшую гавань, назвал ее по имени своих судов «Петра» и «Павла»... купу довольно больших островов, кои ныне непременно получили бы имя какого-нибудь славного полководца или министра, назвал он Шумагина островами, потому что похоронил на них умершего у него матроса сего имени».

В этой откровенной и злой филиппике — весь Головнин, прямолинейный и немного грубоватый, мужественный и умный.

Его недолюбливали в высшем свете, но с ним считались, его ценили и уважали. Это был один из славнейших русских мореходов, не раз пересекавший на утлых парусных шлюпках просторы Атлантики, Индийского и Тихого океанов, участвовавший во многих морских сражениях и, наконец, посвятивший себя глубоким научным исследованиям.

— Ночь-то какова, Василий Михайлович!.. — сказал Рикорд. — Давно нас бог такой не баловал... Никак не уразумею мне странности сих мест. По широте быть здесь климату италийскому, а туманы стоят поважнее камчатских. Сказывают однако же, что в южных японских землях природа много добрее...

Погода действительно не баловала «Диану». Семнадцать дней блуждали они в густом плотном тумане, путаясь между островами Итурупом, Чикотаном и Кунаширом. До сих пор мореплаватели считали Кунашир полуостровом японской земли, которая называлась Иессо или Матсмай. Поэтому Хвостов и Давыдов во время своей экспедиции к острову Кунашир не подходили. Но вчера русские моряки заметили пролив и вошли в него.

Головнин был в очень хорошем настроении: судьба послала ему еще одно географическое открытие. К тому же он предполагал к утру пополнить запасы продовольствия закупками у японцев. Вчера растерянный кок доложил капитану, что проклятые крысы слопали более четырех пудов сухарей, около шести четвериков солода, а изгадили и того более.

Плавание «Дианы» чрезмерно затянулось. Сколько тягостных приключений пришлось пережить морякам шлюпа за эти годы!

В июле 1807 года, когда «Диана» покидала Кронштадт, никто не мог хотя бы приблизительно предугадать, как развернутся политические события. Ясно было одно: мир, подписанный Александром I и Наполеоном за месяц до этого в Тильзите, резко ухудшил взаимоотношения России и Англии. Вчерашние союзники могли завтра же стать врагами. А тогда одинокой «Диане», ушедшей в кругосветное плавание, пришлось бы очень круто при встрече с английской эскадрой.

Головнин решил как можно скорее уйти на запад. Остановившись в Портсмуте для пополнения запасов провизии и снаряжения, он на всякий случай выхлопотал у английского правительства особый паспорт, охраняющий неприкосновенность «Дианы», как судна, идущего в мирную научную экспедицию. Но Головнин слишком хорошо знал цену подобным документам, чтобы обольщаться, их значением. И, выйдя в море, он сразу же взял курс на юго-запад, к берегам Бразилии, намереваясь обогнуть мыс Горн, вый-

ти в Тихий океан и таким образом избежать встречи с англичанами.

На беду у мыса Горн «Диана» попала в жестокий ураган и обогнуть его не удалось. Скрепя сердце, Головнин повел «Диану» на восток, чтобы обогнуть Африку и затем пересечь Индийский и Тихий океаны.

Запасы провизии истощились, шлюп нуждался в ремонте. Головнину пришлось волей-неволей зайти в английский порт Саймонс-Бай на мысе Доброй Надежды. Какой горькой Ironией прозвучало название мыса, когда адмирал английской эскадры, стоявший в Саймонс-Бае, взял «Диану» в плен, объявив, что война между Англией и Россией уже началась.

Возникла долгая и нудная переписка с Лондоном. Русские моряки жили на положении пленников. Паруса «Дианы» были отвязаны. Остатки запасов провизии с шлюпа сняли. Рядом с «Дианой» стал адмиральский корабль. Чуть поопалать дежурили несколько фрегатов, готовых по первому сигналу ринуться в погоню за шлюпом, если он попытается бежать...

Так прошел год и двадцать пять дней. Русским морякам опостылел этот чужой порт, это чужое небо без Полярной звезды и Большой Медведицы, эта чужая речь. И только в хижине старого огородника, чудом занесенного на чужбину из России, они отводили душу, вполголоса распевая песни своей родины.

Но капитан «Дианы» не тратил времени зря. Выезжая на шлюпке в море, будто для прогулки, он изучал направление и силу господствующих ветров и вел сложные расчеты.

Темной ночью, 16 мая 1809 года, когда подул свежий норд-вест, моряки «Дианы» быстро и бесшумно подвзали шторм-стаксели, обрубили канаты, и «Диана» легко скользнула по воде.

Лил сильный дождь. Все небо было затянуто тучами. Все же на адмиральском корабле заметили, что «Диана» сдвинулась с места. Там послышались крики, поднялась суматоха...

Англичанам не удалось догнать беглецов, затерявшихся в бурном океане. Но до слзсения было еще далеко. Опасности подстерегали Головнина и его спутников на каждом шагу: их могли перехватить патрульные суда англичан, их мог погубить ураган, наконец, им угрожала голодная смерть: на корабле был очень небольшой запас продуктов.

Головнин в первый же день урезал выдачу продовольствия и осуществил безумно смелый маневр: он повел «Диану» туда, где меньше всего могли искать ее англичане — во льды Антарктики. Шлюп шел вдоль кромки льда. Полугодные, изыбшие моряки не роптали на своего командира — они ему верили.

Обогнув Австралию с юга, «Диана» нырнула в пролив, отделяющий Австралию от Новой Зеландии, обогнула с востока Ново-Гебридский архипелаг и помчалась на всех парусах к берегам Камчатки.

Только одну коротенькую остановку сделал на этом долгом пути осторожный Головнин. — он бросил якорь у затерянного в океане островка Тану, где со времен Кука не бывал ни один европеец.

23 сентября «Диана» подошла к Камчатке. Здесь Головнина ждало приятное известие: он был награжден сразу двумя орденами: орденом Георгия «за восемнадцать морских компаний» и орденом Владимира «за благополучное совершение многотрудного путешествия».

Головнину пришлось задержаться здесь: ему были поручены новые ответственные экспедиции.

Первое впечатление от Камчатки было безрадостным. С тоской в душе записывал Головнин в своем дневнике:

«Камчатка представляла нам картину, какой мы еще никогда не видывали: множество сопок и превысоких гор с соединяющими их хребтами были покрыты снегом, а под ними чернели вдали леса и равнины. Некоторые из вершин гор походили на башни, а другие имели вид ужасной величины шатров, что подало повод острякам из наших матросов сказать, что тут чорт лагерем расположился... Мысль была удачна. И в самом деле, я думаю, что Мильтон в своей поэме «Потерянный рай» не мог бы лучше уподобить военный стан сатаны, когда он вел войну против ангелов, как если б сравнил оный с камчатскими горами в осеннее время...»

И вот уже второй год моряки проводят в этой далекой стране. Хотя первоначальное мрачное представление о Камчатке рассеялось, и Головнин даже полюбил ее своеобразную и дикую красоту, но перед ним все чаще вставали картины иной природы. Как дорого он дал бы за то, чтобы взглянуть хоть на миг на родное село Гулинки, на мирные рязанские пейзажи...

— Василий Михайлович...

Капитан-лейтенант вздрогнул, словно пробудившись от воспоминаний. Его помощник указывал на берег. Там в гавани на двух мысах неожиданно вспыхнули большие огни. Костры горели ярким пламенем и розоватые отблески ложились на лица моряков.

— Что это — приветствие?

— Не думаю, Василий Михайлович, — процедил сквозь зубы осторожный помощник, — прикажите усилить караулы.

Однако ночь прошла спокойно. Утром «Диана» подняла паруса и тихо вошла в гавань. Головнин увидел в подозрительную трубу странные декорации: японская крепость, стоявшая на берегу, кругом была обвешана полосатой тканью так, что ни стен, ни палисада нельзя было увидеть. Местами между полосами ткани были поставлены щиты с нарисованными на них круглыми амбразами. Эти изображения были сделаны так грубо, что даже издали нельзя было принять их за настоящую батарею.

Внутри крепости были видны лишь некоторые строения, лепившиеся на косогоре. Среди них выделялось затейливое здание, увенчанное множеством флагов и флюгеров. На других зданиях также развевались цветные флажки, но числом поменее. Курилец Алексей, служивший на «Диане» переводчиком, пояснил, что по японским обычаям город всегда так украшается, если в порт прибывает чужое судно или приезжает важная особа.

— Гостеприимные люди, Петр Иванович, — улыбаясь, сказал Головнин.

— Взгляните вправо, господин командир, — ответил Рикорд.

Правее, высоко на горе, чернели пушки настоящей батареи. Возле них суетились люди. Мгновение, и батарея окуталась густым черным дымом. Раздался грохот, и раскаленные ядра с шипением упали в воду, не долетев до «Дианы».

— Странная метода приветствовать гостей, — пробормотал Головнин, в планы которого совсем не входила драка с японцами.

Но, может быть, эти выстрелы были даны ошибочно? Несколько часов спустя Головнин приказал спустить шлюпку, оставил на «Диане» своим заместителем Рикорда и сам направился к берегу, захватив с собой штурманского помощника Среднего, четырех гребцов и курильца Алексея.

Гребцы молодецки налегли на весла и через несколько минут шлюпка была в 50 саженах от берега. В это мгно-

венье снова раздался грохот артиллерийских залпов и ядра со свистом пронеслись над шлюпкой. Вода закипела вокруг от ударов.

— Назад! — воскликнул Головнин, и шлюпка быстро повернула к «Диане». На помощь уже спешили вооруженные гребные суда, заблаговременно спущенные на воду предусмотрительным Рикордом. Но, к счастью, японцы очень медленно заряжали свои пушки и плохо целились. Ни одно ядро в шлюпку так и не попало, хотя японцы стреляли в упор. Разозленные своей неудачей, японские артиллеристы продолжали вести огонь даже тогда, когда шлюпка вышла из зоны досягаемости их ядер.

Все же Головнин решил еще раз попытаться войти в мирные переговоры с японцами. Но как это сделать?

Утром 6 июля 1811 года русские моряки отвезли на середину залива бочку, разделенную перегородкой пополам. В одну половину поместили стакан с пресной водой, несколько поленьев дров и горсть риса — в знак того, что корабль нуждается в этих вещах. В другую половину бочки положили кусок алого сукна, несколько хрустальных изделий, бисер и испанские пиастры — это означало готовность щедро расплатиться за все, что будет приобретено у японцев. Сверху положили картинку, искусно нарисованную молодым мичманом немцем Муром. На картинке изображалась гавань, корабль, на котором весьма явственно обозначены пушки и японские батареи. С японских батарей градом сыпались ядра, летящие через шлюпку. Пушки русского корабля были изображены в бездействии. Рисунок служил упрямом японцам в их вероломстве.

Лишь только бочку оставили на воде, на берег выбежали японцы. Они проворно уселись в лодку, выехали на середину залива и забрали бочку. Потом все успокоилось. Завешенная полосатыми полотнищами крепость казалась совершенно безлюдной. Над заливом царила мертвая тишина.

Прошел еще день. Японцы не подавали никаких признаков жизни. Головнин заметил в стороне от крепости какой-то рыбацкий поселок и послал туда несколько вооруженных шлюпок под командой Рикорда. Он приказал своему помощнику взять в поселке нужное количество дров, воды и пшена и щедро расплатиться за все.

Рикорд нашел поселок обезлюдевшим. Он отыскал дрова, пшено, сушеную рыбу, забрал их и оставил богатую плату, значительно превосходившую стоимость взятых вещей. К ве-

черу на берег съездил сам Головнин. Поселок был попрежнему пуст. Однако все вещи, оставленные Рикордом, исчезли.

— Видимо, не желают иметь с нами никакого сношения, — мрачно сказал Головнин. — Ну, что ж, завтра наберем воды и уйдем отсюда.

Но события сложились иначе, чем предполагал капитан. 9 июля шлюпки «Дианы» подошли к берегу. Матросы начали брать пресную воду из речки, впадавшей в залив. Вдруг им представилось странное зрелище. Из крепости вышел заросший волосами курилец. Он нес в левой руке высоко поднятый крест и непрерывно крестился, трясясь от страха.

Матросы покатались со смеху:

— Дядя, что ты дрожишь?..

Бледный курилец бормотал что-то бессвязное, мешая русские слова с курильскими. К сожалению, переводчика на берегу не было, и моряки с трудом поняли лишь несколько фраз. Курилец говорил, что его зовут Кузьмой, что сам он с острова Расшуа, что японцы послали его как православного для переговоров, поскольку русские чтут крест. Кое-как моряки разобрали, что начальник города хочет встретиться с командиром русского судна в море на лодках. Головнин дал согласие и отпустил курильца, подарив ему нитку бисера.

Встреча с японским начальством состоялась утром 10 июля. После долгих переговоров с чиновниками, выехавшими на шлюпках встречать Головнина, русские моряки согласились выйти на берег, где их ждали начальники. Старший из них вышел навстречу Головнину, важно подбоченясь и широко расставляя ноги. Он церемонно заявил Головнину, что очень сожалеет о происшедшем и что японцы не обстреляли бы шлюп, если бы русские послали шлюпку навстречу лодке, якобы выехавшей из крепости.

— Вот гладко врет павлин окаянный! — шепнул Головнину один из спутников. — И птицу бы заметили, не то что лодку. День-то был ясный...

Головнин кивнул головой, с трудом скрывая усмешку, и в тон японскому начальнику дипломатично ответил:

— Прискорбно сие. Видимо, туман помешал нам заметить шлюпку вашу.

Японский начальник любезно благодарил русских за вещи, оставленные ими в обмен за пшено и рыбу, спрашивал,

что еще потребуется «Диане», и обещал все устроить как нельзя лучше. В конце концов, к удивлению Головнина, этот важный японец заявил, что он еще не самый главный начальник, — главный же начальник находится в крепости и очень хочет поговорить с Головниным.

На этом переговоры закончились. Вечером японцы привезли на «Диану» в подарок русским сто больших рыб. Они опять рассыпались в любезностях и повторили приглашение явиться к начальнику. После некоторых колебаний Головнин решил явиться в крепость, чтобы договориться обо всем с самым главным начальником и поскорее закончить торг.

11 июля Головнин в сопровождении мичмана Мура, штурмана Хлебникова, курильщика-переводчика Алексея и четырех гребцов — Симонова, Макарова, Шкаева и Васильева покинул «Диану» и высадился на берег. Он не подозревал в эту минуту, как надолго расстанется с родным кораблем.

Оставшись на «Диане», Петр Рикорд пристально наблюдал в подзорную трубу за всем происходившим на берегу. Он видел, как японские чиновники церемонно приветствовали русского капитана, как повели они его в крепость, вежливо указывая путь. Вслед за Головниным шли его спутники. Потом на берегу все утихло. Полосатые декорации японцев скрыли от Рикорда происходившее в крепости.

Помощник капитана распорядился начать уборку на корабле, чтобы все было в образцовом порядке — на случай, если с Головниным приедут в гости японцы. Вдруг около полудня с берега донесся грохот выстрелов. Послышались крики. Из ворот крепости к русской шлюпке помчалась огромная толпа. Расхватывая мачты, паруса, весла, японцы разбежались так же быстро, как и появились. Рикорд видел, как японцы подняли на плечи гребца, находившегося при шлюпке, и бегом унесли его в крепость. Все это произошло буквально молниеносно, и сразу же снова воцарилась мертвая тишина.

Не теряя ни минуты, Рикорд приказал сняться с якоря и подойти как можно ближе к крепости, дабы устрашить японцев и заставить их вернуть Головнина и его спутников на корабль. Но вскоре глубина уменьшилась до двух с половиной сажений, и «Диана» вынуждена была остановиться. В этот момент японские пушки открыли огонь по кораблю. Рикорд скомандовал своим артиллеристам, которые стояли уже у орудий с зажженными фитилями:

— Огонь!

Борт корабля опоясался огненными языками и клубами дыма. Ядра со свистом и воем понеслись на врага. Около 170 выстрелов сделала «Диана». Японская батарея, первой открывшая огонь, была сравнена с землей. Японцы не успели нанести шлюпу ни одного повреждения. Но все это не могло утешить Рикорда. Его любимый друг и начальник вместе со своими спутниками оставался в руках у коварных и мстительных врагов. И кто знал, какая участь их ожидала!..

Матросы «Дианы» просили у Рикорда разрешения немедленно высадиться на берег и атаковать японцев. Но Рикорд не мог этого разрешить при всем желании немедленно вырвать из плена своих друзей. Против большой укрепленной крепости он мог бы выставить всего 50 моряков. Пока они находились бы на берегу, коварные японцы легко могли предать огню оставшийся без защиты корабль. Тогда вся экспедиция обрекалась на гибель, и в России даже не узнали бы о ее судьбе.

Призвав своих подчиненных к благоразумию и хладнокровию, Рикорд отвел свой корабль на рейд. Он решил немедленно уйти в Охотск, чтобы донести правительству о неслыханном вероломстве японцев и затем принять энергичные меры для освобождения Головнина и его спутников. Другого выхода не было.

Вскоре «Диана» оставила залив Измены, по справедливости названный так офицерами корабля, и пошла напрямик в Охотск, сквозь густые туманы, преграждавшие ей путь.

*
*
*

Что же произошло в крепости, столь тщательно укрытой полосатыми декорациями? Гостеприимно приглашенные японцами в крепость русские моряки изумились множеству встречаемых их людей. Вокруг площади сидели сотни солдат с ружьями, стрелами и копьями. В глубине стояла полосатая палатка, окруженная огромной толпой вооруженных курильцев. Головнин не предполагал, что в тесной крепости может помещаться так много войск. Видимо, пока шли переговоры, сюда стянули армию со всех окрестных мест.

Гостей ввели в палатку. Против входа на стуле сидел главный японский начальник с двумя саблями за поясом. Кроме того, оруженосцы держали его копье, ружье и шлем. Через плечо у начальника висел длинный шелковый шнур, прикрепленный к стальному жезлу, который он держал

в руках. Его окружал целый сонм чиновников, так же вооруженных до зубов и закованных в латы. Головнину стало немного не по себе. Но он изобразил на лице любезную улыбку и легко вел непринужденную беседу с начальником, который учтиво потчевал гостей чаем. Как бы мимоходом японец полюбопытствовал о количестве русских моряков на корабле. Головнин на всякий случай удвоил цифру: Потом японец спросил, много ли у русских в здешних морях таких кораблей, как «Диана»? Головнин небрежно сказал:

— Конечно, много! В Охотске, на Камчатке и в Америке — целые эскадры русских кораблей...

Японцы переглянулись и снова заговорили о пустяках. Мичман Мур, нагнувшись к Головнину, тревожно шепнул:

— Солдатам на площади раздадут сабли...

В это время вошел японский чиновник и что-то доложил начальнику. Тот встал и хотел уйти. Русские тоже поднялись и начали прощаться. Видя, что уйти не удастся, японец опять уселся и вежливо пригласил русских пообедать с ним, хотя время было очень раннее.

Головнин уже понял, что его поймали в ловушку. Чтобы поскорее кончить комедию, Головнин встал и сказал, что у него нет времени дожидаться обеда и что ему пора возвращаться на корабль. Тогда японец ухватился за саблю и что-то закричал. Побледневший переводчик сказал, что японский начальник требует оставить русских заложников до получения ответа из столицы на его донесение.

Головнин и его спутники бросились к выходу из крепости, расталкивая японцев. Не решаясь подступиться к русским, японские солдаты бросали им под ноги поленья, весла и стреляли в них из ружей. К счастью, им не удалось попасть ни в одного из русских моряков. Головнин и его товарищи уже были близки к берегу. Но в этот момент они с ужасом заметили, что начавшийся морской отлив оставил шлюпку на суше — саженьх в пяти от воды. Японцы уже хозяйничали на ней. Набросившись на безоружных моряков с торжествующим криком, солдаты схватили их и поволокли обратно в крепость.

Здесь японцы начали проворно вязать пленников сначала веревками, а затем вдобавок тонким шпагатом. Через несколько минут русские моряки не могли шевельнуть ни рукой, ни ногой. Их оплетали целые сети хитроумных узлов. Вокруг груди и около шеи каждого пленника были затянуты петли. Локти почти сходились за спиной, кисти рук были

связаны вместе, и конвоир держался за веревку. При первой же попытке к бегству петля вокруг шеи затянулась бы, а руки в локтях стали бы ломаться с ужасной болью. Но японцам и этого было мало. Они поспешили связать пленникам и ноги. Только после этого солдаты немного успокоились и начали обыскивать русских.

Отобрав у Головнина и его спутников все, что было у них в карманах, довольные японцы уселись на корточках и стали спокойно курить трубки. Часа через полтора они немного ослабили веревки на ногах пленников и повели их под усиленным конвоем куда-то прочь от крепости. Поднявшись на высокую гору, пленники увидели «Диану», которая вела храбрый артиллерийский поединок с японской крепостью. Штурман Хлебников сказал командиру дрогнувшим голосом:

— Василий Михайлович, взгляните последний раз на «Диану»!..

Японцы торопили пленных, с опаской оглядываясь на русский корабль. Головнин был связан особенно туго. Пройдя шесть или семь верст, он стал задыхаться. Лицо его опухло и почернело. Он хрипел и знаками просил ослабить веревку вокруг шеи. Но японцы, напуганные канонадой, зло кричали на капитана и гнали пленников вперед. Потеряв силы, капитан упал в обморок, изо рта у него пошла кровь. Хлебников, плача, упрашивал японцев ослабить веревки, которыми был связан Головнин. Японцы упрямо толкали капитана, пытаясь заставить его подняться. Но Головнин встать не мог. Только тогда японцы крайне неохотно ослабили петлю вокруг шеи капитана и, схватив его под руки, потащили вперед.

Грохот канонады утих. Пленники мучились неизвестностью, раздумывая об исходе битвы. Японцы повеселели, получив какие-то записочки из крепости. Что случилось? Неужели «Диана» погибла? Головнин видел, какие большие военные силы японцы сосредоточили в крепости, и допускал такую возможность.

Вскоре пленников пригнали на берег пролива и заперли в каком-то сарае, привязав, как собак, к железным скобам, вколотенным в стены. Не довольствуясь этим, японцы разули русских и жестоко скрутили им в нескольких местах ноги. Но даже и теперь они боялись, что русские убегут. Возле пленников был поставлен усиленный караул, и японцы

каждые четверть часа проверяли, не ослаблены ли веревки, которыми были связаны русские.

Около полуночи японцы принесли деревянные носилки и поодиночке перетаскивали связанных по рукам и ногам пленников в большую лодку. Закрыв их рогожами, солдаты отчалили от берега. Они не обращали ни малейшего внимания на стоны измученных моряков, у которых на руках и на ногах открылись раны от жестких веревок. Один из конвоиров, сидевший на весле, беспрестанно пел песни и зло передразнивал жалобные крики пленных.

Наконец, на рассвете лодки причалили к какой-то земле. Связанных пленников перетаскивали в другие лодки — размером немного поменьше. Эти лодки курильцы тянули бичевой вдоль берега. Двигались они безостановочно двое суток; люди, тянувшие бичеву, сменялись в пути. У Головнина и его спутников давно уже онемели руки и ноги. Пленники не спали и не ели. Японцы с утонченным лицемерием приставили к ним специальных работников, которые ветками отгоняли от них мух, но ни за что не соглашались хоть немного ослабить веревки. Когда у матроса Васильева фонтаном хлынула кровь из носу, японцы усердно затыкали ему нос хлопчатой бумагой, пока он весь не был залит кровью. Только тогда на шею Васильева слегка ослабили петлю.

13 июля лодки неожиданно выгнали на берег. Головнин устало приподнял голову. Он увидел совсем другую землю, не похожую на Кунашир. Прекрасное синее небо открылось его взорам. Горизонт был чист от туманов. На горе виднелся небольшой лесок. У берега стояли шалаши курильцев.

Вдруг раздались какие-то крики. Японские солдаты выгоняли курильцев из их хижин и заставляли их тащить огромные лодки куда-то на гору. Важно восседая на лодках, солдаты свирепо подгоняли выбивавшихся из сил рабов. Курильцы покорно тянули лодки, вырубая кустарник на пути. Замысел японцев Головнин разгадал только тогда, когда увидел за перевалом серебристую речку. Курильцы сволокли лодки вниз и спустили их на воду.

Долго продолжалось это мучительное путешествие. Связанных пленников везли на лодках по реке, потом гнали пешком, ведя на бичевках, как скот. Когда русские падали от усталости, японцы привязывали их к доскам, и заставляли курильцев нести пленников на руках. Головнин и его спутники теряли остатки сил. Раны, растертые веревками,

гноились. Люди падали от истощения. В селениях, которые встречались на пути, пленников разглядывали огромные толпы зевак. Многие крестьяне смотрели на них с соболезнованием и даже пытались передать им пищу. Но конвоиры отгоняли добросердечных крестьян от пленников.

Наконец, 8 августа путники увидели вдали какой-то город. Конвойные начали прихорашиваться. Они надели новые латы, военные шляпы. Головнин часто улавливал в их речи слово «Хакодате». Он вспомнил, что так называется крупный японский порт, расположенный на острове Матсмай, и догадался, куда привели их солдаты.

Из города высыпала огромная толпа людей. Многие разряженные горожане сидели верхом на лошадях. По обеим сторонам улиц толпились тысячи зевак. Конвойные с трудом освобождали дорогу. Торжественно проведя пленников по главной улице, конвойные свернули в какой-то переулок и вышли опять в поле.

— А вот и наше жилье, Василий Михайлович! — сказал капитану штурман Хлебников.

Головнин поднял голову и побледнел: в стороне от города на возвышенном месте стоял мрачный сарай с длинной кровлей, похожей на крышку гроба. Сарай был обнесен высокой деревянной стеной с железными рогатками. Вокруг стены высился земляной вал, обвешанный такой же полосатой тканью, какую русские видели в Кунашире. У ворот стоял караульный дом. Вдоль дороги были расставлены, на расстоянии двух сажен друг от друга, часовые, вооруженные ружьями, стрелами и копьями.

— Попробуй выбраться отсюда...

Головнин безнадежно покачал головой.

Какой-то чиновник принял пленных по списку и приказал ввести их во двор. Головнин увидел темный сарай, в котором стояли клетки наподобие птичьих, сделанные из толстых брусьев. Японцы отперли клетки и загнали в каждую из них по одному пленнику. Вечером Головнину сунули в клетку бумажное одеяло и грязный, замаранный нечистотами халат.

Всю ночь вокруг тюрьмы ходили караулы. Стучали трещотки. Солдаты внутреннего караула регулярно заходили с огнем в сарай и смотрели, что делают пленники. Головнин долго не мог заснуть, мучительно обдумывая, как бежать из этого ада.

К этому времени «Диана» уже пришла в Охотск, и неустойчивый Петр Рикорд поскакал верхом на коне в Иркутск. Он был готов, если понадобится, скакать до самого Петербурга, чтобы добиться разрешения на военную кампанию у японских берегов.

Как, в сущности, нелепо спутало все планы друзей это неожиданное происшествие в заливе Измены! Думал ли Рикорд о таком печальном и торопливом возвращении?

Предполагалось, что командиры «Дианы», закончив опись Курильских островов, спокойно подведут итоги своих научных изысканий, вычертят новые карты Сахалинского моря, займутся подготовкой к печати работ о беспримерных плаваниях «Дианы».

Ученый мир с интересом ждал их опубликования. Головин и Рикорд зарекомендовали себя, как достойные, опытные навигаторы и прекрасные наблюдатели. И хотя они не получили специальной научной подготовки, им удалось собрать ценнейшие сведения, относящиеся не только к мореплаванию.

В дневниках капитана «Дианы» и его заместителя были собраны подробные записи о жизни и быте жителей Бразилии и Ново-Гейбридских островов, Камчатки, Северо-Западной Америки, Татарского берега * и Курильских островов.

Урывая редкие часы свободного времени, Головин уже написал большой труд «Замечания о Камчатке и русской Америке в 1809—1811 годах». Он читал отдельные главы этой книги своему помощнику, и Рикорд с восхищением отметил, что произведение это отражает замечательную наблюдательность и острый ум его друга и начальника. Но когда теперь удастся издать эту книгу? И сможет ли капитан «Дианы» вернуться к научной работе вообще?..

Незадолго до плена Головин развивал перед Рикордом большие планы. Он собирался по возвращении в Петербург написать еще две большие книги — о кругосветном плавании «Дианы» и о Курильских островах. За эти годы Головин стал патриотом заброшенной восточной окраины России. Посетив колонии Российско-Американской компании, он убедился, как велики возможности для созидательной работы на этом пустынном, но богатом американском мате-

* Так в те времена именовали побережье Татарского пролива от устья Амура и далее к югу.

рике. Правда, Российско-Американская компания была еще слаба, ее дела велись плохо и неумело. Но ведь все это дело поправимое. Головнин собирался хлопотать в Петербурге о расширении и укреплении российских колоний в Америке.

И вдруг такой неожиданный крах всех планов и мечтаний... Рикорд не щадил себя, торопясь выучить друзей из плена. Несколько лет спустя он так описывал это труднейшее путешествие:

*«Мне надлежало в ояду зиму успеть совершить предполагаемую в Санкт-Петербург и обратно в Охотск поездку. И потому принужден я был, не теряя времени в ожидании зимнего пути в Якутске (куда я приехал в исходе сентября), ехать опять верхом до самого Иркутска, что мне удалось исполнить в 36 дней. Всего расстояния проехал я верхом 3000 верст. Я должен признаться, что сия сухопутная кампания была для меня самая труднейшая из всех совершенных мною: вертикальная тряска верховой езды для моряка привыкшего носиться по плавным морским волнам, мучительнее всего на свете. Имея в виду поспешность, я иногда отваживался проезжать две большие в сутки станции, по 45 верст каждая; но тогда уже не оставалось во мне ни одного сустава без величайшего расслабления; самые даже челюсти отказывались исполнять свою должность; сверх сего осенний путь от Якутска до Иркутска, возможный только для верховой езды, есть самый опаснейший. Большею частью езда совершается по тропам на крутых косогорах, составляющих берега реки Лены. Во многих местах протекающие с их вершин источники замерзают выпуклым весьма скользким льдом, называемым ленскими жителями накипень, и, как якутские лошади вообще не подковываются, то всегда почти, переезжая через лед, падают. Однажды я, недосмотрев такого опасного накипеня и ехавши довольно скоро, упал с лошади и покатился с нею по косогору и заплатил за неосмотрительность повреждением одной ноги. Разделавшись столь дешево, я благодарил providение, что не сломил себе шею. Советую всем, кого нужда заставит ехать по сей ледовитой дороге верхом, не задумываться, ибо тамошние лошади имеют дурную привычку забираться вверх по косогору, и, наехав тогда при такой крутизне на накипень, нельзя ручаться, в случае падения вместе с лошадыю, за сохранение глубокими мыслями наполненной головы...»**

* «Записки флота капитана Рикорда о плавании к Японским островам», СПб, 1816.

Иркутский губернатор встретил Петра Рикорда весьма холодно. Он, конечно, был очень огорчен полученным известием, но не преминул заметить, что сейчас Россию волнуют иные, более значительные события.

Тучи сгустились на западе. Звезда неустрашимого полководца Наполеона стояла в самом зените. Он уже покорил почти всю Европу, и его полки стояли в Варшавском герцогстве. Пруссия и Австрия переметнулись в лагерь Наполеона и отдали ему свои армии... Россия лихорадочно укрепляла Ригу. Строилась новая крепость в Бобруйске. Шли мобилизации. Русские армии вплотную сходились с армиями Наполеона у западной границы. Со дня на день можно было ждать объявления войны. Кто станет думать в такой момент в Петербурге о кучке русских, захваченных в плен японцами?

Получив донесение из Охотска о печальном происшествии у берегов Кунашира, губернатор сразу же отправил его по начальству с просьбой разрешить военную экспедицию в Японию для выручки Головнина и прочих участников бедствия. Но он не надеялся на благоприятное решение вопроса и не советовал Рикорду ехать в Петербург.

Рикорд был удручен полученными известиями. Он понял, что в такой обстановке в Петербурге будет трудно добиться толку. Видимо, японцы были хорошо наслышаны о европейских делах от своих друзей — голландских купцов и именно поэтому решились на столь дерзкую акцию. Стало быть, нужно было изыскивать какие-то иные пути для спасения друзей...

Как и следовало ожидать, Петербург склонил ходатайство иркутского губернатора. Рикорду было разрешено лишь продлить летом 1812 года незаконченную опись Курильских островов и под этим предлогом подойти к острову Кунашир, чтобы проведать об участии плененных соотечественников.

Получив это разрешение, Рикорд немного воспрянул духом. Он решил взять с собой группу японцев, потерпевших кораблекрушение у берегов Камчатки, и попытаться обменять русских пленников на этих японцев. По счастливой случайности количество тех и других совпадало.

Рикорд поспешил в Охотск. До Якутска он добрался на саях по льду Лены. Отсюда ему пришлось передвигаться дальше верхом на оленях: на горах лежал глубокий снег и ехать на лошадях было невозможно.

Прибыв в Охотск, Рикорд̄ рассказал своим товарищам о результатах переговоров в Иркутске и с удвоенной энергией начал готовиться к походу.

Команда «Дианы» уже готовила корабль к выходу в море. Невзирая на огромные трудности суровой сибирской зимы, отважным морякам удалось привести «Диану» в отличное состояние. Начальник Охотского порта капитан Миницкий, друживший с Головинным и Рикордом еще со времени совместной службы в английском флоте, ревностно помогал во всем команде «Дианы». На свой риск и страх он даже отдал в распоряжение Рикорда свой небольшой бриг «Зотик», который должен был отправиться к берегам Кунашира вместе с «Дианой».

* *

*

Головин и его спутники были в полном неведении о судьбе «Дианы». Дни в заключении тянулись медленно и тягостно. Японцы часто водили пленников на допрос к местному начальству, стараясь выведать у них возможно больше сведений о Российском государстве. Головин все больше убеждался в том, насколько внимательно и дотошно изучают японцы все, относящееся к России. Они интересовались даже самыми ничтожными мелочами. На одном из допросов Головина, например, спросили:

— Помнитесь, к нам приезжал русский Лаксман. У него была длинная коса и большие волосы на голове, в которые он сыпал много муки. У вас волосы острижены. Не изменился ли закон в России?

Головин рассмеялся и сказал, что русские законы не устанавливают моды причесок. Японцы с серьезным видом записали его ответ. Потом они спросили капитана, из каких городов происходят пленники и почему они служат на одном корабле, будучи родом из разных мест.

— Мы служим не своим городам, а своему отечеству,— заявил Головин.

И этот ответ был также тщательно записан.

Головин видел, что чиновники приносят с собой целые кипы каких-то бумаг. Ему удалось узнать, что это различные записи о России. Часть из них была сделана японцами, которые потерпели кораблекрушение у российских берегов, побывали в России и потом были возвращены великодушными русскими моряками на родину. Многие записи

были составлены во время пребывания посольств Лаксмана и Резанова в Японии.

Командир «Дианы» мельком видел в руках у японцев точные рисунки, изображавшие русские корабли, которые посетили Японию, а также зарисовки, сделанные японцами в российских городах. Однажды ему показали медную дощечку, оставленную Хвостовым во время своей экспедиции на одном из островов. На дощечке была русская надпись:

«Здесь был российский фрегат «Юнона» и назвал это селение селением Сомнения».

Головнин прочел надпись, но переводчик так и не смог ее перевести к великому огорчению японских чиновников. Японцы никак не могли понять, что такое сомнение, что значит селение Сомнения, в чем состояло сомнение русских и почему они назвали так селение. В конце концов, чиновники решили, что Головнин хочет утаить от них истинный смысл надписи, который они считали очень важным, и озлобились на него.

Впоследствии русским удалось узнать, что японские власти добывают у голландцев — единственных европейцев, с которыми они ведут торговлю, — книги о России, выходящие в Европе. Головнин видел книги, переводами с которых пользовались японцы. Это были труды весьма сомнительного свойства: хвастливое писание беглого польского ссыльного Бениовского о бунте, учиненном им в 1771 году на Камчатке, повествование о нападении русских и английских войск на Голландию в 1799 году и землеописание Российской империи, составленное на основании каких-то древнейших источников. Головнин опровергал почти каждую страницу этого устарелого землеописания, говоря, что написанное справедливо лишь в отношении прадедов русских. Но японцы отказывались верить, чтобы жизнь целого народа могла так сильно измениться в столь короткое время.

Чиновники, допрашивавшие Головнина и его спутников, очень интересовались, как употреблены в России увезенные в 1807 году японские орудия и ружья, спрашивали, где сейчас находятся «Никола Сандрееч» и «Гаврило Иваноч». Очевидно экспедиция, совершенная Хвостовым и Давыдовым, была еще хорошо памятна японцам.

Головнину не хотелось сообщать японцам, что Хвостов и Давыдов два года тому назад трагически погибли в Санкт-Петербурге, и он делал вид, что не понимает, кто такие «Никола Сандрееч» и «Гаврило Иваноч». Японцы не верили. Тогда Головнин резко говорил им:

— Неужели вы можете воображать, чтобы такой мало-значущий клочок земли, какова Япония, которого и существование не всем европейцам известно, мог обращать на себя внимание просвещеннейших народов до такой степени, что каждый человек должен знать о всех подробностях, как на некоторые ваши селения нападают два незначущие суднишка?.. *

Японцы не обижались на капитана и вежливо смеялись. Это бесило его еще больше. Усердные чиновники с удивительным терпением вели допрос. Каждый из своих вопросов они повторяли по два-три раза. Иногда какая-нибудь мысль занимала их по часу или больше. Когда Головнин упорно уклонялся от ответа, они не показывали виду, что это их волнует, и переходили к мелким незначущим вопросам. Потом внезапно, как бы невзначай, японские следователи снова возвращались к интересующей их теме, пытаясь застигнуть капитана врасплох.

Допросы продолжались с утра до вечера с перерывом на обед. Пленники очень уставали. Обращались с ними по-прежнему очень жестоко. Когда один из спутников Головнина заболел, японский лекарь любезно осведомился, чем кормят русских больных. Ему рассказали, что в России для больных готовят куриный бульон. Лекарь добросовестно расспросил, как готовят этот бульон, все записал и в конце концов объявил:

— Пусть ваш больной ест больше похлебки из редьки! Это ему поможет...

Горькая похлебка из редьки и без того опротивела пленникам.

Время тянулось медленно. Энергичная натура Головнина не мирилась с бездействием. Он старался употребить это время с пользой: заводил разговоры через переводчика с караульными, расспрашивал их о том, чем они питаются, каким богам молятся, на каких зверей охотятся, как ткнут ткани, как учат детей.

* «Записки флота капитана В. М. Головнина в плену у японцев в 1811, 1812, 1813 годах, СПб, 1816.

Чтобы лучше запомнить все подробности жизни в плену, Головнин придумал любопытнейший способ вести дневник — на нитках. Выщипывая нитки из холста, он связывал их. Каждый узелок означал день. Если в этот день происходило какое-нибудь более или менее приятное событие, — он вплетал в узелок белую нить, если горестное — черную. Если же случилось что-либо, достойное замечания, но такое, что не могло ни огорчить, ни обрадовать моряков, — в узелок вязывалась зеленая шелковинка.

Перебирая время от времени узелки, Головнин восстанавливал в памяти хронологию событий и запоминал историю плена. Впоследствии этот «дневник» помог ему составить замечательную книгу, не утратившую интереса и в наши дни.

Так прошло 50 дней. Наконец, японцы объявили Головнину, что пленные по приказу высшего начальства переводятся в город Матсмай. Началось паломничество чиновников в тюрьму. Они учтиво прощались с русскими, лицемерно передавали через переводчика, что желают им здоровья, благополучного пути и счастливого окончания дела. Тут же солдаты связали пленников и потащили их на веревках, как собак...

День был ясный и теплый. Пленников опять провели по всем улицам города, показывая толпам зевак.

Четыре дня спустя, связанных моряков ввели с теми же «церемониями» в Матсмай. Их долго гоняли по улицам и площадям, показывая жителям Матсмая и, наконец, отвели в здание новой, только что отстроенной тюрьмы. На полу еще валялись стружки.

Новая тюрьма выглядела точно так же, как и хакодатская, с той разницей, что здесь клетки были сделаны еще менее удобно. Одна из них имела в длину и ширину по шести шагов, другая — при той же ширине была на два шага длиннее. В первую клетку впихнули Головнина, Мура и Хлебникова, во вторую — четырех матросов и курильца-переводчика. Вход в клетки был сделан так неудобно, что пленники вынуждены были вползать в них. Над крохотными дверцами, запертыми толстым железным запором, была дыра, в которую японцы совали пищу. Смежные стены клеток были обшиты досками, чтобы матросы и офицеры не могли видеть друг друга.

Снова начались допросы. Теперь русских допрашивал сам губернатор. Для устрашения пленников в судебном зале были аккуратно разложены кандалы, веревки, разные орудия пыток. Допрос велся с прежней методичностью и тщательностью. В один из дней чиновник показал Головнину связку из 12 ключей, отобранных у него при аресте, и вежливо спросил:

— Расскажите нам подробно, что у вас в каждом сундуке и за каждым замком спрятано?

Головнин показал на рубашку. Чиновник тотчас же вежливо спросил:

— Сколько их там?

— Не знаю. Это знает мой слуга, — с сердцем отвечал капитан.

— Слуга? А сколько у вас слуг? Как их зовут? Сколько лет вашим слугам?

Потеряв всякое терпение, Головнин закричал:

— Ни вещей, ни слуг моих нет здесь! Они в России. Зачем вам знать все?

Тогда вмешался губернатор и медовым голосом сказал:

— Не сердитесь на наше любопытство! Мы не принуждаем вас к ответам. Мы спрашиваем вас, как друзей.

Головнин замолчал. Допрос продолжался. Японцы нарочно запутывали, утомляли русских, чтобы под конец добиться от них ответа на серьезные вопросы. Головнин заметил, что чиновники исподволь повторяют те же вопросы, какие задавали им в Хакодате. Очевидно, это делалось для того, чтобы сличить правильность ответов. Но моряки хорошо заучили ложные цифры о вооружениях России, которые они сообщали в Хакодате, и теперь слово в слово повторяли те же небылицы о грозных крепостях на берегу Охотского моря, о многочисленных эскадрах, которые, якобы, стоят в Охотске и Петропавловске, о грозных силах пехоты в Приморье и прочем.

Близилась весна 1812 года. Некоторые из пленников, особенно мичман Мур, пали духом. А тут еще не к стати курилец Алексей, служивший переводчиком, рассказал русским одну из страшных историй о вероломстве японцев. Алексей говорил, что раньше остров Иессо, или Матсмай, принадлежал курильцам. Японцы много лет воевали с ними, но покорить не могли. И вот они пошли на хитрость,

предложив курильцам вечный мир и дружбу. Курильцы с большой радостью приняли это предложение. Тогда японцы построили большой дом, пригласили в него сорок курильских старшин и храбрейших ратников, чтобы отпраздновать заключение мира, и напоили их вином. Потом японские офицеры, притворяясь пьяными, вышли из дому и заперли двери. Внезапно открылись дыры в потолке и стенах, и японцы перебили копьями пьяных гостей. Они отрубили мертвым курильцам головы, засолили их в кадке и отправили в столицу, как трофей.

Этот жуткий рассказ произвел сильное впечатление на Мура. Он и раньше держался в стороне от остальных пленников, а сейчас стал с необычайной почтительностью относиться к японцам, перенимая их обычаи и обряды. Это еще больше осложнило положение пленников, которые замыслили побег из тюрьмы. Теперь им надо было опасаться не только японцев, но и своего человека...

В марте к пленникам явился какой-то развязный японец, представившийся им через переводчика как землемер и астроном по имени Мамия Ринсо. Сопровождавшие его чиновники сказали, что Мамия Ринсо привез русским, по поручению правительства, противоцынготные средства. Действительно, он передал пленникам два штофа лимонного сока, несколько десятков апельсинов, немного какой-то сушеной травы, которую японцы рекомендовали класть в речечную похлебку. Но вскоре Головнин понял, что этот японец явился неспроста. Гостинцы должны были задобрить русских мореходов и понудить их учить японцев навигационным наукам.

Мамия Ринсо не замедлил притащить в тюрьму медный секстан английской работы, астролябию с компасом, чертежные инструменты, ртуть для искусственного горизонта и тут же потребовал объяснить, как европейцы пользуются этими вещами.

Головнин наотрез отказался сделать это. Японец несколько не смутился и начал болтать о пустяках. С тех пор он повадился ходить в тюрьму ежедневно и просиживал возле клетки Головнина с утра до вечера. Допросы временно прекратились. Мамия Ринсо целыми днями трещал, как сорока, хвастаясь своими путешествиями. Головнин насторожился. Этот бойкий японец, оказывается, не только успел объездить все Курильские острова и побывать

на Сахалине, но и путешествовал по реке Амуру — от устья и далее вверх.

Избегая говорить о существовании географических открытий японцев, он непрерывно твердил о своих подвигах и перенесенных им трудностях. Показывая русским свои дорожные сковородки, Мамия Ринсо тут же у клетки каждый раз что-нибудь жарил и ел. Приносил японец с собой и самодельный аппарат, на котором здесь же гнал водку из риса. Этот аппарат беспрестанно стоял на очаге, и японец время от времени цедил из него горячительный напиток, угощая моряков.

В один из дней Мамия Ринсо гордо заявил Головнину, что он известен своей стране не только как ученый, но и как храбрый воин.

— В каких же баталиях вы брали участие? — иронически осведомился капитан, глядя на хвостуна из-за прутьев клетки.

Японец вскочил и запальчиво заговорил что-то, часто повторяя хорошо знакомое пленникам имя «Никола Сандрееч». Переводчик объяснил, что Мамия Ринсо воевал с самим Хвостовым. Впрочем, когда Мамия Ринсо рассказал об обстоятельствах, при которых он участвовал в бою на острове Итуруп, моряки покатались со смеху.

В самом начале боя за овладение японской крепостью Мамия Ринсо вместе с другими столь же храбрыми войками дал тягу в горы. Шальная русская пуля настигла его и поразила в мягкое место задней части. Однако Мамия Ринсо не упал и ушел благополучно. За это он награжден и получает пенсию.

Японец сердито глянул на смеющихся пленных и грозно сказал, что после набегов Хвостова японцы хотели послать в Охотск целых три корабля, чтобы разорить и сжечь его до основания. Но русские, сидя в клетках, засмеялись еще громче. И Головнин, задыхаясь от хохота, проговорил:

— Крайне сожалеем, что японцы не могли найти туда дороги. Иначе не худо было бы, если бы они послали не три, а тридцать или триста кораблей. Верно б ни одно из них не возвратилось домой..

Когда переводчик сказал Мамия Ринсо, что говорит ему русский капитан, он обозлился и начал ругаться. Но тут же он утих, начал опять любезно улыбаться и спросил:

— Ну, когда же мы начнем заниматься с вами?..

Мамия Ринсо настойчиво упрашивал русских, чтобы они обучили его искусству определять долготу по расстоянию луны или звезды от солнца, искусству составлять карты и другим наукам. Головнин снова повторил категорический отказ. Японец повысил тон и начал угрожать:

— Имейте в виду, что скоро из столицы будут сюда перездчики голландского языка и японские ученые. Они отберут у вас объяснения на предметы до наук касающиеся. Тогда уж вы не посмеете отговариваться — хотите вы или нет.

Головнин пожал плечами, сохраняя на лице выражение каменного спокойствия. Но мичман Мур побледнел и затрясся. Намек на принуждение был слишком явный, поэтому мичман дрогнувшим голосом сказал:

— Хорошо... Я берусь вас учить...

Головнин холодным взглядом окинул труса. Мичман, не глядя в глаза начальнику, отошел в дальний угол клетки. К нему поспешил японец, благодарно кивая головой и извывая знаки дружбы.

В апреле японцы предоставили пленникам более пристойное жилище. Чиновники отвели их в дом, окруженный высоким забором и железными рогатками. Они произнесли длинные речи о том, что теперь русских друзей будут содержать лучше прежнего и потому они должны жить с японцами, как со своими соотечественниками и братьями. Видимо, японцы решили, что пример Мура найдет подражателей и потому пытались задобрить моряков. Но расчеты эти были ошибочны. С первого же дня Головнин и его друзья с удвоенной энергией начали готовиться к побегу. Они высматривали все подступы к выходу из новой тюрьмы и строили десятки планов.

Бежать было трудно, почти невозможно. Дом был разделен пополам деревянной решеткой, за которой днем и ночью бодрствовала стража. Пленники все время были у нее на глазах. Японцы вооружили часовых не только саблями и кинжалами, но и ружьями и стрелами. Офицеры постоянно сидели у решетки и смотрели в комнату к пленникам. Ворота двора были все время заперты на замок. Вокруг высокого забора беспрерывно ходили часовые.

И все-таки Головнин твердо решил бежать. Все пленники, за исключением Мура, поддерживали его. Они экономили еду и тайком сушили рис. Один из матросов случайно нашел огниво и старательно его спрятал. Однажды у

японских часовых стащили несколько кремней. Лоскут старой рубашки, будто случайно упавший в огонь и сгоревший, доставил труг. В траве было найдено долото. Решили при первом же удобном случае насадить его на палку и употреблять, как копые. Ценнейшим приобретением явился заступ, найденный во дворе. Пленники поспешили засунуть его под крыльцо.

Хлебников долго работал над изготовлением компаса. Это была адски трудная работа. Пленники выпросили у японцев две большие иголки, будто бы для починки белья. Потом сказали японцам, что иголки потеряны. Хлебникову удалось отыскать лоскутик листовой меди, которой японцы обычно обшивают пазы домов. Штурман старательно вычистил его и сделал в середине медного листка выступ для накладывания стрелки, изготовленной из иголки. Упорно натирая иголки о камень, штурман сообщил им достаточную магнитную силу. Теперь они более или менее точно показывали страны света. Футляр для компаса Хлебников сделал из нескольких листов бумаги.

Приготовления к побегу неизмеримо осложнялись тем, что их надо было тщательно скрывать от Мура, который окончательно перешел на сторону японцев. Мур с гордостью заявлял, что он не русский, а немец, происходит из чистокровной германской семьи, что родственники его живут в Германии и что Германия враждует с Россией.

Головнин с отвращением слушал эти разговоры. Он не ожидал такого черного предательства от мальчишки, который на «Диане» вел себя покорно и смиренно. Курилец Алексей сказал капитану по секрету, что Мур склонял и его к измене. Оказывается, Мур хотел поступить на японскую службу переводчиком европейских языков и приглашал курильца к себе, обещая ему свое покровительство. Головнин после этого предупредил Хлебникова и матросов, чтобы они вели себя крайне осторожно по отношению к Муру, который явно шпионил за своими бывшими друзьями...

Наконец, все было готово к побегу. В полночь 23 апреля Головнин подал своим друзьям тайный знак. Момент был самый благоприятный. Японский офицер, которому надоело следить за пленными, уткнулся в какую-то книгу. Солдаты яростно сражались в карты, часть из них спала. Мур тоже дремал на своем ложе. Наружные караульщики

только что прошли с обходом, гремя своими трещотками. Следующий обход был лишь через полчаса.

Матросы Симонов и Шкаев бесшумно выползли во двор и начали с бешеной энергией рыть подкоп под стеной. Через несколько минут было готово узкое отверстие. Выждав условленное время, пленники тихо вышли во двор и один за другим прогиснулись в дыру под забором.

Головнин, уходивший последним, поскользнулся и ударился коленом о какой-то кол, торчавший в самой отверствии. Ужасная боль пронизала все тело капитана. Усилием воли он преодолел эту боль, вылез из отверстия и зашагал вслед за своими спутниками.

Миновав тропу, по которой несколько минут назад прошли часовые, беглецы побежали между какими-то деревьями, направляясь к подошве высоких гор. Они держали курс к северу, подальше от населенных мест, направляясь по звездам. Как только миновала самая острая и непосредственная опасность, Головнин снова почувствовал нестерпимую боль в колене. Нога его распухла, и он с трудом тащился вперед, опираясь на палку.

Капитан прежде рассчитывал, что ему удастся до рассвета достичь лесистых гор, которые были видны из окон тюрьмы. Тогда казалось, что эти горы близки. Но сейчас в темноте добираться до них было чрезвычайно трудно.

Моряки карабкались по голым скалам, взбираясь все выше и выше. Наконец, они достигли такой высоты, на которой лежал снег. Приходилось обходить занесенные снегом места, бесконечно путаясь в незнакомой местности.

За час до рассвета матросы вышли на широкую дорогу, которая вела прямо в лес. Все устремились вперед. Лес уже был близко. Но вдруг матрос Васильев, случайно оглянувшись, сказал сдавленным голосом:

— Погоня...

В предрассветной мгле мелькали огни. Издалека донесся конский топот. Беглецы, не раздумывая, ринулись в сторону с дороги и покатались вниз в какую-то ложину, спасаясь от преследователей. Вокруг не было видно ни деревца, ни кустика. Становилось все светлее. Еще немного и дневной свет выдаст беглецов...

В эту критическую минуту Головнин заметил в одном каменном утесе какое-то отверстие. Подойдя поближе, моряки увидели небольшую пещеру. Возле нее с шумом лился с горы большой водопад, выбивший под самой пещерой

глубокую яму в снегу. Цепляясь за камни и рискуя свалиться в яму с ледяной водой, беглецы кое-как зтиснулись в тесную пещеру и забились в угол. Они сидели на острых камнях, боясь пошевелиться. Покатое дно пещеры было покрыто песчаником. Очень легко было скатиться вниз.

К счастью японцы не разглядели отверстия в скале. Путники целый день просидели в своем тайнике, дрожа от холода. Грохот могучего водопада наводил на них тоску и уныние.

Перед закатом солнца Головник выглянул из пещеры и увидел на горах много людей. Видимо, это были густо населенные места.

— Надо поскорее убираться отсюда, — сказал капитан своим спутникам, морщась от боли. Его нога распухла еще больше и теперь вся горела. Он повторил:

— Надо поскорее убираться отсюда, а я вам не попутчик. Я могу стать причиной вашей гибели...

Моряки шумно запротестовали, но Головнин горячо заговорил опять:

— Видно судьбе самой угодно, чтобы я погиб здесь! Ведь при самом начале нашего покушения сделался я неспособным вам сопутствовать. Зачем же вам, людям в полном здравьи и силах, погибать со мной?

Но Хлебников и матросы категорически отказались слушать капитана.

— Пока вы живы, Василий Михайлович, мы не оставим вас, — заявил штурман. — Это наше последнее слово.

Матрос Макаров вызвался добровольно помогать командиру при подъеме на гору. Когда наступила темнота, голодные, усталые моряки продолжали свой путь. Макаров, рослый, широкоплечий гигант, тащил Головнина на своих плечах, остальные шли за ним следом.

Беглецы карабкались на крутые скалы, спускались в глубокие ущелья, прятались в кустарниках, брели вдоль быстрых горных речек. Они неоднократно пытались выйти к берегу, выкрасть какой-нибудь бот и уплыть на запад к берегам Гиляцкой земли. Но все попытки были тщетны. Найти подходящее судно Головнину не удавалось: Обессилевшие моряки снова и снова удалялись в глубь острова, боясь, что японцы найдут их по следам.

На третий день пути Головнин и его спутники, переправившись через какую-то речку вброд, начали подниматься на высокий горный хребет по крутому склону, заросшему

лесом. Они упрямо цеплялись за деревья, кусты, камни, поднимаясь все выше и выше. Наконец лес кончился и взорам путников открылись высокие угрюмые утесы. Возвращаться было тяжело. Люди истратили все силы, чтобы достичь вершины хребта, за которым они ожидали найти плодородную долину, где можно было бы передохнуть.

— Возьмем их на абордаж, — хрипло сказал Головнин.

Бедный Хлебников через силу улынулся. Он часто и быстро дышал, ему нехватало воздуха. Матросы угрюмо молчали. Головнин решительно шагнул вперед, нелепо взмахнув руками, — режущая боль мучительно отозвалась во всем теле. Макаров бережно подхватил командира под руку, и весь отряд двинулся на приступ скал.

Беглецы долго карабкались по камням, рискуя жизнью. Наконец к поздней ночи они добрались до вершины горного хребта, покрытой толстым слоем снега и льда. Величественная панорама представилась их взорам. Они были на одной из самых высоких точек острова Матсмай. Повсюду виднелись крутые горы, вдалеке синело море. Здесь, на снежной вершине, русские находились в относительной безопасности — японцы вряд ли искали бы их здесь.

Насобирав с трудом немного горного тростника, матросы развели огонь и сварили в чайнике, унесенном с собой из тюрьмы, какую-то отвратительную похлебку из травы — утром, переходя речку вброд, они набрали черемши и конского шавеля. Моряки отведали этого варева и улеглись спать, тесно прижавшись друг к другу. Ведь до сих пор они еще ни разу не смыкали глаз!

Головнину, невзирая на огромную усталость, не спалось. Он грустно глядел на чужую землю. Небо было чисто. На нем зажигались звезды. Но внизу под ногами у Головнина ползли черные тучи, видимо там шел дождь.

— Высоко же мы забрались, штурман, а? — проговорил он вполголоса. Но штурман спал. Капитану не хотелось будить измученного, исхудавшего товарища.

Головнину вдруг представился весь ужас их положения. Горсточка русских моряков находилась на обледенелой скале, окруженная врагами, без оружия, без продовольствия, без теплой одежды...

— А все-таки не в плену!.. — упрямо сказал капитан, потряхнув своей большой головой, заросшей длинными волосами.

Утром моряки, не теряя надежды на захват японского судна, сшили из своих рубашек два паруса и приготовили кое-какую снасть. Потом они спустились в долину. Несколько раз беглецы входили по ночам в японские селения, но захватить каксе-либо судно им, безоружным, не удавалось. Только один раз моряки набрали на подходящую лодку. Но она была вытащена на берег, и обессиленные моряки не смогли ее спустить на воду.

Люди невыносимо страдали от голода. Запасы заплевываемого риса и пшена, накопленные в тюрьме, пришли к концу, а травы не утоляли голода. Матросы искали рыбу. Но, видимо, рыболовный сезон не начался и поиски оставались безрезультатными. Грабить японцев русские не хотели.

Прошло девять томительных дней. Утро 2 мая застало беглецов на какой-то голой горе, почти лишенной растительности. Спрятаться было негде. Как на беду, поблизости находилось японское селение. С утра появилось много людей. Спрятавшись в небольших кустиках, моряки решили выждать наступления темноты. Вдруг Хлебников увидел на противоположном холме какого-то человека, который поглядывал на кусты, поворачиваясь во все стороны и махал руками.

— Заметили! — раздраженно сказал он, — и моряки бегом спустились в лощину, чтобы поскорее добраться до леса, синевшего вдали.

Но было уже поздно. Послышались какие-то бешеные вопли и со всех сторон начали стекаться толпы людей. Прямо на беглецов мчался большой отряд солдат, вооруженных ружьями, стрелами, саблями и кинжалами. Спротивляться было бесполезно. Однако Головнин упрямо поднял свою палку с привязанным к ней долотом. Макаров бросился на колени.

— Василий Михайлович, ради бога не защищайтесь, не ровен час убьете какого-нибудь басурмана, нас всех потом замучат...

Капитан в сердцах бросил самодельное копье на землю. Японцы уже вязали ослабевших от голода матросов, злобно скаля зубы.

Накрепко связав русских, японцы погнали их вперед. Они очень спешили вернуть пленников в тюрьму, а поэтому даже ночью не останавливались.

Утром 3 мая оборванных, усталых русских ввели под конвоем в хорошо знакомый им судебный зал, уставленный орудиями пыток. Через несколько минут японцы привели сюда же розовощекого мичмана Мура, который с холодной усмешкой посмотрел на своих бывших друзей.

Наконец, в комнату вошел губернатор. Он ласково приветствовал пленников, как своих близких знакомых, и с убийственным лицемерием спросил:

— Какие причины побудили вас уйти?

Головнин резко заговорил, обращаясь к переводчику:

— Скажи ему, что этому поступку виною один я. Я принудил остальных уйти против их воли, как их начальник. Пусть японцы расправляются со мной одним, остальным же вреда не делают...

Мичман Мур громко рассмеялся. Губернатор любезно склонил голову в знак внимания. Изменник низко поклонился ему и сказал, что Головнин говорит неправду. Потом он обратился к матросами и повелительно крикнул:

— Говорите правду, как перед богом! Я уже все рассказал японцам о том, как вы собирались бежать...

Головнин перебил мичмана:

— Мне кажется, что вы сами не слишком много помните о боге. Вы забыли к своим рассказам прибавить безделью — о том, что сами помышляли о бегстве до того, как прорвались японцам...

Губернатор с нескрываемым интересом прислушивался к этой перепалке, заставляя переводчика все переводить. Мур, видя, что русские решили его не щадить, бросился на колени перед японцем. Краснея и заикаясь от страха, он бормотал:

— Мое намерение было притворно. Я согласился бежать лишь для того, чтобы выведать их планы и всеподданнейше передать их вам.

Он деланно усмехнулся:

— Зачем мне бежать от вас? Я во всем положился на милость японского государя. Если он порешит отпустить меня в Европу — я поеду. Если нет — буду почитать себя довольным и в Японии...

Болтливый немец надоел губернатору. Он велел ему замолчать и начал допрос пленников. Головнин попрежнему всю вину принимал на себя, выгораживая остальных участников побега,

Японцы были очень довольны тем, что им удалось поймать беглецов. Непосредственная опасность жизни русских не угрожала, — японцы боялись мести России. Однако они могли вдоволь поиздеваться над строптивым капитаном. И губернатор ехидно спрашивал Головнина:

— Зачем ходишь умирать в лес или ездить в море для этого? Вы могли и здесь лишиться себя жизни...

Капитан мужественно отвечал:

— Тогда была бы верная смерть и при том от своих рук. Но, совершая побег и жертвуя жизнью, чтобы достигнуть своего отечества, мы могли еще успеть в своем предприятии...

— Ну что же, — усмехнулся губернатор, — по японским законам до решения вашего дела матросы будут заключены в настоящую тюрьму, а вы в другое место, называемое у нас инверари.

Головнин ломал голову над разгадкой этого слова. Но вскоре все разъяснилось. Городская тюрьма, в которую привели пленников, выглядела так же, как и та, в которой содержались русские в самые первые дни плена. Матросам указали на самую большую и лучшую клетку. Хлебникову же и Головнину предоставили две, совсем крохотные и грязные одиночные клетки. Это и было «инверари». Головнин покачал головой:

— Неважно шутит губернатор!..

Тюремный пристав грубо раздел пленников донага и обыскал их. Потом он втолкнул их в клетки и запер на замок. Головнин свалился на пол и замер от боли, усталости и истощения.

Лето 1812 года на Тихом океане было дождливое, туманное и бурное. С огромным трудом пробивались сквозь шторм русские корабли «Диана» и «Зотик», спешившие на выручку к капитану Головнину и его спутникам. Только 28 августа Рикорду удалось войти в залив Измены и бросить якорь против крепости, в которой год назад были вероломно пленены русские моряки.

На берегу были заметны перемены. На месте батареи, уничтоженной «Дианой», высился новый, хорошо укрепленный форт. В два яруса были установлены 14 тяжелых ору-

дий. Крепость попрежнему была завешана покрывалами из полосатой ткани. Видимо, японцы, опасаясь, что русские будут мстить, приготовились к обороне.

Рикорд был дальновидным человеком и понимал, что всякая горячность в его трудном положении может только повредить делу. С двумя кораблями он в лучшем случае мог разгромить одну—две крепости. Теперь японцы были вооружены сильнее, чем во времена экспедиции Хвостова и Давыдова. Участь же пленников могла бы только ухудшиться в результате необдуманных действий русских военных моряков. Поэтому Рикорд твердо решил действовать пока что только путем дипломатических переговоров.

Спустив с «Дианы» шлюпку, Рикорд послал в крепость одного из привезенных с собой японцев, вручив ему вежливое, но твердое и решительное письмо:

«Несмотря на неожиданный и неприятный поступок ваш, мы возвращаем всех японцев, претерпевших кораблекрушение у берегов Камчатки, в их отечество. Мы уверены, что взятые на острове Кунашире в плен капитан-лейтенант Головнин с прочими также будут возвращены, как люди совершенно невинные и никакого вреда не причинившие. Но ежели, сверх нашего ожидания, пленные наши теперь же возвращены не будут, то для требования оных людей в будущем лете придут вновь корабли наши к японским берегам...»

Шлюпка быстро подошла к острову. Японец вышел на берег. Его встретили курильцы и вся толпа двинулась к воротам крепости. В этот момент загрели выстрелы японских пушек и ядра шипя упали в воду. Русские корабли стояли далеко, и выстрелы не могли причинить им вреда. Однако такая встреча не обещала хороших результатов для начинающих переговоров.

Посланный Рикордом японец остался в крепости. Никакого ответа на письмо Рикорда не последовало. Он послал за ответом второго японца, потом третьего, четвертого... Наконец, один из посланцев вернулся и объявил:

— Капитан Головнин и все прочие убиты...

У Рикорда кровь застыла в жилах. Его глаза загорелись мрачным огнем. Он хотел сейчас только одного — достойным образом отомстить за гибель своих славных друзей, подло умерщвленных японцами.

— К бою!..

«Диана» и «Зотик» быстро были приведены в боевую готовность. Но в последний момент Рикорд, сделал над собою усилие, отложил боевые действия: быть может, японец солгал? Он приказал ему немедленно отправиться на берег и принести письменное сообщение коменданта крепости. Японец на корабль не вернулся.

Время близилось к поздней осени. 6 сентября моряки увидели на море японскую байдару.

— Взять! — приказал Рикорд.

Моряки немедленно спустили шлюпки и через несколько минут японцы ползали у ног капитана, что-то лопоча по-своему. Рикорд так и не мог добиться у них ответа, где находятся русские пленные и что с ними?

На утро к заливу Измены приблизился большой японский корабль. Шлюпки русских моряков стремительно понеслись на перерез и быстро овладели им. В плен было взято 60 японцев. Среди них находился разряженный купец, называвший себя Такатай Кахи. Видимо, это был очень богатый человек. Он важно объяснил Рикорду, что у него есть 10 таких кораблей и что сейчас он направляется в Хакодате, куда везет сушеную рыбу.

Рикорд нетерпеливо спросил его, что он знает о судьбе пленных русских. Купец ответил:

— Капитан Мур и пятеро русских — в городе Матмас...

Капитан Мур? Рикорд удивился. Он не мог предполагать, что Мур окажется изменником и думал, что Головнин погиб в плену, поэтому, видимо, Мур стал старшим среди пленников. Но вскоре японец описал приметы пленных, и Рикорд убедился, что Головнин жив и здоров. Эта весть его очень обрадовала, и подготовка к военным действиям была немедленно прекращена.

Но как же все-таки вырвать друзей из плена? Сама судьба послала Рикорду в руки этого богача. Если японские власти отказываются менять русских пленников на каких-то безвестных рыбаков, то этот знатный купец найдет средства, чтобы добиться своего освобождения ценой обмена на русских пленных. Его-то Рикорд так просто на берег не отпустит. И он вежливо объявил купцу:

— Вам придется предпринять небольшое путешествие на Камчатку и жить там, пока ваши соотечественники не освободят моих соотечественников. Ваш корабль мы отпустим

на свободу. Можете послать с ним и письмо своим родственникам.

Купец был ошеломлен таким известием, но не подал вида. Наоборот, он всячески изъяслял свою радость по поводу того, что ему придется путешествовать с такими просвещенными людьми. Рикорд иронически посмотрел на лицемерного купца и предложил ему поторопиться с приготовлениями к отъезду. Через несколько часов «Диана» и «Зотик» покинули залив Измены и направились на север. Освобождение Головнина и его друзей откладывалось еще на год...

Невыносимо медленно тянулось время в тюрьме, где находились русские пленники. Их положение все ухудшалось по вине изменника Мура, который каждый день учинял все новые каверзы. Он составил для японцев описание Восточной Сибири, в котором всячески поносил Россию, заявляя, что у русских нет хорошей военной силы. Потом он передал японцам черновик одного письма Головнина, которое хранилось среди вещей пленных, и доказывал, что в этом письме Головнин оскорбляет Японию. Наконец, он заявил японцам, что шлюп «Диана» приходил с секретной злонамеренной целью и что эту цель Головнин скрывал от экипажа, а потому-де надо ее у капитана выпытать. Мур подговаривал японцев потребовать у русского правительства пушки и другое оружие, отнятое у них на Курильских островах Хвостовым и Давыдовым, советовал ни в коем случае не отпускать пленных в Россию.

К счастью для Головнина и его друзей, как раз в это время японцы получили известие о крупнейших переменах в Европе. В Нагасаки прибыли два больших голландских корабля и японцы узнали о великих победах русского оружия. По обыкновению они скрыли от пленников эти новости и сообщили Головнину лишь о первой половине истории Отечественной войны.

— Вашей России мало осталось. Наполеон взял и сжег Москву, а русские оттуда удалились...

Головнин отказывался верить этому. Но японцы вновь и вновь повторяли это утверждение, злорадно поглядывая на русских.

Сами они прекрасно понимали, что сейчас продолжать издательскую политику по отношению к России уже опасно. Поэтому пленники скоро почувствовали, что отношение к ним резко изменилось. Их перевели в комфортабельно обставленный дом, стали лучше кормить. Еду подавали в прекрасной лакированной посуде. Чиновники величали русских своими гостями и друзьями.

Пленникам разрешили даже пользоваться чернилами и бумагой. Головнин серьезно занялся изучением японского языка. Он записывал японские слова русскими буквами и изучал построение фраз. Постепенно ему удалось усвоить довольно много слов, и теперь он более или менее успешно объяснялся с японцами без переводчиков.

По ночам Головнин, сверяясь со своим «дневником», сплетенным из ниток, тайно записывал на крохотных лоскутках отдельные, наиболее важные события из истории своего плена. Писал он условными знаками, мешая русские, французские и английские слова, — на случай, если записи попадут в руки врагов.

Исписанные мелким почерком лоскутки он прятал в длинном узеньком мешочке, сшитом для этой цели матросом Симановым из жилета, и носил его под поясом. Эти записи — бесценный плод трехлетней работы, произведенной в труднейшей и необычайной обстановке плена, в сущности говоря, были настоящей энциклопедией, в которой можно было почерпнуть любые сведения о Японии. Любой путешественник, совершающий свои исследования в нормальных условиях, мог бы позавидовать капитану «Дианы», который ухитрился в плену у врага собрать такой богатый фактический материал.

Без ложного предубеждения и тенденциозности, совершенно объективно и хладнокровно он показал в своих записях Японию и японский народ такими, какими они были на той ступени развития. В своих «Замечаниях о японском государстве и народе» Головнин подробно рассказал о географическом положении, климате и пространстве Японии, о ее государственном устройстве, естественных богатствах, промышленности и торговле, о народонаселении и военных силах, просвещении, языке, законах и обычаях, вероисповедании, обрядах и даже о городах, платящих дань Японии, и о ее колониях...

Вскоре Головнина стали поздравлять с близким отъездом на родину. 2 сентября пленников перевели в Хакодате, куда уже шла «Диана». Рикорд совершал третий рейс к берегам Японии, добиваясь освобождения Головнина!

В последний раз он приходил сюда на «Диане» два месяца назад. Переговоры тогда опять оказались безрезультатными. Но сейчас, в сентябре, японцы сами спешили заняться делом о пленении русских моряков.

28 сентября «Диана» вошла в порт Хакодате. Головнин с волнением смотрел из окна отведенного ему дома на свой родной корабль. Рикорд уверенно вводил «Диану» в незнакомую гавань, искусно лавируя против ветра.

Судно стало на якорь и Рикорд немедленно отправил на берег привезенное им письмо начальника Охотской области Миницкого, составленное в энергичных тонах:

«Государь император всегда был к японцам хорошо расположен и не желал им никогда нанести ни малейшего вреда, почему и советует японскому правительству, не откладывая нисколько, показать освобождением несправедливо захваченных пленников доброе свое расположение к России и прекращение дружеским образом неприятности... Всякая со стороны японцев отсрочка может быть для их торговли и рыбных промыслов вредна, ибо жители приморских мест должны будут понести великое беспокойство от наших кораблей, буде они заставят нас по сему делу посещать их берега».

Японцы прекрасно поняли этот намек. Поэтому они рассыпались в любезностях, хвалили содержание русской бумаги и опять поздравляли Головнина с приближающимся возвращением в свое отечество.

Мичман Мур, который все время добивался, чтобы его приняли на службу к японцам, все еще пытался сорвать переговоры. Он уверял японцев, что русская бумага написана неблагопристойно, потому что в ней есть оскорбительные угрозы. Но японцы спокойно отвечали, что им и самим хорошо известно, какое великое беспокойство и вред могут на их берегах причинить русские корабли в случае войны.

Когда переговоры приблизились к концу, японские чиновники объявили, что все до одного пленные моряки должны возвратиться в Россию. Мур поблуднул и заявил, что он

не достоин такой милости. До последней минуты он надеялся, что его оставят в Японии. Но чиновники упрямо настаивали на своем, и Муру пришлось подчиниться.

6 октября 1813 года пленников в последний раз привели к губернатору. Он заявил, что русские, по повелению правительства, освобождаются и завтра будут направлены на корабль. Потом он вынул бумагу и прочел поздравительное письмо Головнину:

— С третьего года вы находились в приграничном японском месте и в чужом климате, но теперь благополучно возвращаетесь, это мне очень приятно. Бы, господин Головин, как старший из своих товарищей, имели более заботы, чем и достигли своего радостного предмета, что мне также весьма приятно. Желаю вам счастливого пути...

Трудно описать радость отважных моряков, которые после трехлетней разлуки встретились со своими друзьями, ожидавшими их на борту «Дианы». Матросы шлюпа, стоя на реях, громко кричали ура. Офицеры обнимали своих друзей, плача от волнения. И только мичман Мур был, как чужой, на этом празднике. Он ни с кем не разговаривал, стыдясь смотреть русским морякам в глаза, хотя Головин, по великодушью своего сердца, объявил немцу, что прощает его.

На «Диане» не было отбоя от японских чиновников, приезжавших прощаться с русскими. Низко кланяясь, они говорили, что разлука их очень огорчает и что они будут скучать без своего друга Головина.

Русские наделяли японцев разными подарками. Японские чиновники старались брать подарки потихоньку друг от друга, поэтому принимали только такие вещи, которые они могли спрятать в широкие рукава своих халатов. Рикорд преподнес им портреты Багратиона и Кутузова. Японцы, узнав, кто такие эти важные лица, приняли портреты с выражением внешней почтительности и восторга, что вряд ли соответствовало их истинному настроению. Нельзя было поверить в искренность их чувств перед портретами великих русских полководцев, побивших непобедимого Наполеона.

К вечеру на палубе корабля стало тесно от провожающих. Японские солдаты и простой народ, даже женщины, приезжали посмотреть на русский корабль. Рикорд им всем дарил на память, как дикарям, всякие безделицы — по ку-

сочку красного сукна на табачные кошельки, граненые стеклышки от люстры. Посетители не оставляли корабля до поздней ночи.

Утром 10 октября 1813 года «Диана» подняла паруса и навсегда покинула чужой негостеприимный берег.

Два месяца спустя Головнин и Рикорд были уже на Камчатке. Ее сопки покрылись снегом. Начиналась суровая зима. Но командиру «Дианы» Камчатка теперь казалась раем. Ведь это была часть России!

Всеобщее веселье омрачалось лишь странным поведением мичмана Мура, который попрежнему чуждался всех. Он выпросил разрешение покинуть Петропавловск и уехать в селение камчадалов, говоря, что одиночество вернет ему равновесие. Головнин строго приказал одному из солдат наблюдать за Муром, опасаясь, как бы тот не наложил на себя руки.

Мур попросил разрешения охотиться на птиц. Ружье ему выдали, но солдату было приказано во время охоты не отходить от мичмана ни на шаг.

Однажды, прогуливаясь по берегу Авачинской бухты с ружьем в руках, Мур строго скомандовал солдату:

— Марш домой! Тебе пора обедать...

Солдат растерялся. Мичман добавил, глядя на него с ненавистью:

— Что стоишь? Если бы я хотел убить себя — давно бы сделал это дома — ножом или вилкой...

Солдат неохотно выполнил приказание. Мичман не вернулся. Тогда солдат бросился на поиски и нашел на берегу залива холодный труп мичмана Мура, вмерзший в лужу крови. Пальто мичмана висело на каком-то столбике. Ружье валялось рядом.

В столе у Мура нашли записку:

«Свет мне несносен, и кажется будто я самое солнце съел».

На могиле Мура великодушные моряки, забывшие все зло, сотворенное предателем, поставили памятник с грогательной надписью:

«В Японии оставил его провождавший на пути сей жизни ангел-хранитель. Отчаяние ввергло его в жестокие заблуждения. Жестокое раскаяние их загладило, а смерть успокоила несчастного. Чувствительные сердца! Почтите память его слезою...»

2 декабря Головин и Рикорд умчались по санному пути на собаках из Петропавловска в Якутск. Они спешили в Петербург. В умах капитанов зрели планы новых кругосветных экспедиций.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ЦОКОГАМЕ

5 августа 1859 года на рейде перед японской столицей Иеддо появилась грозная эскадра русских военных кораблей. Уже канули в вечность времена, когда российские посланники добирались на Тихий океан на хрупких парусниках. Теперь Амур принадлежал России, и целая флотилия мощных паровых кораблей курсировала у берегов Азии.

На палубе флагманского фрегата «Аскольд» стоял невысокий человек с жестким и энергичным лицом, одетый в генеральский мундир, со множеством орденов на груди. Он пытливо глядел на утопающий в зелени городок, живописно раскинувшийся на холмах.

— Ну, где же они? — сказал он вдруг сердитым голосом, — вы разбаловали их, господин консул!..

— Вы слишком нетерпеливы, граф, — ответил улыбаясь стоявший рядом русский консул. — Вашим предшественникам приходилось тратить месяцы на то, что отнимает у нас дни. Да, впрочем, вот и они..

К фрегату спешила шлюпка, в которой сидели разряженные японские чиновники. Граф холодно рассматривал их, готовясь к скучному дипломатическому приему.

Генерала Муравьева, который получил за освоение Амура графское достоинство и титул «амурский», заботила серьезная проблема, которая привела его в Иеддо. Он прекрасно понимал, что русскому приморью всегда будет угрожать серьезная опасность, если японцы укрепятся на Сахалине.

К Сахалину в те годы вновь было приковано всеобщее внимание. В 1846 году на исследование Татарского пролива посылался моряк Гаврилов. Ему, как и его предшественникам, не удалось найти пролива между Сахалином и берегом материка и отыскать путь к устью Амура. Когда Гаврилов доложил, что доступ к Амуру закрыт зыбучими песками, император Николай I написал на полях доклада: «Весьма сожалею. Вопрос об Амуре, как о реке бесполезной, оставить». На дальнейшие попытки исследований этого района был наложен официальный запрет.

Но запрет этот был самовольно нарушен группой отважных русских моряков во главе с 36-летним русским морским офицером Геннадием Невельским.

Капитан-лейтенант Геннадий Невельский, решивший посвятить свою жизнь исследованию Дальнего Востока, не мог примириться с решением императора, противоречившим здравому смыслу. Тщательно изучив донесения Лаперуза, Броутона, Крузенштерна, Гаврилова, он пришел к выводу, что их заключения были ошибочными. Добившись приема у морского министра князя Меншикова, он попросил у него назначения на убогий транспорт «Байкал», отправлявшийся к берегам далекой Камчатки для портовой службы.

Князь всячески отговаривал Невельского от этой затеи, доказывая ему, что он губит свою карьеру. Незадолго до этого Невельский вернулся из многолетнего заграничного плавания, в котором отлично нес службу вахтенного офицера при великом князе Константине Константиновиче (будущем генерал-адмирале), и теперь ему было обеспечено быстрое и легкое продвижение по служебной лестнице.

Невельский решил открыть свои планы. Он напрямик попросил у Меншикова разрешения обследовать на «Байкале» берега Охотского моря и разыскать вход в устье Амура. Меншиков холодно ответил:

— Такого разрешения дать не могу. Этим нарушалась бы высочайше утвержденная инструкция...

Невельский осторожно спросил:

— А если меня занесут в устье Амура течение и шторм? Я прошу только не мешать мне!

— Вас разжалуют за это в матросы, — отрезал князь.

Тогда в разговор вмешался присутствовавший в кабинете министр внутренних дел граф Перовский, которому надоед этот неприятный разговор:

— Да что тебе за дело? — с досадой сказал он Меншикову. — Если у него две головы, ну и пусть подставляет одну!..

Меншиков махнул рукой:

— Как знаете. Я не вмешиваюсь!..

И он подписал Невельскому назначение.*

21 августа 1848 года «Байкал» поднял паруса и ушел в кругосветное плавание. Целый год плыл он на Дальний Восток. Явившись в назначенный ему порт, молодой капитан вдруг самовольно покинул его и вышел в открытое море. Собрав свою немногочисленную команду, он мужественно сказал ей:

— Господа, я не хочу подвергать вас каким-либо опасностям. Я самовольно ушел из гавани. Всю ответственность и грядущую кару за это я беру на себя. Служа под моим начальством, вы не отвечаете за мои распоряжения..

7 октября 1849 года «Байкал», распустив паруса, двинулся туда, где, по предположению Невельского, должно было находиться устье Амура. Спустя несколько дней Невельский увидел отлогие песчаные берега Сахалина, окруженные с моря множеством отмелей. Сердце храброго моряка сжалось. Неужели Лаперуз и Крузенштерн правы? Неужели Сахалин действительно полуостров? Но вдруг Невельский заметил на горизонте нечто вроде озера, скрытого мелями. Он спустил шлюпку и поплыл вперед на разведки. Прошло еще несколько томительных часов, и парусник «Байкал» первым из всех европейских судов вступил в мутные воды глубокого пролива, отделявшего Сахалин от материка.

Молодой моряк облегченно вздохнул. Он увереннее двинулся дальше. Ему предстояло разоблачить еще одну ошибку знаменитых исследователей и доказать, что Амур впадает в Великий океан. После долгих лишений и трудностей Невельский достиг гигантской песчаной отмели, которая

* «Русский архив», кн. 3, 1878.

далеко выдавалась в пролив из Татарского залива. Эта мель и сбивала с толку исследователей, которые думали, что пески преграждают выход Амура к океану. Но Невельский не растерялся. Он несколько дней терпеливо исследовал пролив, отыскивая путь к устью Амура. И вот заветная мечта была осуществлена. Истрепанный парусник вошел в устье Амура, и его капитан первым вступил на берег пустынного края*.

Открытие Невельского наделало много шума. Храброго капитана отдали под суд за ослушание. Специальная правительственная комиссия учинила ему строгий допрос. Над ним нависла угроза разжалования и ссылки. Но Муравьеву удалось убедить императора в том, что открытие Невельского имеет крупнейшее значение для России, и Николай произнес крылатую фразу:

— Там, где российский флаг однажды поднялся, он не должен опускаться...

Невельскому было дано звание капитана 1-го ранга, и правительство вернуло его на негостеприимный берег Охотского моря, назначив начальником Амурской и Сахалинской экспедиции для изучения этого далекого края и торговли с гиляками. Все же, для острастки, его лишили награды, полагавшейся за географическое открытие: владимирского креста и пожизненной пенсии.

Хотя Невельский располагал крайне ограниченными средствами, он развил бурную исследовательскую деятельность. Его молодые ученики Бошняк, Чихачев, Орлов, Разградский совершали дальние рискованные походы, изучая край, завязывая связи с местным населением. Невельский со своими друзьями сам построил барки и шлюпку для морских экспедиций.

Зимой 1851/52 года Невельский случайно узнал от гиляков, что на западном берегу Сахалина у мыса Погоби лежат целые горы «черного мягкого камня». Вспомнив, что еще Лаперуз нашел каменный уголь на побережье Сахалина, он немедленно отрядил на остров 22-летнего лейтенанта Бошняка.

11 февраля 1852 года Бошняк помчался на Сахалин по льду на собачьих нартах. Его сопровождали казак Парфентьев и гиляк Позвейн. Работая в труднейших условиях,

* «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России» (Посмертные записки адмирала Г. Н. Невельского). СПб., 1878.

Бошняк исследовал большие обнажения каменных угольных пластов между рекой Виахту и заливом Уанды, а также в Мчачах и Дуэ. В одном из туземных поселений на реке Тыми Бошняк обнаружил следы пребывания русских моряков, оставленных на Сахалине Хвостовым.

Забутые всеми пять русских матросов до конца исполнили свой долг. Они честно несли свою службу на протяжении нескольких десятилетий, сиюсь оберегать поселения айнов и гиляков от японских разбойников, и гиляки через Позвейна выразили Бошняку благодарность за то, что русские послали на остров этих людей. Но что могли поделать пять матросов против многочисленных отрядов японцев? Им пришлось отойти на север, и здесь, на Тыми, они дожили свои дни, не ведая о том, что происходит на родине и придет ли к ним долгожданная помощь.

Бошняк нашел развалины трех изб, в которых жили матросы Хвостова, и остатки огородных гряд. Гиляки принесли ему несколько разрозненных листков из русского молитвенника, на которых неровными крупными полустертými буквами было написано:

«Мы, Иван, Данила, Петр, Сергей и Василий, высажены в айнском селении Томари-Анива Хвостовым... Перешли на реку Тыми в 1810 году, в то время, когда пришли в Томари японцы...»

Местные жители объяснили Бошняку через Позвейна, что японцы вновь обосновались в бухте Анива и опять жестоко эксплуатируют айнов.

Бошняк бережно сложил и спрятал записку покойных русских моряков, отдав за нее гилякам три аршина китайки. Измученный, больной, истощенный, он с трудом добрался до зимовья Невельского и рассказал ему о своих открытиях*. Невельский принял сообщение Бошняка близко к сердцу и немедленно начал хлопотать о посылке на Сахалин сильного военного отряда.

Весной он командировал на Сахалин новую исследовательскую партию, которая провела обширное комплексное изучение большого района. Русская экспедиция прошла от района Дуэ к югу до залива Терпения, затем — по центральной полосе острова — к северу по реке Поро-Най и по реке Тыми. Далее, перевалив через горы, русские исследо-

* «Морской сборник» № 12, 1858 г. Н. Бошняк, Экспедиция в Приамурский край.

ватели вышли опять на западный берег к гиляцкому селению Арк-во, вернулись в Дуэ и снова пересекли остров, выйдя на восточный берег у селения Тро.

Доктор экспедиции Брылкин познакомился с языком, нравами и обычаями айнов. Участник экспедиции Шебунин снял первую более или менее точную карту острова и провёл шагомерную съёмку западного побережья.

Тем временем в Нагасаки прибыла миссия графа Путятина, перед которой были поставлены задачи урегулировать взаимоотношения с Японией. Назревала война России с Англией и Францией, и потому Путятин вел крайне осторожную, уступчивую политику. Муравьев и Невельский опасались, что он согласится на территориальные уступки Японии на Сахалине. Поэтому они вновь решили действовать на свой риск и страх.

Летом 1853 года Невельский на своем старом, дряхлом «Байкале» направился к берегам Сахалина и высадил на западный берег острова в бухте под 50° северной широты пятерых матросов во главе с преданным ему подпоручиком Орловым, совершившим за эти годы несколько труднейших исследовательских экспедиций. Орлов основал здесь пост, названный им Ильинским.

В конце августа Муравьев прислал в помощь Невельскому большой отряд под командованием майора Буссе с артиллерией. 20 сентября Буссе высадился с десантом на южной оконечности острова в бухте Анива, на том самом месте, где бросил когда-то свой якорь Хвостов.

Поставив на господствующих высотах пушки, Буссе обосновался со своим отрядом как раз напротив селения Томари-Анива, захваченного японцами. Вновь основанному посту было дано название Муравьевского. Японские купцы и чиновники, находившиеся в Томари-Анива, без всяких возражений встретили русских офицеров, вновь поднявших российский флаг над южным Сахалином.

Однако разразившаяся вскоре война отодвинула окончательное разрешение вопроса о Сахалине. К берегам Приморья англичане и французы направили мощную соединенную эскадру, пытаясь захватить русские морские базы в Петропавловске-на-Камчатке и де-Кастри. Путятин вынужден был прервать переговоры с японцами и вернуться на родину. Военные посты с Сахалина пришлось временно снять, чтобы укрепить гарнизоны Приморья. В районе Пет-

ропавловска и де-Кастри завязались упорные неравные бои с англичанами и французами. Несмотря на бесспорное численное превосходство, англо-французским военно-морским силам не удалось ни захватить базы, ни нанести поражение молодой русской тихоокеанской военной флотилии.

И как только окончилась война, Муравьев выслал пароход «Америка» к берегам Сахалина, чтобы вновь поднять на острове русский флаг. На этот раз военный пост был поставлен в районе Дуэ, где находились ранее открытые богатейшие залежи угля. Превосходное качество сахалинского минерального топлива удостоверял за два года до этого заходивший сюда командир шхуны «Восток» Римский-Корсаков.

В 1857 году военный губернатор Приморья контр-адмирал Казакевич командировал в Дуэ горного инженера Носова, который занялся заготовкой топлива для русского флота. Но вопрос о южном Сахалине все еще не был окончательно разрешен. Пользуясь тем, что Муравьевский пост в бухте Анива не был восстановлен, японские купцы и чиновники опять начали хозяйничать в Томари-Анива.

И вот сейчас Петербург поручил Муравьеву еще раз попытаться мирным путем уговорить японцев убраться с Сахалина. В глубине души Муравьев не верил в возможность такого исхода переговоров. Однако доверие правительства льстило ему, и он охотно согласился поехать в Японию.

Японские вельможи, поднявшиеся на борт «Аскольда», церемонно раскланивались с Муравьевым. Группа морских офицеров, стоявших поодаль, с любопытством рассматривала их. Молодой мичман весело говорил:

— У Муравьева такой вид, будто он их сейчас с кашей съест. А посмотрите-ка на этого шпион-офицера!..

— Как ты сказал?

— Шпион-офицер! У них есть такая должность. Когда мы зимовали в Хакодате, они нам осточертели. Шпион-офицеры специально следят за иностранцами. Они ходят за нами повсюду и беспрестанно что-то записывают. Ну, вот видите, он уже взялся за свою тетрадку.

Муравьев спокойно говорил переводчику:

— Пусть они передадут своему правительству, что генерал губернатор Восточной Сибири, граф Муравьев-Амурский, прибывший сюда с полномочиями Российского императора, желает говорить с ним по важным государственным делам.

Японские чиновники вежливо кланялись, озираясь по сторонам. Внутренняя корабельная артиллерия русской эскадры существенно подкрепляла авторитет чрезвычайного посланника России.

За эти полвека на Тихом океане произошли огромные перемены. Даже ограниченные японские феодалы поняли, что политика закрытых дверей приведет их к гибели. Шесть лет назад американец Перри, направив дула своей эскадры на берега Японии, заставил их открыть для торговли порты Симода и Хакодате. Через два месяца явился из Кронштахта со своей эскадрой адмирал Путятин, за ним пришли англичане.

Море перестало быть существенной преградой, когда европейцы научились делать могучие паровые корабли. В прошлом году японцам пришлось дополнительно открыть для торговли с американцами, русскими, англичанами, французами и немцами еще несколько портов.

В городе Хакодате уже жил русский консул Гошкевич. Японские власти приняли его гостеприимно и поселили в храме. Японские чиновники ходили к нему в гости, и Гошкевич писал в Петербург восторженные письма о том, что дружба России и Японии быстро укрепляется.

Муравьев, рассеянно слушая длинные льстивые речи японских чиновников, вынул из кармана копию одного из этих писем, прошедших через его руки, и передал ее Гошкевичу. В письме, написанном в феврале этого года, было сказано:

«Для сближения с здешним чиновным миром мы придумали о святках разные увеселения и кажется достигли цели. Наклѣные рождества устроена была у меня для детей их елка, на которую явились не только все дети, но и почти все чиновники и один из старших советников правления принес от губернатора небольшой подарок. Еще заблаговременно был прислан живописец для срисовывания комнаты, которая для этого случая была украшена оружием и флагами — русским и японским. Дамы наши раздавали конфеты, картинки и детские книжки и особенно поразили японцев русским национальным нарядом. Новый год также встречали у меня многие японские чиновники и по этому случаю был маскарад. Имена всех танцев записаны японцами. Наконец, 1 января утром присланы были ко мне здешние кадеты, из которых уже многие учатся по-английски, а некоторые после праздников начнут брать уроки русского языка. В 3 часа приехал сам губернатор, и присланный предварительно чиновник не преминул заме-

тять, что подобной чести до сих пор не удостоивался даже американский коммерческий агент. Устроена была закуска для губернатора и 15 прибывших с ним чиновников и он пробыл у меня часа четыре. С особенным вниманием рассматривал карту Амура и Восточного берега Сибири. Причем я заметил в разговоре его с чиновниками, что они слышали об озере Ханка, но почему-то сомневались в его существовании»...*

Консул удивленно вертел бумажку в руках, с недоумением поглядывая на Муравьева. Когда японцы, наконец, откланялись и покинули фрегат, он спросил генерала:

— Ну и что же, Николай Николаевич?

— А вот то самое, — грубо ответил Муравьев. — Живете, батенька, год в этой азиатской стране, а людей не понимаете. Спорю свои галуны, — обведут они вас вокруг пальца. А уж карты им наши показывать — это вовсе преступно... Вы что думаете, — они из любви к вам любезности говорят? Сейчас, конечно, они еще слабенькие. Но, уверяю вас, годиков через пять японские купцы пошлют к чорту всех своих князей с их средневековой амуницией, сплуются с генералами, и вот тогда им наши карты весьма потребуются. Перечитайте записки Головнина — этот прохвост Мамия Ринсо, думаете, зря по Амуру шлялся? Нет, батенька, здесь святочными маскарадами не возьмешь!..

Деликатный консул, краснея, слушал резкую, отрывистую речь генерала, не привыкшего стесняться в выражениях. Генерал Муравьев был старше его по должности и потому Гошкевич галантно улыбнулся.

— Мне кажется, вы все же преувеличиваете, генерал.

Но Муравьев его уже не слушал. Он подозвал к себе командира флагманского фрегата и дал ему указания о церемониале съезда посольства на японский берег. Граф понимал толк в театральных эффектах и считал, что здесь они действительно необходимы...

Церемония действительно была задумана и выполнена на славу. Ранним утром, когда первые лучи солнца позолотили мачты кораблей, сотни весел ударили по воде и десантные баркасы лихо понеслись к берегу. Японские шпион-офицеры с беспокойством наблюдали, как быстро высаживались и строились на берегу вооруженные экипажи русских корветов и клипперов. Сводный батальон моряков с развернутыми знаменами прошел к пристани и замер в ожидании

* «Северная Пчела», 15 октября 1859 года.

команды. Барабанщики и горнисты стали по своим местам.

В этот момент над тихой гаванью загремели оглушительные орудийные залпы. Корабли расцвелись флагами. От флагманского фрегата отделилась шлюпка. Муравьев переезжал на пароход «Америка», который мог подойти к берегу мелководного залива гораздо ближе, чем остальные суда.

«Америка» приблизилась к берегу и отдала якорь. От нее отвалили шлюпки, наполненные офицерами, одетыми в парадную форму. Шлюпки стремительно помчались по воде. Муравьев высадился на берег и поздоровался с караулом. Потом ему подвели коня. Генерал лихо вскочил на него и двинулся вперед, вежливо, но холодно здороваясь с японцами.

Под грохот барабанов и пение горнов батальон Российского флота в полном вооружении с развернутыми знаменами вступал в японскую столицу, которая веками была закрыта для иностранцев. Вслед за батальоном ехал сам чрезвычайный посланник России Муравьев, окруженный многочисленной свитой.

Русские моряки с огромным любопытством рассматривали незнакомый город. Все ждали увидеть здесь роскошные дворцы, красивые улицы. Но вблизи город выглядел гораздо бледнее и скучнее, нежели с моря. Кривые, узкие улицы столицы были обстроены небольшими тесно прилегающими друг к другу деревянными домами с лавочками внизу. Иногда встречались храмы. Но лишь один из них привлек к себе всеобщее внимание — он был покрыт огромной массивной крышей с красивой резьбой.

Целые кварталы занимали княжеские владения, отгороженные от любопытных взоров глухими стенами. Даже дворец верховного правителя — сьогуну, расположенный на высоком холме, был спрятан за массивным забором, окруженным вдобавок широким рвом.

Пышная процессия остановилась у большого храма, временно отведенного под жилье для членов русского посольства. После парадного обеда, которым японцы угостили Муравьева и его свиту, моряки разбрелись по городу — поглядеть на японскую столицу. Запуганные полицией жители Иеддо недружелюбно смотрели на русских моряков. В лавках им ничего не продавали. На улицах их сторонились. В одном из переулков в спины русским полетели камни.

В центре Иеддо было очень людно. Беспрестанно встречались толстые важные чиновники. Одних тащили носиль-

щики на посылках в окружении пышной свиты, другие важно ехали верхом, сопровождаемые целыми эскадронами вооруженного люда, третьих везли рикши. Дальше к окраинам на улицах русские встречали все больше оборванных, полуголых бедняков.

На корабли моряки вернулись со смешанным чувством разочарования и тоски. Вечером мичман Корнилов 2-й записал в своем путевом журнале:

*«Вид Иеддо с рейда очень красив. Раскинутый по холмам он не может похвастаться ни одним высоким выдающимся зданием, но зато щедро рассыпавшая зелень вознаграждает этот оригинальный для столицы с двумя миллионами жителей недостаток. Но когда пройдешься по Иеддо, пощещь всего того, что ожидал видеть в таком громадном городе и не найдешь почти ничего... то невольно теряешь последнее уважение к Японии. Обладать столько столетий такой роскошной местностью, дойти до некоторой степени государственного развития и ничего не сделать в помощь природе! Вид гилека, не развившегося может быть вследствие бедности окружающей его природы, малайца или негра в тропиках, тоже вовсе неразвитого от лени и совершенного довольства дарами божьими, так щедро кругом его рассыпанными, не производит такого грустного впечатления, как этот печальный застой полуразвития... Нет, скучно, невыносимо скучно долго оставаться в Японии! Скорее домой, в Европу, в Россию, где не мирт расцветает, а ель одиноко стоит»... **

Ослепительное августовское солнце уже поднялось довольно высоко над горизонтом. Над синим морем дрожало легкое марево. Ни единой тучки, ни дуновения ветерка! Лишь пышная зелень субтропических парков умеряла жар. Опаленные солнцем роскошные цветники благоухали еще сильнее.

— Благодать, — блаженно улыбнулся консул, лениво развалившийся на ковре у раздвинутой бумажной переборки, заменявшей стену. — Райское житие, не правда ли, граф?..

Муравьев, затаенный в парадный мундир, мучился от непривычной жары. Он сердито буркнул и продолжал что-то писать. Размякший консул не унимался:

— Николай Николаевич, да неужто вы серьезно думаете

* «Морской сборник», 1860.

те, что вам нужно опасаться этих наивных людей? Хотите, я вам расскажу об их армии? Ведь за этот год мы тут каждый кустик изучили! Я их насквозь вижу. У нас в Хакодате японцы затеяли военные праздники. Можете себе представить, в 8 часов утра являются на стрельбище толпы зрителей и начинается артиллерийская пальба с утра до вечера. При ней обязаны быть все чиновники и офицеры. Даже оба губернатора обедают в доме близ стрельбища, — отлучаться им не разрешено. Прочему начальству тут же около пушек дают чай, рис, греют для них жаровни, ежели им холодно. Ну, и вот начинается комедия. Артиллеристы, чтобы показать свою ловкость, подходят к орудиям по-гусиному, принимают странные непристойные позы. Ихний тамбур-мажор не хуже акробата показывает разные штуки палкой. А кончится пальба и все до одного шнты невредимы...

Генерал резким жестом отодвинул свои бумаги и с сожалением поглядел на консула. Ему давно уже наскучила эта благодушная болтовня и он оборвал Гошкевича:

— Простите, но мне кажется, что вы несколько близоруки. Взгляните вон туда, несколько подальше. Видите?

— Ну? — недоуменно спросил Гошкевич. — Обыкновенные телеграфические столбы...

— Телеграфические столбы! — повторил с раздражением Муравьев. — Телеграфические столбы в стране, которая еще год назад не имела представления о ветряных мельницах. А сейчас, испытав электрический телеграф, они уже связывают сетью Иеддо, Нагасаки, Симоду и Хакодате. Уже строится первая железная дорога из Иеддо к летней резиденции императора. Уже ушла в кругосветное плавание первая джонка «Нифон», машину для которой построили американцы... Как можно всего этого не видеть?..

Муравьев встал и начал ходить по комнате, отрывисто говоря:

— Смею вас заверить, наши европейские соседи спят и во сне видят, как бы устроить России пакость на Востоке. Вы читали, — в Японию уже вышла эскадра прусских кораблей, с нею едет советник. Спору свои галуны, — речь будет идти не только о закупке японских безделушек.

— Ну, пруссаки — это мелочь... — недовольно пробормотал консул, которого раздражала маниакальная подозрительность этого желчного графа.

— Хорошо, пусть мелочь! Но что вы скажете об англичанах? Они-то уж во всяком случае не простят нам, что мы отмежевали себе все Приморье, вплоть до Кореи. Английский посланник вот уже год сидит в Иеддо, а мы, простите за резкость, держим свое консульство в прихожей его величества — в Хакодате. Я еще из Китая отписывал в Петербург, чтобы поспешили с назначением посланника в Иеддо. А Петербург все косится на Лондон...

Консул вздохнул и покачал головой. Ему все больше не нравился беспокойный генерал. Однако дипломату не хотелось ссориться с Муравьевым, и он еще раз попытался сгладить остроту спора:

— Вы все же не совсем правы, Николай Николаевич, — мягко начал он. — Путятин, оказавший отечеству неоценимую услугу заключением русско-японского трактата, иначе смотрел на вещи. Сколько раз повторял он: мы будем учить японцев, и благодарные ученики...

— Учить, учить! — перебил консула Муравьев, — не понимаю я вас с Путятиным! Выучат их и без вас. Предоставьте это английским и прусским генералам. Нам, дай бог, лучше самим учиться, чтобы не отстать от других. Да и учителей нам нужно сыскать получше. Клянусь честью, Россия может отпраздновать свое тысячелетие полным укреплением своего могущества, если она сумеет...

Муравьев особенно подчеркнул слово «сумеет».

— ... Если она сумеет заключить прочный союз с Америкой...

Консул испуганно глянул на увлекшегося генерала. В своем ли он уме? Русская империя — и какая-то безнравственная страна, управляемая людьми без рода и без племени!

— Да, да с Америкой! — повторил Муравьев. — Америка усердно желает нам успеха, но мы отталкиваем ее только потому, что там нет камергеров, столь привлекательного примера для наших аристократов. А если бы мы вступили с Америкой в прочный союз, наши восточные земли были бы в полной безопасности...

Муравьев замолчал и снова углубился в свои бумаги. Гошкевич хотел было протестовать, но потом раздумал, боясь новых резких выходов графа. Кстати пришло время отправляться во дворец, где сегодня начинались дипломатические переговоры, и консул заторопился с приготовлениями.

Русских встретили с обычными почестями и церемониями. Однако Муравьев сразу же дал понять, что он располагает строго ограниченным временем и не хочет жить в Японии полгода или год, как это приходилось делать его предшественникам. Шпион-офицеры старательно записывали каждое слово сердитого генерала, который говорил четко и раздельно:

— В дружеских трактатах, заключенных между нашими двумя великими государствами, одно важное дело не кончено. Японские рыболовы с давних времен занимаются своею промышленностью в Аниве на южной оконечности острова Сахалина или Карафуту. Оба эти древние названия напоминают, что остров этот однороден с рекой Сахалин-Ула, или по-нашему Амур...

Японские чиновники понимающе кивали головами, — такое начало им правилось. Но далее дело приняло неожиданный оборот. Муравьев говорил тем же четким и раздельным голосом:

— ... Но прежде того времени река Сахалин-Ула и остров Сахалин принадлежали России. Следуя голосу справедливости и желая сохранить дружеские отношения, государства — Российское и Китайское — согласились между собою в том, чтобы русские попрежнему занимали Сахалин-Ула (Амур)... Ныне же, когда количество сухопутных и морских войск под моим начальством в Восточной Сибири значительно увеличилось и когда войска эти подвинулись к устью Амура, я могу уже послать в Аниву немалочисленный отряд...

Японцы зашевелились, вспоминая торжественный въезд русского генерала в их столицу. Муравьев несколько смягчил свой тон:

— ... Но так как великий государь мой приказал мне во всех пограничных делах прежде объясняться с пограничными дружескими государствами — Японией и Китаем, — то я поспешил прибыть сюда для переговоров с мудрыми японскими сановниками, чтобы письменно закончить все сомнения относительно Сахалина. Польза обоих наших государств требует, чтобы дело это было решено окончательно как можно скорее... Японское правительство само теперь видит, какими значительными морскими силами может уже здесь располагать Россия. Но силы эти начали учреждаться только пять лет тому назад и будут увеличиваться с каждым годом. По вышеприведенной причине необходимо для обоюд-

ной безопасности, чтобы весь остров Сахалин находился под нашей защитой... *

Как и следовало ожидать, японцы не дали определенно-го ответа на требование Муравьева. Выражаясь пышно и туманно, они сообщили, что правители должны подумать, прежде чем дать ответ, — можно ли провести границы южнее острова. Ответ был вскоре дан в манере, присущей чисто японской дипломатии...

13 августа мичманы Мофет и Авинов, в сопровождении матросов Соколова и Королькова, отправились на баркасе из Иеддо в Йокогаму закупать провизию для моряков. Дело в том, что японские чиновники, выказывая внешние проявления любезности и гостеприимства, тайно запретили купцам столицы торговать с русскими. Поэтому за продуктами приходилось ездить в Йокогаму, расположенную довольно далеко от столицы.

Успешно завершив свой путь, моряки отправились в магазин. Японские купцы, как всегда, заламывали бешеные деньги и долго торговались из-за всякой мелочи. Поэтому закупки удалось закончить только к 8 часам вечера.

— А не пойти ли нам в Иеддо ночью? — спросил своих спутников Роман Мофет. — Завтра видно опять будет жаркий день. Уж лучше по холодку пройти...

Моряки поддержали это предложение. Мофет, Соколов и Корольков направились к берегу. Авинов же задержался, чтобы распорядиться о доставке продуктов в Иеддо.

Над морем синели сумерки. В бухте зажглись огни, — на маленькой шхуне «Фенимор Купер» американские моряки собирались ужинать. Мофет тихо брел рядом с матросом Соколовым, а Корольков шел немного позади.

— Далеко же занесла нас нелегкая! — вздохнул матрос Соколов. — У нас в Рязани сейчас яблоки небось начали собирать, а мы...

Он не договорил. Из переулка вдруг выскочила целая группа японцев с саблями в руках.

— Дурацкий обычай таскать повсюду с собой сабли, — заворчал Мофет. Но в эту минуту толпа японцев набросилась на Соколова. Послышались глухие удары. Соколов упал.

* Иван Барсуков, Граф Н. Н. Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам, том 2-й, Москва, 1891.

— Александр, нас бьют, — звонко крикнул Королькову безоружный мичман, которого в ту же минуту схватили убийцы.

Корольков, за которым тоже погнались преследователи, бросился к одной из японских лавок. Ее владелец торопливо запирает двери и злобно толкает моряка, пытаясь оставить его за порогом. Убийцы уже настигли Королькова. Один удар острой сабли рассек его фуражку у самого виска. Другим ударом была разрублена кисть левой руки. Последним усилием Корольков сбил с ног лавочника, ворвался в магазин, запер дверь и тут же свалился на пол.

На крики убиваемых русских со всех сторон спешили толпы людей. Неизвестно, чем кончилась бы вся эта история для раненого Королькова, если бы не подоспели на помощь американские матросы. Они разогнали японцев, перенесли в какой-то дом Королькова и Мофета, который еще подавал признаки жизни. Немедленно явился перепуганный японский доктор. Вслед за ним пришел врач американского консульства. Но помощь мичману Мофету уже не требовалась — он был мертв.

Мичман Авинов, только случайно спасшийся от гибели, немедленно заявил резкий протест губернатору и дал знать Муравьеву обо всем происшедшем. Американцы, очень сочувственно отнесшиеся к судьбе русских, сразу же заявили, что, по их мнению, это убийство не случайное. Европейцам часто приходилось ходить по Иокогаме ночью, имея на руках большие деньги. Но еще ни разу никто на их жизнь не покушался.

Муравьев и сам прекрасно понимал, что этот террористический акт является прямым ответом на его дипломатическое представление о Сахалине.

Все русские моряки были возмущены наглым убийством их товарища. Многие командиры требовали мести, ссылаясь на примеры англичан и французов, громивших целые города в Китае в отместку за убийство одного человека. Однако Муравьев вел себя очень сдержанно.

В ту же ночь он выслал в Иокогаму корвет «Новик» и клиппер «Джигит». Расследование убийства было поручено флигель-адъютанту Попову. Он немедленно явился к губернатору и категорически потребовал найти и наказать убийц.

Губернатор был бледен, выражал свою скорбь и клялся наказать виновных. Но далее туманных обещаний дело не шло. Тогда Попов резко сказал:

— Я требую запереть лавки и отобрать у японцев оружие! Это поможет скорее отыскать виновных и предупредить подобные случаи на будущее время.

Губернатор побледнел еще больше, но ответил уклончиво:

— Без приказа из Иеддо я не смею лишить бедный класс средств к существованию прекращением торговли, а тем более снять оружие, которое, по существующим в Японии законам, служит отличием...

Попов, видя, что дальнейший разговор в Иокогаме бесполезен, повернулся и вышел. Через несколько часов он писал Муравьеву:

«Хотя губернатор старался убедить меня в действительности средств, принятых им самим, так же как и по приказанию правительства, к отысканию преступников, но, имея некоторое понятие об администрации Японии, я убежден, что все слова его, так же как и успех принятых мер, наиболее зависят от распоряжений из Иеддо. Поэтому я полагаю, что вопрос об удовлетворении гораздо скорее может быть приведен к окончанию в Иеддо».*

Муравьев знал, на что намекает флигель-адъютант. Достаточно одного мановения его руки и мощная артиллерия эскадры разнесет в щепки японскую столицу. Небольшие земляные батареи и вооруженные маленькими пушечками джонки не смогут оказать эскадре сколько-нибудь существенного сопротивления.

Но что будет дальше? Дальновидный генерал знал, что Петербург сейчас не заинтересован в войне с Японией. Все его помыслы попрежнему в Европе. Нет, уж лучше пока укрепить те позиции, которые уже заняты на берегу Тихого океана. Во всяком случае теперь Муравьев не особенно заботился о том, удастся ли получить у японских сановников согласие на русский десант в Аниве. На насилие он ответит силой. Японские князья еще пожалеют о том дне, когда они наняли убийц для расправы с русскими моряками!..

* Морской сборник», 1860.

И к всеобщему удивлению Муравьев приказал эскадре готовиться к обратному походу. Надо было до ледостава попасть на Амур, чтобы приготовиться к сахалинской операции, которую Муравьев теперь твердо решил назначить на весну.

Больше всего были разочарованы таким неожиданным исходом дела англичане. Генеральный консул Британской империи предполагал извлечь немалые выгоды из русско-японского конфликта. Пытаясь разжечь страсти, он упорно твердил, что японцы должны понести достойное наказание от русского оружия. Муравьев соглашался с ним, но в то же время ускорял приготовления к отходу эскадры.

24 августа русская эскадра покинула Иеддо, пробыв у берегов японской столицы менее трех недель. Лишь мощный фрегат «Аскольд» остался на рейде, как грозное напоминание о грядущем возмездии.

Несколько дней спустя командир фрегата, капитан первого ранга Унковский потребовал к себе руководителей японской внешней политики. На борт русского корабля явились четыре пышно одетых чиновника. Унковский предъявил им свои требования:

1. Депутация высших сановников обязана прибыть на фрегат и в присутствии офицеров и команды просить извинения.

2. Губернаторы Июкогамы должны быть смещены и лишены чинов.

3. К 12 сентября убийцы должны быть найдены... (в этом сам Унковский сомневался, зная, что убийцы были подосланы самими японскими князьями) *.

Японские чиновники долго совещались и, наконец, передали через переводчиков, что они готовы извиниться. Унковский отдал приказание, и через несколько минут вся команда «Аскольда» выстроилась на палубе. Японские сановники стали перед фронтом и принесли извинения оскорбленному русскому флагу. Потом они уехали, сказав, что явятся на фрегат для продолжения переговоров.

Четыре раза приезжали японские сановники на фрегат, пока, наконец, согласились выполнить второй пункт требования, — 12 сентября губернаторы Июкогамы Мицую Тсиконгоно-Ками и Като Икино-Ками были смещены и лишены чинов.

* «Морской сборник», 1860.

Но убийцы так и не были найдены. Хитрые чиновники предложили Унковскому:

— В назначенный срок мы казним на месте преступления в вашем присутствии полицейского чиновника, который был дежурным в Йокогаме в день убийства..

Но командир фрегата был более дальновидным человеком, нежели предполагали японцы. Он прекрасно понял, что этот ловкий ход рассчитан исключительно на возбуждение мирного японского населения против русских, и холодно ответил:

— Законы цивилизованных наций запрещают умерщвлять невинных...

Тогда сановники принесли на фрегат послание «Высокого совета японской империи», в котором было сказано:

*«Так как, несмотря на самые деятельные меры, предпринятые высоким правительством для отыскания убийц, они не были найдены к назначенному времени, то высокое японское правительство принимает на себя обязательство, как только преступники будут найдены, по отплытии фрегата «Аскольд» из Йеддо, известить немедленно об открытии винсвных российского консула в Хакодате и представителей всех иностранных держав в Йеддо и подвергнуть преступников смертной казни на месте совершения преступления, в присутствии означенных лиц, если они пожелают при сем присутствовать. Высокое японское правительство обязывается принять на вечные времена под свое покровительство часовню, которая будет выстроена над могилою умерщвленных русских»... **

Капитан Унковский спешил в Кронштадт. Зная по опыту, что мирным путем большего от японцев не добьешься, он махнул рукой и небрежно простился с императорскими сановниками.

Генерал Муравьев, оставив консула Гошкевича в Хакодате, пересел на свой любимый быстроходный пароход «Америка» и направился к устью Амура. Он уже в пути разрабатывал планы будущих операций, которые должны были упрочить русские позиции на Тихом океане.

Из станицы Куприяновой он послал с нарочным письмо министру иностранных дел князю Горчакову с просьбой добиться указа о занятии войсками и укреплении южной

* «Морской сборник», 1860.

оконечности Сахалина. Добравшись кое-как в Благовещенск по замерзшему Амуру, Муравьев, не дожидаясь, пока его письмо дойдет в столицу, уже составлял приказ военному губернатору Приморья и командиру сибирской флотилии Казакевичу — готовить всю флотилию к выходу в море немедленно по вскрытии льда в Амурском лимане.

Сидя в холодной избе, Муравьев теропливо писал:

«Эскадра наша должна будет выступить в море под личным вашим начальством и укрепить два пункта для небольших команд — в гаванях Новгородской и Владивостоке, в заливе Петра Великого; занять и укрепить для двух рот место в заливе Анива на острове Сахалине; крейсировать вдоль залива Петра Великого».

Муравьев, как всегда, действовал, не дожидаясь одобрения высшего начальства. Он распорядился готовить к походу на южный Сахалин три корвета, два винтовых транспорта, два клиппера и корвет — пароход «Америку». На остров он посылал две роты солдат с дивизионом горной артиллерии. Зимой в Приморье строились казармы, которые Казакевич должен был перевезти в разобранном виде в бухту Анива.

Остров Сахалин снова возвращался России.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Опасения Муравьева сбылись: феодально-буржуазный блок, пришедший к власти в 1867—1868 годах, опираясь на сочувствие и поддержку иностранного, в первую очередь английского, капитала, быстро развил промышленность Японии и укрепил ее вооруженные силы. Правители Японии имели возможность пересаживать на свою почву европейско-американскую технику в готовом виде. Срок, необходимый для подтягивания отсталой, полудикой страны до уровня «цивилизованных» капиталистических держав, сильно сокращался.

Японское правительство широко финансировало «образцовые предприятия», работающие на снабжение армии. Руководство ими нередко поручалось иностранным инженерам. В 1872 году в Японии было закончено строительство железной дороги Токио—Иокогама. Год спустя задули первые домы. Развивалось судостроение.

Теперь японская военщина получала солидную военно-экономическую базу, чтобы строить широкие завоевательные планы. Офицерский состав армии пополнялся главным образом из среды самурайской касты, воспитанной на кровавых захватнических традициях. Военный министр Сайго Такамори открыто требовал повторения пресловутого похода Хидэйоси — испробовать в деле силу обновленного японского оружия. Уже в 1872 году японцы захватили острова Рюкю. Началась серия захватнических войн, конец которым был положен лишь в 1945 году соединенными усилиями армий свободолюбивых держав.

Как и следовало ожидать, усилился традиционный курс правящих кругов Японии на завоевание русских дальневосточных земель. Японские милитаристы нагнали с каждым годом, тем более, что царское правительство на протяжении длительного периода не проявляло интереса к своему «запольному хутору», как пренебрежительно именовали в Петербурге Дальний Восток.

Дальневосточные земли, как и Сибирь, рассматривались русскими придворными кругами прежде всего как место ссылки преступников. Характерно, что после открытий Невельского, поднявшего русский флаг в устье Амура, в правительственной прессе появились статьи, выражавшие недовольство по поводу того, что теперь «продырявлено дно сибирского каторжного мешка» и каторжные смогут бежать в Америку.

Никаких серьезных шагов к колонизации Приморья, а тем более Сахалина и Курильских островов, царское правительство не делало. Неудивительно, что в прессе обсуждался вопрос о том, чтобы... заселить Дальний Восток японскими, корейскими и китайскими эмигрантами.

«Желание населить берега Амура безусловно полезно, но торопиться не нужно, — писал корреспондент официозной «Северной Пчелы»*. — Перевозить крестьян из многочисленных селений России — предприятие дон-кихотское. Кем же населить Амур? У нас под руками Китай, стесненный народом. Люди, хорошо знающие Китай, предлагают следующий способ переселения. Отправить из устья Амура или залива де-Кастри фрегат. Он пристанет к одному из многих островов Китая, расскажет народу о привольных местах на реке Амуре, опишет все выгоды, которые представляет наше

* «Северная Пчела», 14 августа 1859 года.

правление. Не пройдет и недели, как судно будет полнехонько народом. Само собою разумеется, что предварительно должно построить для них хотя бы мазанки, а для пищи заготовить рис, который можно и купить в Китае...»

Свою статью, отражавшую мнение правящих кругов, корреспондент, завершал выпадами против тех, кто требовал как можно быстрее развить на Дальнем Востоке коммерцию и пути сообщения:

— Железные дороги и торговые компании — воздушные замки! Все придет в свое время, а времени не опередишь!..

Так широко был открыт доступ на Дальний Восток эмигрантам из Китая, Кореи, Японии. Японцы незамедлительно воспользовались этим. Они наводнили Приморье и Приамурье своими резидентами. Эти резиденты захватывали в свои руки промысла, торговлю, усиленно вели шпионскую деятельность, готовя почву для военных авантур.

Прежде чем начать свои действия в направлении Амура, где японский разведчик Мамина Ринсо побывал еще в 1808 году, японцы решили преградить России путь в океан, блокировав выходы из Охотского моря. Как раз в это время начались переговоры царского правительства с Японией об «обмене» южного Сахалина на Курильские острова.

Гряда Курильских островов протянулась цепью от южной оконечности Камчатки на юго-запад к острову Хоккайдо. На протяжении 1270 километров эта гряда, состоящая из 36 островов, служит естественным барьером, отгораживающим Охотское море от Тихого океана. Величина островов различна. Итуруп, например, занимает площадь в 7 тысяч квадратных километров, а его сосед Уруп — только 1511 квадратных километров, Парамушир — 2473 квадратных километра. Площадь иных островов немногим больше сотни квадратных километров.

Как уже рассказывалось выше, русские люди с давних времен изучали и осваивали Курилы. Еще в 1697 году казаки из отряда Владимира Атласова, добравшись до мыса Лопатка, наблюдали оттуда «землицы, которые курягся». В 1719 году посланцы Петра геодезисты Иван Евреинов и Федор Лужин достигли шестого острова Курильской гряды, высадились на берег, «неподвластный никому», и нанесли острова на карту. Не все острова были обитаемы, но некоторые из них, как Парамушир, Уруп, Итуруп, располагали значительным туземным населением, которое занималось

главным образом охотой и рыбным промыслом. На Уруп в течение некоторого периода существовала фактория Русско-Американской компании, основанная Шелеховым в 1794 году из ссыльных и курильцев для промысла морских бобров.

В 1830 году Сибирский комитет передал Российско-Американской компании всю Курильскую гряду. На острове Симусир была учреждена торгово-промышленная контора, а вскоре здесь возникло и русское поселение.

В 50-х годах на острове Уруп было воздвигнуто укрепление Явано.

Многие курильцы были крещены русскими и восприняли русские обычаи. Даже в 1899 году, когда Курильские острова находились уже много лет под властью японцев, японец Тории Рюзоо, посетивший остров Чикотан, обнаружил, что курильцы продолжают носить русские имена и фамилии. Все жители острова разделялись на четыре рода — Сторожевых, Новограбленных, Плетиных и Шериниких. Звали курильцев — Евсей, Трифон, Прокофий, Иван, Дарья, Матрена, Мавра, Пелагея, Харитина, Федора и др. Характерно, что в 1875—1876 годах большое количество курильцев, узнав, что Россия уступает острова Японии, откочевало на Камчатку.

Сама по себе операция «обмена» Южного Сахалина на Курилы выглядит довольно странно, если учесть, что права России на Сахалин, как и на Курилы, были очевидны и бесспорны. «Менять», в сущности говоря, пришлось одну русскую землю на другую. Но царское правительство не сочло возможным проявить необходимую твердость и воспользовалось подвернувшейся сделкой, чтобы быстро и без хлопот закрепить весь Сахалин за Россией. В 1875 году было подписано соответствующее соглашение, в силу которого Курильские острова признавались японскими, а весь Сахалин (включая и южную часть) — русским. Отказавшись с легким сердцем от Курильских островов, царское правительство тем самым передало в руки японцев ключи к Охотскому морю и русскому Дальнему Востоку.

Японцы немедленно начали укрепляться на Курильских островах, готовясь к новым захватам. А царское правительство нашло Сахалину обычное для того времени применение: остров был превращен в огромную каторжную тюрьму. К началу русско-японской войны здесь находилось около 35—40 тысяч каторжан и ссыльных, размещавшихся в 111

поселениях. Характерно, что царское правительство разрешило Японии сохранить промысла в заливе Терпения, и там на протяжении трехсоткилометровой береговой полосы жило не менее 30 тысяч (!) японцев, составлявших, по сути дела, боевой авангард армии. Этот авангард и был использован японским командованием в 1904 году, когда японцы без всяких хлопот быстро оккупировали весь Сахалин.

Мало в чем преуспевало царское правительство и в освоении Приморья. Весьма показательное свидетельство экономической немощи царской России на Дальнем Востоке оставил генерал Унтербергер, несколько десятков лет прослуживший военным губернатором Приморья. В своих мемуарах старый генерал старался как можно подробнее описать все достижения царизма на Дальнем Востоке. И не его вина, что достижения эти выглядят крайне убого. Вот как, к примеру, Унтербергер описывал дальневосточные пути сообщения:

«Обращаясь к путям сообщения, так много содействующим развитию торговли и промышленности в области, приходится делить их на две главные категории: на пути водные и сухопутные.

Морские сношения области как с Европейской Россией, так и с заграницей год от году все увеличиваются, причем преобладающими являются во Владивостоке германские, а в Николаевске японские суда.

...Сухопутное сообщение летом вдоль Амура существует только выючное, так как колесных дорог между поселениями, за редкими исключениями, не существует. Вследствие этого всякое грузовое движение в этих местах в осеннее и весеннее время, при распутице, совершенно прекращается. Колесные дороги мы встречаем лишь в Южно-Уссурийском крае. В продолжение первых двадцати лет по занятии нами края даже сухопутное сообщение Раздольного с Владивостоком на протяжении шестидесяти верст происходило выючным путем по тропе, пролегавшей вдоль западного берега полуострова Муравьева-Амурского, причем в некоторых местах приходилось изгибать у моря скалы, где лошадь шла по брюхо в воде, а также переезжать в брод бары встречающихся рек.

Царские чиновники отлично понимали, что без железных дорог им не удержать Приморья. Но о какой железной дороге они мечтали? Генерал Унтербергер добросовестно отмечает:

«Что касается до выбора типа железной дороги, то проводилась та мысль, что если по финансовым соображениям и не представлялось бы возможным приступить тогда же к постройке через Забайкалье ширококолейной дороги, в том предположении, что она много лет не окупалась бы, то нет никакого основания не построить узкоколейную, которая по приведенным расчетам не только не приносила бы никакого убытка, но, напротив того, приносила бы известный доход...»

Много лет длилась волокита в царских департаментах. И только, когда угроза Дальнему Востоку со стороны Японии стала усиливаться, царь отважился строить дорогу:

Мало кто знает, что закладка дороги связана по времени с некоторыми событиями, весьма позорными для царской короны. Опозорил ее не кто иной, как молодой царевич Николай Александрович Романов, будущий «император всея России».

В 90-х годах Александр III послал наследника в кругосветное путешествие на крейсере «Память Азова». Вначале путешествие протекало более или менее благополучно. Но в Японии, куда после долгих странствий завернул царский крейсер, разыгрался совершенно неприличный скандал: воинственно настроенный японский полицейский избил саблей царского наследника, и тот поспешил убраться под защиту пушек своего крейсера. Крейсер немедленно убрал якоря и на всех парах умчался во Владивосток.

У царского первенца после этого инцидента пропала всякая охота к заморским странствиям. Он мечтал лишь о том, чтобы поскорее добраться до Петербурга. В пасмурное туманное утро 11 мая 1891 года крейсер «Память Азова», сопровождаемый вышедшей ему навстречу тихоокеанской эскадрой, бросил якорь в бухте Золотой Рог. На берегах гремели пушечные салюты, взвивались трехцветные флаги. К борту крейсера мчался катер, заполненный сконфуженными чиновниками, до сведения которых уже дошла весть о скандальном происшествии.

Восемь дней прошло, пока цесаревич оправился после скандала. Тогда-то и была назначена закладка железной дороги. Собственно говоря, закладка эта была сугубо условной: строительство дороги уже началось. Часть ее была готова. Но это не помешало его императорскому высочеству выехать в коляске к месту работ, прослушать молебствие и собственноручно опрокинуть на насыпь тачку земли.

Августейшему первенцу хотелось поскорее вернуться в Петербург. Но как туда добраться? Вариант морского путешествия теперь, понятно, отпадал. Наследник принял решение, повергшее в смятение всех чиновников: вернуться в Петербург через русскую землю в коляске.

Губернаторы, пытаясь всячески задерживать Николая увеселениями, спешили проложить впереди хоть временные дороги. Зная нрав наследника, его соответственно развлекали. В Никольском, например, наследника позабавили тем, что выпрягли из его коляски лошадей и впрягли вместо них крестьянских девушек, которые везли Николая по улицам села. «Дамы уссурийского казачьего войска» подносили ему вышитые полотенца. Когда наследник выехал из Никольского, весь гарнизон перегнали оттуда маршем за сорок верст в Осиновку. Здесь опередившие цесаревича солдаты еще раз прокричали осипшими голосами «ура».

Наследник, видимо, был доволен всем этим. Но в Спасском, — в том самом, которому суждено было через тридцать лет войти в историю, как легендарному городу, — в Спасском разыгрался новый скандал. О нем с грустью вспоминает в своих мемуарах все тот же старательный Унтербергер:

«Отсюда приходилось дальше следовать по низменной долине реки Сунгачи. Незадолго перед приездом наследника тут была выстроена новая дорога, но лившие в последнее время сильные дожди вызвали поднятие вод во всех речках, и как раз к приезду его высочества река Одарка выступила из берегов и залила на пространстве трех верст путь, по которому предстояло следовать наследнику-цесаревичу. Приходилось или ждать спада воды, или решиться на движение по затопленной местности.»

С рассветом 24 мая военный губернатор области вместе с начальником округа отправились для обследования затопленного пути и, проехавши по разным направлениям стоявшее под водою пространство, установили направление, по которому можно было проследовать. Но, ввиду вязкости покрытой водою болотистой местности, лошади не вывезли бы экипаж наследника, а поэтому необходимо было взамен лошадей запретить в них по несколько пар быков, как более надежных при движении по топким местам. По возвращении в Спасское военным губернатором было об этом доложено, и его высочество изволил согласиться на следование предложенным способом...»

Это было зрелище, олицетворявшее собой царскую Россию того времени. Августейший наследник, будущий русский император, уныло сгорбившись, сидел в своей коляске, влекомой волами по невылазной грязи. С обеих сторон экипажа по пояс в воде брела толпа полуголых, грязных крестьян, согнанных в болото со всей округи. Толпа олицетворяла собой восторженное население, которому трудно было расстаться с сыном монарха. На самом деле ее задача была совсем иной: даже вола были бессильны вытащить царскую коляску из вязкой грязи, и крестьяне, скользя и падая, цеплялись за постромки и за края экипажа и вытаскивали его.

Тем временем Япония быстро шла вперед по пути индустриального развития. Как подчеркивал В. И. Ленин, после 1871 года Япония усилилась раз в 10 быстрее, чем Россия. За один лишь 1889 год новые капиталовложения в Японии составили 72 миллиона иен — в 10 раз больше, чем в 1886 году. В городе Нагоя была торжественно отпразднована сдача в эксплуатацию первой тысячи миль железных дорог. Три года спустя в Японии было зарегистрировано около 300 тысяч промышленных рабочих. Здесь начали плавить сталь по методу Бессемера, производить паровозы. Быстро росла добыча угля.

В 1894 году Япония напала на Корею и Китай. Японская военщина действовала с обычной для нее бесцеремонностью и жестокостью. В Порт-Артуре, например, японцы учинили массовую резню корейского населения, вызвавшую возмущение во всем мире. Японскому посланнику в Соединенных Штатах Америки Курино пришлось давать по поводу этой резни официальные «разъяснения».

Китай не мог противостоять Японии и потерпел поражение. Японцы предъявили к нему огромные требования. Однако за японскими успехами ревниво следили русские, немецкие и французские империалисты. Они поспешили обуздать самураев. После энергичного вмешательства правительств России, Германии и Франции японцы были вынуждены отказаться от притязаний на захваченный ими Ляодунский полуостров. 15 марта 1898 года в Пекине было подписано соглашение между Китаем и Россией, в силу которого часть Ляодунского полуострова с Порт-Артуром, Талиенваном и прилегающими островами передавалась России в аренду на 25 лет. Утром 16 марта в Порт-Артур

прибыл из Владивостока парохсд «Саратов», высадивший десант из стрелков, забайкальских казаков, полевой артиллерии и команды крепостной артиллерии. В тот же день на мачте Золотой горы взвился русский флаг.

Японо-русские противоречия обострялись. Дело явным образом шло к войне. Японские милитаристы открыто проповедывали поход против России. Промышленность Японии после войны с Китаем, открывшей новые колониальные рынки, стала расти еще быстрее. С 1894 по 1898 год японцы основали свыше 2300 предприятий.

Готовясь к войне с Россией, Япония только в течение 1896—1903 годов израсходовала на армию и флот 773 миллиона иен. Ее сухопутная армия выросла в три раза, а военно-морской флот — в четыре с половиной раза. Япония попрежнему опиралась на поддержку Англии, с которой она 30 (17) января 1902 года заключила уже официальный союзный договор.

Правящие круги царской России недооценивали Японию как военного противника. Сановники, которым была вверена оборона Дальнего Востока, больше думали о личной наживе, нежели о выполнении своих служебных задач. Укрепления, на которые отпускались огромные средства, строились медленно.

Писатель Н. И. Гарин, побывавший в Порт-Артуре осенью 1898 года, вынес самое безрадостное впечатление от нравов и порядков, заведенных там царскими чиновниками, которые издевались над китайцами, избивали их, бездельничали и предавались разгулу.

— Что-то большое, очень большое завязывается, что роковым образом не может ни остановиться, ни не стоять нам громадных жертв, — пророчески записал он в своем дневнике 31 октября 1898 года.

К началу русско-японской войны вместо 25 батарей берегового фронта Порт-Артура, которые следовало соорудить по проекту инженер-полковника Величко, было отстроено лишь 9 долговременных и 12 временных. На сухопутном фронте предполагалось иметь 6 фортов, 5 укреплений и 5 долговременных батарей. На самом же деле было закончено, да и то вчерне, лишь 4 форта, 3 укрепления и 3 батареи. Строительство порта также продвинулось крайне незначительно. Суда эскадры не имели хорошо закрытой стоянки и находились в зависимости от приливов и отливов. Корабли имели лишь полтора комплекта боеприпасов.

В самый канун войны военный министр генерал Куропаткин прибыл в Японию. Японские политики умело одурачили его, показав на параде свои худшие части и заверив в том, что Япония и не помышляет о нападении на Россию. В Петербурге японские дипломаты вели переговоры об «улаживании недоразумений» на Дальнем Востоке. Японская печать на все лады трубила о том, что Япония настроена дружелюбно по отношению к России. А в это время японские вооруженные силы уже полным ходом готовились к нападению на Россию.

При всех недостатках организации и управления русский военный флот на Дальнем Востоке представлял собою значительную силу. Только в Порт-Артуре в январе 1904 года находились мощные броненосцы «Цесаревич», «Петропавловск», «Пересвет», «Победа». «Севастополь», «Полтава», «Ретвизан», крейсера I ранга «Баян», «Аскольд», «Паллада», «Диана», крейсера II ранга «Боярин» и «Новик», минные крейсера «Всадник» и «Гайдамак», канонерские лодки «Бобр», «Гиляк», «Отважный», «Гремучий», 25 миноносцев и другие корабли. Японцы опасались встречи с этой армадой в открытом бою и решили прибегнуть к вероломному нападению.

Осуществление этого замысла облегчалось тем, что русское командование проявляло исключительную беззаботность и беспечность. Невзирая на разрыв дипломатических отношений с Японией, начальник эскадры адмирал Старк получил указание «о преждевременности» больших предосторожностей и возможности мирного исхода. Адмирал поспешил отменить распоряжения некоторых командиров об усилении бдительности. Эскадра стояла на внешнем рейде по диспозиции мирного времени четырьмя параллельными линиями, без противоминных сетей, не гася якорных огней. Дежурные миноносцы крейсировали в пределах 20-мильного района с открытыми отличительными огнями. Им была дана инструкция «боевого вооружения не готовить».

Даже после того, как английский пароход, явившийся в Порт-Артур 26 января 1904 года (старый стиль), внезапно вывез всех японских резидентов, начальник морского штаба паместника адмирал Витгефт оптимистически заверил участников совещания флагманов, происходившего с 8 до 11 часов вечера этого дня на борту броненосца «Цесаревич»:

— Больших мер по охране эскадры принимать не надо, так как войны не будет...

А главные силы японского флота за два дня до этого уже покинули свои базы. Они подошли к острову Роунд, который находится всего в 45 милях от Порт-Артура. Отсюда адмирал Того и направил в ночную атаку на русскую эскадру первый отряд миноносцев, подняв сигнал «Желаю успеха». Начальник отряда капитан Масадзирэ ответил: «Ручаюсь за успех».

Разбившись на три группы, японские миноносцы устремились к Порт-Артуру и Дальнему. Ночь была темная, и японцам удалось проскользнуть мимо патрулировавших в 20 милях от порта русских миноносцев «Бесстрашный» и «Расторопный». В 23 часа 30 минут десять японских миноносцев, шедших с русскими опознавательными огнями и с фальшивыми трубами, внезапно ворвались на рейд Порт-Артура и атаковали эскадру. Они были замечены перед самой атакой. На «Ретвизане» едва успели пробить боевую тревогу, как раздался взрыв мины, угодившей в левый борт. На броненосце «Цесаревич» успели открыть огонь, но отогнать японцев не удалось, и мина также пробила левый борт. Крейсер «Паллада» был поражен миной «лять-таки в левый борт».

Японцы вели огонь главным образом по хорошо освещенным кораблям — «Ретвизану», «Палладе», которые светили своими прожекторами, «Победе» и «Диане», грузившим уголь, и «Цесаревичу».

Одновременно японцы также вероломно атаковали русские корабли «Варяг» и «Кореец», стоявшие в корейском порту Чемульпо.

«Варяг» — мощный быстроходный бронепалубный крейсер, построенный в 1899 году на верфи Крампа в Филадельфии, с конца 1903 года нес в Чемульпо службу станционером. Канонерская лодка «Кореец» пришла сюда 5 января старого стиля из Порт-Артура, не доставив командиру «Варяга» Рудневу никаких новых инструкций.

В Чемульпо носились тревожные слухи о близкой войне с Японией. Но 8 января Руднева пригласили на борт стоящего здесь же японского крейсера «Чиода». Руднева весьма гостеприимно принял японский командир. Все же, чувствуя что-то неладное, Руднев 25 января решил послать «Корейца» в Порт-Артур узнать обстановку. Японский крей-

сер «Чиода» в тот же вечер снялся с якоря и вышел в море.

На другой день «Кореец» вернулся: оказывается, японская эскадра адмирала Уриу преградила ему путь в Порт-Артур; один из миноносцев выпустил по русской канонерской лодке три мины. Узнав об этом вероломном акте, Руднев немедленно обратился к стоящему на рейде командиру английского крейсера «Гальбот» с протестом. Тот передал японскому адмиралу, что считает рейд Чемульпо нейтральным и откроет огонь по всякому судну, которое начнет военные действия, стоя на рейде.

Десять минут спустя, на рейд вошли четыре японских миноносца и бросили якоря рядом с «Варягом» и «Корейцем». Всю ночь русские моряки провели в ожидании атаки. С берега были получены сведения о том, что японцы высаживают в Чемульпо трёхтысячный десант. В восьмом часу утра Уриу уведомил командиров иностранных кораблей, что между Японией и Россией началась война и что если «Варяг» и «Кореец» до четырех часов дня не уйдут из порта, то его эскадра атакует их здесь же, не считаясь с тем, что рейд нейтрален. Сам Руднев получил от Уриу ультиматум с требованием немедленно выйти в море, то есть, на верную гибель.

Собрав на «Варяге» военный совет, Руднев объявил о своем решении принять неравный бой с коварным врагом и попытаться прорваться в Порт-Артур. Около 11 часов утра «Варяг» и «Кореец» снялись с якорей и двинулись в море. Моряки иностранных кораблей, мимо которых шли русские, провожали их, выстроившись во фронт и крича «ура».

За островом Уодольми путь «Варягу» и «Корейцу» преградили 6 японских крейсеров и 8 миноносцев. Уриу предложил Рудневу сдаться. Русские моряки отвергли это унижительное требование. Разгорелся чудовищно неравный, кровопролитный бой. Тихоходный «Кореец», располагавший устарелой артиллерией, снаряды которой не долетали до японских кораблей, стеснял маневры «Варяга». Но моряки крейсера не считали возможным покинуть товарищей в беде и принимали все удары на себя.

Меткие русские артиллеристы потопили один японский миноносец, нанесли серьезные повреждения крейсерам «Асама» и «Чиода». Однако неравенство сил было велико, прорваться к Порт-Артуру не удалось. Повреждения, по-

лученные «Варягом», были столь значительны, что Руднев был вынужден отдать приказ о возвращении в Чемульпо.

С волнением глядели моряки иностранных кораблей, стоявших на рейде, на израненный, полуразбитый, залитый кровью, не сдающийся врагу русский крейсер. Со всех судов прибыли на борт «Варяга» врачи, чтобы оказать помощь команде — на русском крейсере в строю почти не оставалось людей без ранений. 31 человек был убит, 91 ранен и контужен.

Повреждения крейсера были непоправимы: подбиты десять из двенадцати шестидюймовых орудий, семь из двенадцати 75-миллиметровых и все 47-миллиметровые пушки. Верхний мостик был совершенно разрушен. В третьей кочегарке зияла большая пробоина. Еще четыре пробоины были в других местах. Снарядом сбило верхнее колено третьей дымовой трубы. Были разбиты почти все вентиляторы, надстройки и шлюпки. Верхнюю палубу пробило во многих местах. «Кореец» получил пробоину в таранном отделении.

Раненый капитан Руднев собрал совет офицеров, на котором было принято тяжелое, но неизбежное решение: затопить корабль. Уцелевшие в бою моряки были доставлены на французском, английском и итальянском кораблях в Шанхай и Тонкин, откуда их направили на родину. Все они были награждены. В память этого славного боя была выбита специальная медаль..

Так началась война. Внезапные удары обеспечили японцам господство на море и дали им возможность без особых помех высадить свою 1-ю армию в Корею. Эти успехи японцев еще можно было бы парировать, если бы русское военное командование проявило оперативность, силу воли и маневренность — качества, издавна присущие русским полководцам. Но в том и заключалась трагедия вооруженных сил Российской империи этой эпохи, что во главе их стояли бездарные, продажные генералы, что все талантливые военачальники изгонялись и преследовались царскими чиновниками. Японцы воспользовались слабостью царского правительства и его государственного аппарата. Они, как указал товарищ Сталин, стремились «...отхватить от России южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на Востоке все выходы в океан — следовательно, также все выходы к портам советской Камчатки и советской Чукотки.

Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток».

Победа над Россией далась Японии не дешево. Одна лишь осада Порт-Артура, длившаяся 11 месяцев, стоила японцам 100 тысяч солдат и офицеров. Защитники крепости потеряли за этот период лишь 27 тысяч человек убитыми и ранеными и 30 тысяч пленными, среди которых было очень много больных и раненых. Взятие Порт-Артура обошлось бы японцам еще дороже, если бы не измена коменданта крепости Стесселя, который капитулировал, невзирая на решение совета обороны Порт-Артура продолжать борьбу.

Оторванные от родины, защитники Порт-Артура до конца выполнили свой воинский долг. О характере боев, развернувшихся под стенами этой крепости, дают представление показания английского наблюдателя Бартлета, сопровождавшего японские войска — его отнюдь нельзя заподозрить в симпатиях к русским *. Вот что он писал по поводу одного из эпизодов этих дней (бой 10—11 августа 1904 года за сопку «Орлиное гнездо, которая была ключевой позицией Порт-Артура):

«Приказали наступать, но ничто не могло заставить 8-й (японский, — Ю. Ж.) полк покинуть укрытия в траншеях редута № 2 и в мертвом пространстве за этим укрытием. Приезжали штабные офицеры и упрасивали колеблющийся полк двинуться вперед, но все было напрасно: ничто не могло заставить солдат, скорчившихся в своих траншеях, стать лицом к лицу с свинцовым дождем и разделить участь своих товарищей. Тогда некоторые офицеры, видя, что дальнейшие убеждения бесполезны, начали рубить своих собственных людей шашками. Но, где не принесло пользы убеждение, там и сила не помогла...»

Японцы, которым удалось прорваться частично к Орлиному гнезду, были отрезаны и истреблены. И Бартлет завершает описание этого боя так:

«Остатки двух бригад были отброшены за редуты, в долину Шуйшун, и дошли до железнодорожной насыпи, где 18-я бригада сдержала дальнейшее наступление русских. О продолжении атаки нечего было и думать. Потери японцев по достоверным данным равнялись 14 000 (1) человек убитыми и ранеными. Из

* «Сказания иностранцев о Русской армии в войну 1904—1905 гг.», СПб. 1912.

6-й бригады в 7-м полку осталось налицо всего 2 офицера и 208 нижних чинов, а в 35-м полку — 2 офицера и 247 нижних чинов...»

19—23 сентября защитники Порт-Артура героически отразили новый штурм японцев. Этот штурм Ноги предпринял с целью овладеть горой Высокой, откуда можно было бы бомбардировать стоящую в порту Тихоокеанскую эскадру. Потеряв 6 тысяч солдат и офицеров, японцы не добились никакого успеха. Японский генерал Камио вспоминает об этом бое так: «Затаив в душе злобу, мы отступили на прежнее месторасположение и принуждены были остаться в долгом ожидательном положении. Для достижения цели нами было совершено 10 очень жарких атак; в течение 4 суток мы почти не знали ни сна, ни пищи; часги была совсем расстроены и из строя выбыло очень много офицеров. От штурмующих 22 рот осталось 318 человек».

В конце апреля обе армии, истекая кровью, остановились среди холодных, негостеприимных полей Маньчжурии. Наступала зима. Русские и японцы спешно строили бараки, землянки, спасаясь от холода. Обе армии были обескровлены и измотаны. Надежды на скорую развязку рассеялись — планы молниеносного решения «маньчжурского вопроса» потерпели крах. Было совершенно очевидно, что генеральное сражение потребует новой длительной подготовки. Внимание противников, а также наблюдателей снова обратилось к полуразрушенным, но попрежнему величественным бастионам Порт-Артура, защитники которого с истинно русским упорством продолжали самоотверженную борьбу.

Затянувшаяся оборона Порт-Артура бесила японских генералов. Она находилась в полнейшем противоречии с общим ходом войны. Во всех странах мира сочувственно отзывались о новом русском Севастополе. Самый факт длительного сопротивления Порт-Артура наносил колоссальный моральный ущерб японскому оружию. К тому же, большие потери, понесенные японским главнокомандующим Ойямой на полях Маньчжурии, вынуждали его торопить генерала Ноги с развязкой — под стенами Порт-Артура стояла 100-тысячная японская армия, и высвободить ее — значило существенно усилить основную группировку Ойямы.

Все это привело к тому, что, начиная со второй половины октября, центр тяжести событий был перенесен целиком

на маленький клочок изрытой снарядами и залитой кровью каменистой земли, зажатой на полуострове Ляодун. 30 октября Ноги возобновил штурм восточного сектора крепостной обороны. Он предполагал преподнести Порт-Артур в подарок ко дню рождения императора. По свидетельству уже упоминавшегося выше английского наблюдателя Барлетта, это третий штурм обошелся японцам в 13 тысяч убитых и раненых и не дал результатов. «Офицеры и нижние чины были подавлены исходом боя, и замечалось какое-то малодушие, нависшее над армией», — пишет он.

В Японии известие о новой неудаче Ноги вызвало взрыв возмущения. Японская печать открыто упрекала его в том, что он не восстановил свою запятнанную честь самоубийством. Но главный японский штаб, прекрасно осведомленный о небывалой стойкости русского гарнизона и трудностях борьбы на подступах к Порт-Артуру, проявлял гораздо большую терпимость. Он заботился лишь об усилении армии Ноги. К Ляодунскому полуострову непрерывной чередой шли корабли с «пушечным мясом». Было решено взять Порт-Артур любой ценой.

В конце ноября японцам ценой долгой борьбы и больших потерь удалось занять рвы фортов восточного сектора. Борьба достигла невиданного ожесточения. Атаке японцев предшествовала бешеная артиллерийская подготовка, в которой участвовало 500 орудий, сосредоточенных на крохотном клочке земли. Среди них были мощные 28-сантиметровые гаубицы, подвезенные японцами специально для штурма Порт-Артура. После артиллерийской подготовки 50 тысяч отборных японских солдат устремились на приступ. Русские сопротивлялись отчаянно. Они бросались в штыковые контратаки, забрасывали японцев ручными гранатами, лили на японцев керосин и забрасывали их горящей паклей.

Бой длился всю ночь. Иностранный наблюдатель Штефлер в своей работе «Борьба за Порт-Артур» замечает:

«На следующее утро обнаружилось, что русские везде заняли свои прежние позиции. Этот день (13 ноября), самый кровопролитный день всей осады, обошелся японцам, не принеся ни малейшего успеха, от 8 до 9 тысяч убитыми и ранеными. Всюду японцы проникли в укрепления, их натиск не преграждался никакими препятствиями — и, в конце концов, они потерпели неудачу только благодаря беспримерному упорству и храбрости обороняющихся... Заметна была сильная растерянность; все огромные жертвы, понесенные войсками в этот день, были напрасны».

Штефлеру вторит Бартлет:

«Если когда-либо армия и ее генералы теряли голову, то именно это случилось с японской армией в данном случае. Они вели себя, как игроки, которые, потеряв более, чем имели право потерять, решаются поправить свои дела отчаянным ударом, который может принести либо удачу, либо еще большую потерю».

На другой день Ноги отдал приказ — очистить позиции, занятые ночью, и продолжать саперные работы.

30 ноября, произведя перегруппировку сил, Ноги возобновляет штурм горы Высокой. Это новое, небывало ожесточенное сражение длится неделю. В разгаре его на форту № 2 смертью героя погибает организатор и вдохновитель обороны Порт-Артура генерал Кондратенко. Смерть Кондратенко развязала руки предателю Стесселю, который давно уже ждал удобного момента для того, чтобы вступить в переговоры с японцами о капитуляции. И все же защитники Порт-Артура продолжали сражаться столь самоотверженно и дух их был настолько высок, что Стессель не рисковал в течение почти целого месяца сдать крепость.

Начинается завершающая, исполненная глубокого трагизма, страница эпопеи Порт-Артура. Истекающий кровью, обесиленный гарнизон упорно продолжает борьбу, хотя всякие надежды на то, что к нему придет выручка, теперь утрачены. Неравенство сил чудовищно: Ноги имеет в строю 100 тысяч отборных, свежих солдат; он все время получает подкрепления, а защитники Порт-Артура насчитывают в своих рядах едва 10 тысяч солдат и офицеров. Защитников крепости косит цынга, в госпиталях лежат многие тысячи раненых, их уже некуда класть и некуда эвакуировать. На улицах города непрерывно рвутся снаряды,— японцы, втащив пушки на гору Высокую, хладнокровно расстреливают город и порт, лежащие перед ними, как на ладони.

В течение недели 5—11 декабря японская артиллерия доканчивает губительным огнем остатки порт-артурской эскадры, блокированной в порту. 29 декабря* японцы штурмом овладевают Большим Орлиным гнездом. В этот день Стессель посылает письмо японцам с предложением

* Все даты даны по старому стилю.

позорной капитуляции, идя в разрез с решением совета обороны Порт-Артура, который настаивает на продолжении борьбы во имя чести русского оружия. Проходит три дня, и по всему миру разносится весть: Порт-Артур сдался японцам, сопротивление прекращено.

Летом 1905 года обе борющиеся стороны охотно приняли предложение американского президента Теодора Рузвельта о мирном посредничестве. Царское правительство России торопилось окончить войну, чтобы расквитаться с вспыхнувшей в стране революцией. Япония, напрягавшая последние силы, стояла на грани экономического банкротства — война стоила ей уже 2 миллиарда иен и около 700 тысяч человек убитыми и ранеными.

Японии не удалось полностью осуществить намеченную ею программу захватов. Ее делегатам на мирной конференции в Портсмуте не удалось даже настоять на уплате Россией огромной военной контрибуции, которой требовало правительство Японии, крайне озабоченное состоянием своих финансов, расстроженных войной. Все же Япония закрепила за собой Курильские острова, получила южную половину Сахалина, Южную Маньчжурию (Ляодунский полуостров, южную ветку Китайско-Восточной железной дороги, все русские концессии на этой территории) и право рыбной ловли в русских водах. Царское правительство вынуждено было признать «свободу действий» Японии в Корее, что практически привело к тому, что Япония в 1910 году объявила Корею своей колонией.

Отхватив у России южный Сахалин, японцы получили полный контроль над проливом Лаперуза — между южной окраиной Сахалина и японским островом Хоккайдо.

Утвердившись на скалистых, изобилующих потухшими и действующими вулканами Курильских островах и южном Сахалине, японцы воздвигли здесь систему сильных укреплений. Пролив между Камчаткой и самым северным островом Курильской гряды перекрывался огнем дальнобойной артиллерии. Малый, или 2-й, Курильский пролив, пролив Надежды, пролив Дианы, пролив Де-Фриза и др. также находились под контролем японцев. Блокируя выходы России в Тихий океан, японские правящие круги планомерно готовились к новым захватам.

В своем обращении к народу по поводу победы над Японией товарищ Сталин в сжатой и исчерпывающей фор-

ме напомнил продолжение нашего «особого счета» к японским захватчикам:

«В 1918 году, после установления советского строя в нашей стране, Япония, воспользовавшись враждебным тогда отношением к советской стране Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и опираясь на них, — вновь напала на нашу страну, оккупировала Дальний Восток и четыре года терзала наш народ, грабила советский Дальний Восток.

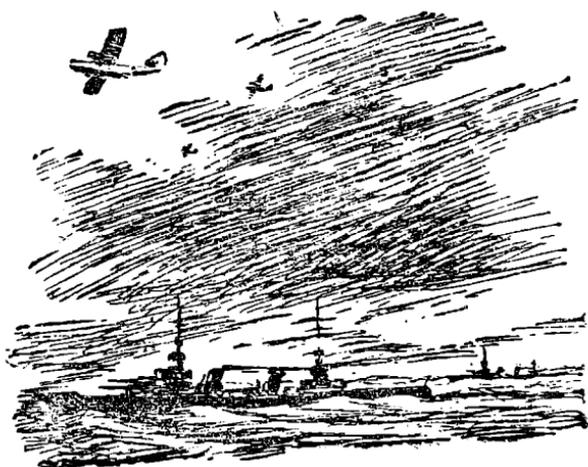
Но и это не все. В 1938 году Япония вновь напала на нашу страну в районе озера Хасан, около Владивостока, с целью окружить Владивосток, а в следующий год Япония повторила свое нападение уже в другом месте, в районе Монгольской Народной Республики, около Халхин-Гола, с целью прорваться на советскую территорию, перерезать нашу Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать Дальний Восток от России».

Интервенция 1918—1922 годов, потребовавшая мобилизации почти половины японской армии и стоившая Японии свыше полутора миллиардов иен, кончилась тем, что Красная Армия вышибла японских оккупантов с нашей земли. Были биты японцы и на берегах Хасана, и у Халхин-Гола. Но, как указывал товарищ Сталин, «...поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня».

Этот долгожданный день наступил 2 сентября 1945 года, когда Япония, разгромленная соединенными усилиями союзных армий, безоговорочно капитулировала. Справедливость восторжествовала — южный Сахалин и Курильские острова вернулись под сень нашего государственного флага. Флаг советского военно-морского флота поднят над освобожденным Красной Армией Порт-Артуром, — правительство Китая передало его Советскому Союзу в аренду на 30 лет. Наступает период мирного строительства на берегах Тихого океана, период нового расцвета нашего Дальнего Востока.

Тем полезнее сейчас перелистать страницы истории Дальнего Востока и воздать дань уважения и признательности русским людям, которые открыли, освоили и оборо-

няли его, самоотверженно сопротивляясь неизменно враждебным к нашему народу агрессивным японским захватчикам. Кровь, пролитая сынами России на Дальнем Востоке, трудовой пот, которым они оросили Курилы, Сахалин и Приморье, дают нам полное основание сказать, что сердцу советского человека кровно близки судьбы этих дальних земель.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Как русские узнали Японию	3
Миссия Беринга	19
Рейс „Екатерины“	34
Хвостов и Давыдов	54
Три года в японском плену	79
Преступление в Иокогаме	119
Послесловие	139

Редактор издательства *А. Н. Цветкова*
Технический редактор *Т. В. Алексеева*

Сдано в набор 16.VIII 1945 г. Подписано к печати
14.II 194 г. А24130. Объем 10 п. л. Уч.-изд. л. 9,8
В 1 п. л. 3852 зн. Тираж 1² 000 экз. Цена 8 р. 50 к.

Отпечатано в Типографии Издательства
Главсевморпути. Москва. Зак. 1032

Цена 8 руб. 50 коп.